

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2024 • Т. 15 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бакина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр (США-Китай)

Айгуль Кульназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Максим Александрович Сучков
Софья Константиновна Бакина
Дарья Павловна Жабина
Анастасия Вячеславовна Павлова
Анастасия Арсентьевна Ситова
Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьянь По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллоев
Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана
(Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуацзэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шаكلةина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джин Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 54

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

Журнал издается при поддержке Про-
граммы стратегического академического
лидерства «Приоритет-2030»

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные
и российские библиографические базы
данных, в том числе ESCI Web of Science
Core Collection, Google Scholar, BAK, RINCC
и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932
от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в отделе оперативной
полиграфии и множительной
техники МГИМО МИД России.
119454, Москва,
проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 15,97 усл. п.л.
Заказ № 1853.

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций, аффилированных
с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2024
© О.В. Гаман-Голутвина, 2024
© Издательская группа «Юрист», 2024

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2024 • Volume 15 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Goluvina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
Russia, Moscow

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA-China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International Relations
RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities (Russia,
Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Dr Maxim A. Suchkov
Sofia K. Babkina
Daria P. Zhabina
Anastasia V. Pavlova
Anastasia A. Sigova
Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezheva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoria I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 54

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO-University

The journal is published with the support
of the "Priority 2030" Strategic Academic
Leadership Program

INDEXING

The journal is included in international and
Russian bibliographic databases, including
ESCI Web of Science Core Collection, Google
Scholar, Higher Attestation Commission, RSCI
and others.

web-page: sravpol.ru
ISSN (print) 2221-3279
ISSN (online) 2612-4990

Printed at the Department
of Operational Polygraphy and
Multiplication Technology,
MGIMO University.
76 Prospect Vernadskogo,
Moscow, Russia, 119454.
Circulation 2000 copies.
Order No. 1853.

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do not necessarily
reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist", or the organizations to which
the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2024
© O.V. Gaman-Goluvina, 2024
© Publishing Group "Yurist", 2024

ПРЕДДВЕРИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА
ИЛИ CONTRA SPERM SPERO?

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПРЕДСТАВЛЯЯ НОМЕР

Преддверие глобального конфликта
или contra sperm spero?
О.В. Гаман-Голутвина
(МГИМО МИД России)

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ

Вертикаль и патронаж:
ротации силовых элит в регионах России
Р.Ф. Туровский
(МГИМО МИД России; НИУ ВШЭ),
М.С. Сухова, К.В. Функ
(НИУ ВШЭ)

Уроки балтийского направления внешней
политики стран Северной Европы в 1989–2004 гг.:
актуальные параллели
Н.Е. Белухин
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; МГИМО МИД России),
В.В. Воротников
(МГИМО МИД России)

Оборонная политика Франции в 2022–2024 гг.:
перемены в рамках преемственности
А.Ю. Чихачев
(СПбГУ)

О дилемме безопасности и угрозах эскалации
в условиях присоединения Финляндии и Швеции к НАТО
К.В. Богданов, Д.В. Стефанович
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)

Новые форматы ядерного сотрудничества США
и их влияние на Договор о нераспространении
ядерного оружия
Р.А. Устинов
(Постоянное представительство России при
международных организациях в Вене)

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Дискуссия о военно-политическом развитии ФРГ
до и после «смены эпох»: тенденции и последствия
А.Д. Давыдов
(МГИМО МИД России)

Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз:
кейсы ядерного оружия и изменения климата
Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов
(МГИМО МИД России)

ИНТЕРВЬЮ

с Андреем Афанасьевичем Кокошиным
(РАН; НИУ ВШЭ)

THE EVE OF GLOBAL CONFLICT
OR CONTRA SPERM SPERO?

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

4 The Eve of Global Conflict
or Contra Sperm Spero?
Dr. Oksana V. Gaman-Golutvina
(MGIMO University)

MILITARY SECURITY AND TECHNOLOGIES

19 The Vertical and Patronage:
Change of the Law Enforcement Elites in Russia's Regions
Dr. Rostislav F. Turovsky
(MGIMO University; HSE University),
Marina S. Sukhova, Karina V. Funk
(HSE University)

46 The Lessons of Nordic States' Foreign Policy
in the Baltic Region 1989–2004:
Relevant Analogies
Nikita E. Belukhin
(IMEMO RAS; MGIMO University),
Dr. Vladislav V. Vorotnikov
(MGIMO University)

71 French Defense Policy in 2022–2024:
Changes within Continuity
Dr. Aleksei Yu. Chikhachev
(SPbU)

99 On the Security Dilemma and Threats of Escalation
in the Context of Finland's and Sweden's Joining to NATO
Dr. Konstantin V. Bogdanov, Dmitry V. Stefanovich
(IMEMO RAS)

113 New Formats of U.S. Nuclear Alliances and Their Impact
on the Treaty on the Non-Proliferation
of Nuclear Weapons
Roman A. Ustinov
(Permanent Mission of the Russian Federation
to the International Organizations in Vienna)

SCIENTIFIC DEBUT

127 Military–Political Strategy in the German Party Debate
before and after the "Zeitenwende":
Trends and Consequences
Alexander D. Davydov
(MGIMO University)

141 Obstacles to Macrosecuritization of Global Threats:
Cases of Nuclear Weapons and Climate Change
Yevgeny I. Uchaev, Artem A. Kvartalnov
(MGIMO University)

INTERVIEW

165 with Dr. Andrey A. Kokoshin
(Russian Academy of Sciences; HSE University)

ПРЕДДВЕРИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА ИЛИ CONTRA SPERM SPERO?

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья содержит характеристику мирополитического контекста, оказывающего влияние на эволюцию военно-политической сферы, анализу которой посвящены статьи представляемого выпуска. В качестве методологической рамки предложено использование концепции турбулентности мировой политики, введенной в научный оборот Дж. Розенау в 1990 году и получившей развитие в более поздней литературе. Для адекватной интерпретации текущих тенденций военной политики предлагается принимать во внимание отличия современных конфликтов и войн от предшествовавших им форм. В частности, уместно учитывать установленные ранее в литературе отличия тотальных и ограниченных войн. Другой концептуальной характеристикой современных войн является сформулированная в доктринальных документах США теория «мировой войны»/«войномира», в рамках которой военные конфликты и их границы обретают нечеткий характер, а противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования.

Отмечается, что для России проблема безопасности – исторически ключевая проблема, определенная геополитическим расположением государства с протяженными сухопутными границами. Это отразилось на конфигурации российской государственности с ее традиционным акцентом на жесткой иерархии управления, строго вертикальном алгоритме принятия решений и централизации территориального устройства, вследствие чего иерархизация выступала не просто атрибутом исторической эволюции России, но архетипической формой организации политического пространства страны. В современном мире матрица социальной организации меняется – рядом с иерархией возникает сеть, что проблематизирует безальтернативность иерархического алгоритма принятия решений и актуализирует обновление концепций безопасности.

Ключевые слова: турбулентность, мировая политика, безопасность, обороноспособность, военная политика

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии, МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политической науки; профессор, НИУ ВШЭ; главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и ОП Москвы, заместитель председателя Общественного Совета при Минобрнауки РФ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Представляемый номер посвящен военно-политической тематике, которая в последние годы, к сожалению, выдвинулась в центр экспертных дискуссий по профилю политической науки и международных отношений. Нельзя сказать, что повод к тому в 2022 году возник неожиданно – эксперты и прежде – после государственного переворота на Украине в 2014 году и даже еще ранее, в 2008 году – предупреждали о возможности подобного развития событий. Достаточно упомянуть опубликованный в начале 2015 г. доклад Всемирного экономического форума о непосредственных глобальных рисках, в котором 900 всемирно признанных экспертов впервые за предшествовавшие 20 лет на первое место поставили геополитические риски межгосударственных конфликтов¹. Другой опрос, проведенный в феврале 2015 г. в США журналом *"Foreign Policy"* с привлечением более тысячи американских экспертов, показал, что также впервые за предшествовавшие 20 лет риск прямого военного столкновения США с Россией был оценен выше, чем между США и Китаем. Беспрецедентными для периода после Второй мировой войны стали масштаб, жесткость и системность реакции западных политико-формирующих кругов в 2022 году на стремление России защитить свои интересы: попытки «отмены» России распространились не только на военно-политическую область, но также на российскую экономику и культуру. Практически одновременно открытый мир Юргена Хабермаса с его акцентуацией значимости публичной делиберативной коммуникации (Хабермас, 2023; Хабермас, 2000) уступил место миру Карла Шмидта – холодному миру, жестко разделенному на друзей и врагов (Шмидт, 1992)... Решимость Запада в использовании военных средств для давления на Россию в немалой степени обусловлена притуплением у западных политиков за предшествовавшие десятилетия страха глобального военного столкновения и забвением возможных последствий подобного столкновения. В данном контексте уместно вспомнить относящееся к 1919 году знаменитое пророчество Освальда Шпенглера, когда вскоре после завершения Первой мировой войны он дал поразивший современников ответ на вопрос о возможности нового глобального столкновения. Потрясенная масштабом и последствиями общемировой бойни Европа была поражена прогнозом Шпенглера, убежденного, что новая мировая война не только возможна, но неизбежна, и даже предположил, что произойдет она через двадцать лет. Свою позицию Шпенглер пояснил тем, что в этом временном интервале вырастет новое поколение, не познавшее ужасов войны. К сожалению, последовавшие события подтвердили прогноз Шпенглера: именно в 1939 году началась Вторая мировая война.

Благодаря созданным после ее завершения при ведущей роли СССР институтам глобального управления, прежде всего Организации Объединенных Наций, мировому сообществу удавалось избегать всемирных войн

¹ *ЭлитТрейдер* (2015) Главный риск 2015 года – война. 14 июня. Available at: <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=253413> (дата обращения: 20.11.2024).

почти 80 лет. Однако в течение этих десятилетий выросли три поколения, для которых память о войне стала достоянием далекого прошлого. Сегодняшняя политическая доминанта выражается знаменитой фразой Александра Хейга «*Есть вещи поважнее мира*» ...

И потому не вызывает удивления другой, более близкий по времени, прогноз. Профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, который еще в 2006 г. с 70% вероятностью предсказал крах пузыря на рынке жилья и рецессию в США в 2008–09 годах (за что и получил прозвище «Доктор Рок», хотя сам он предпочитает «Доктор Реалист»), в интервью газете *"Financial Times"*, представляя свою новую книгу «Мегаугрозы», сказал: «Я думаю, что мир сейчас похож на крушение поезда в режиме замедленной съемки. Появились новые серьезные угрозы, которых раньше не было, они усиливаются, а мы почти ничего не делаем»². В упомянутой книге, которую сразу после публикации назвали «музеем ужасов», он дал еще один прогноз, не менее «оптимистичный»: не исключено, что человечеству предстоят мрачные века, аналогичные эпохе с 1914 по 1945 год...

Действительно, мы вступили в период штормовой глобальной турбулентности, и оказалось, что восемьдесят лет отсутствия общемировых войн и относительного процветания были, скорее, исключением из обычного для предшествовавших эпох хода истории. Если исходить из того, что историческая хроника – это череда конфликтов и войн, голода и болезней, то, похоже, мир возвращается к своему обычному состоянию. Перефразируя Уильяма Шекспира и Джона Стейнбека, можно констатировать, что, кажется, наступила *зима тревоги нашей*, и глобальная турбулентность сегодня – уже не фигура речи и не потенциальная возможность, а реальность.

Феномен глобальной турбулентности впервые получил концептуализацию в литературе в момент первой его масштабной волны – на рубеже 1980–1990-х годов, ознаменованном пересмотром послевоенных границ в Европе, символом которой стало падение Берлинской стены, а вехами – разрушение мировой социалистической системы, распад СССР, Югославии и Чехословакии. В начале 1990-х годов американский теоретик международных отношений Джеймс Розенау в опубликованной в 1990 году работе *"Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity"* (Rosenau, 1990) предложил концепцию «*турбулентности мировой политики*» для характеристики ее переходного состояния, когда старые правила еще действуют, но новые уже входят в силу. Результатом этого совмещения становится вхождение мировой политики в «зону турбулентности».

В последующем эти идеи были детализированы, и в настоящее время под турбулентностью понимают динамику изменений миропорядка, «характеризующуюся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично

² Roubini N. (2022) 'I hope I didn't depress you too much'. *Financial Times*, 18 December. Available at: <https://www.ft.com/content/b86825e3-5e34-4817-801f-0e0c190bcbbb> (accessed 23 November 2024).

контролируемую отдельными акторами мировой политики» (Полулях, 2017: 249). Были подвергнуты анализу разнообразные источники турбулентности XXI века, отсчет которого уместно вести с момента завершения в 1991 году «короткого двадцатого века» (Хобсбаум, 2004).

К числу таких источников обоснованно отнести природную среду, которая содержит в себе источники пульсации и чревата катаклизмами (стихийные бедствия, изменения климата и др.), способными генерировать дестабилизацию социотехнических систем; антропогенное воздействие на природу, климат планеты и крупные экосистемы, включая хищническое истребление ресурсов, исчезновение лесов, истощение «экологически дружественной почвы»; нестабильную демографию. Другим значимым источником нестабильности выступает новая технологическая революция, имеющая принципиальное отличие от предшествующих. Если прежние технологические сдвиги *меняли мир человека*, то использование результатов нынешнего сдвига способно *изменить самого человека*. Речь идет о био-техно-информационных технологиях, включая искусственный интеллект и новейшие биологические инновации. Эти тектонические сдвиги способствуют гигантскому расширению возможностей отдельных индивидов оказывать влияние на социум. Как отмечает Р. Хаас, простое возрастание числа *«стран-участниц делает консенсус труднодостижимым или даже невозможным»* (Хаас, 2014). Многократное умножение акторов чревато ростом хаотизации в геометрической прогрессии и обуславливает рост взаимозависимости людей и обществ, обретающей малоконтролируемый характер. Мгновенная передача сообщений, изображений и идей, быстрая транспортировка людей и товаров наносят удар по способности правительств эффективно контролировать границы и информационное пространство, обеспечивать безопасность населения. Еще одним следствием технологической революции становится транснационализация асоциального поведения, прежде всего транснациональной преступности. Наконец, помимо природных и технологических источников мировой нестабильности следует назвать собственно политические по природе и генезису источники – противоречия и конфликты в рамках мировой политической системы.

Одним из следствий этой реорганизации становится новое качество турбулентности, обусловленное наложением целого ряда источников возмущений, вхождением их в резонанс и возникновением вследствие этого «идеального шторма». Опосредованным его следствием является *эффект бабочки* – значительная взаимосвязанность индивидуумов и обществ, когда проблемы одного социума больно отзываются на другом конце мира. Описанный в работах Э. Гидденса и У. Бека еще в конце XX века процесс глобальной трансформации – *«ускользающий мир»* (Э. Гидденс), «общество риска» (У. Бек), переход к *«другому модерну»* (Бек, 2007; Гидденс, 2004) – обретает формат «изменения основ изменения» (Бек, 2000: 16). Неизбежным следствием и обратной стороной усложнения социальных связей предстает многократно возросшая хрупкость современного мира (Талёб, 2014).

Применительно к мировой экономике, Нуриэль Рубини в вышеупомянутой книге конкретизирует угрозы, называя грядущую стагфляцию, долговой кризис, демографическую бомбу замедленного действия, ловушку легких денег, крах валют, господство финансовой нестабильности, конец глобализации, угрозу искусственного интеллекта, новую холодную войну.

Источники турбулентности политической сферы эксперты правомерно усматривают в образно сформулированной Грэмом Алисоном «ловушке Фукидида», когда уходящий гегемон стремится воспрепятствовать восходящей державе посредством войны (Allison, 2017: xv–xvi). Позиция участников мировой системы различна: Россия и Китай стремятся отстоять право на реализацию собственных интересов и стратегий, хотя и различными путями и средствами. Ряд других акторов пытаются восстановить свое бывшее величие – например, восходящее к временам Османской Порты и Британской империи.

В контексте размышлений над текущей международной конфликтностью необходимо принять во внимание изменение целей и характера современных войн и эволюцию их концептуального осмысления. Что касается первого, то современные эксперты, развивая идеи К. Клаузевица, различают тотальные и ограниченные войны. Разграничение определено не количеством погибших и не масштабом военных действий, а целями. Цель тотальной войны – полностью разгромить противника, уничтожить его или принудить к капитуляции. Цель ограниченной войны принципиально иная – принудить противника к компромиссу, к локальным уступкам, в результате которых противник вынужден пойти на заключение невыгодного для него соглашения. Такой тип войн преобладал во второй половине XVII и в XVIII вв.; таковы и разворачивающиеся в начале XXI в. ограниченные войны, которые потенциально чреваты более крупными военными конфликтами (Фененко, 2015). В этом также можно увидеть проявление противоречивого характера политики, сочетающей сверхсовременные инструменты и инновационные технологии противостояния (кибероружие, радиоэлектроника и др.) с заимствованными из древности приемами.

Для понимания актуальных тенденций в концептуализации современных войн уместно обратиться также к официальным документам. Так, в частности, в разработанной еще десять лет назад – в 2014 г. – Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020–2040» – впервые на уровне официального документа было зафиксировано принципиально новое видение облика войны. В Новой оперативной концепции впервые официально говорится, что *«жесткие противоборства будущего будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции»*. Один из разработчиков концепции, бывший командующий войсками США и союзников в Афганистане, генерал Д. Барно отмечал: *«Нам придется действовать в условиях, когда невозможно установить ни точного времени начала войны, ни момента ее завершения»* (Оперативная концепция..., 2015). Особенностью новых концепций войны оказывается отсутствие четкой грани между войной

и миром, когда интенсивность конфликтов, его участники, поля боя и сферы противоборств становятся переменными величинами. Фактически речь идет о том, что появляется новое состояние – «мировойна» или «войномир». Таким образом, особое значение придается нечеткому характеру военных конфликтов, когда в условиях жесткого противоборства противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования, как ополчение, так и частные военные компании и т.п. (Оперативная концепция..., 2015).

Для России проблема безопасности – исторически ключевая проблема, что определено геополитическим расположением государства (Политический класс в современном обществе, 2012). Даже после распада СССР Российская Федерация – самое территориально протяженное государство в мире, в два раза превосходящее следующее за ней государство – Канаду и значительно опережающее такие территориально крупные страны, как Китай, США и Бразилию. Европейская часть РФ занимает 42% территории Европы, а азиатская – 19% Азии. Фактор протяженности пространства имеет для России принципиальное значение в плане восприятия проблемы безопасности, политической культуры и системы политических институтов. Главное в данном контексте – протяженная *преимущественно сухопутная граница*, что определяет ее открытость не только ветрам, но и пришельцам, не всегда добронамеренным. Действительно, история России – в значительной мере история оборонительных войн. По подсчетам русского военного историка генерала Н.Сухотина, в течение 527 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года, то есть почти две трети своей истории. Однако отдельный подсчет времени войн, которые вела Россия с каждой страной, даже больше, так как в течение указанного периода Россия неоднократно воевала одновременно с несколькими странами или враждебными коалициями (Никольский, 1928/1991: 184; 280).

Данные геополитические обстоятельства имели существенное значение для формирования конфигурации российского государства, определяя востребованность системной мобилизации, сопряженной с концентрацией ресурсов и усилий. Жесткая иерархия управленческого контура, строго вертикальная конфигурация процессов принятия решений, тотальная централизация территориального устройства стали не просто константами исторического движения, но архетипическими формами организации политического пространства. Иерархизация предстала атрибутом исторического движения России.

Что это означает применительно к современному прочтению проблемы национальной безопасности? Как никогда ранее очевидно, что задача обеспечения безопасности имеет более глубокий характер и не ограничена ни обычными вооружениями, ни системами массового уничтожения, ни даже состоянием экономики и инфраструктуры. Эффективная обороноспособность в значительной мере определяется современными технологиями

и развитием информационной сферы, а также, несомненно, состоянием науки и образования, и даже этически-волевыми качествами управленческого контура – не в меньшей степени, чем материальными факторами. Со времен Артура Шопенгауэра мы помним, что мир – это *«воля и представление»*.

К сказанному стоит добавить такой значимый фактор трансформации императивов безопасности, как *цифровизация*. В данной связи важно то, что масштабная и всеобъемлющая цифровая трансформация меняет не только саму реальность и ее значимые с точки зрения императивов безопасности параметры, но *меняет матрицу социальной организации*. Матрица иерархии становится не то чтобы вовсе не конгруэнтной характеру реальности – она становится ограничено релевантной, поскольку одной из значимых характеристик текущей реальности предстает *распределенная конфигурация*. Вертикальная организация не уходит в прошлое окончательно – она утрачивает безальтернативный характер: рядом с ней возникает сеть, которая предстает матрицей цифровой реальности.

Строго говоря, трансформация в пользу рассредоточенной организации пространства началась раньше цифровизации – не случайно одной из ключевых идей французского постмодернизма уже тридцать-сорок лет назад была фиксация неизбежного и имеющего далеко идущие последствия кризиса иерархии (История Российской ассоциации политической науки, 2015). Образом постмодернистской парадигмы предстала *ризом*: произвольный горизонтально расширяющийся контур транслировал идею распределенного в пространстве влияния. Если предшествующие познавательные модели выстраивались по принципу «древа познания» (в котором фиксировались направление эволюции, иерархия, структура, целостность и т.п.), то постмодернистская гносеологическая парадигма обрела облик «ризомы» как разветвленной корневой системы со множеством различных «узлов» и беспорядочно переплетающихся побегов. Последние вторгаются в чужие эволюционные цепочки и образуют «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития, порождают несистемные и неожиданные различия, разделяют и прерывают эти цепочки, одновременно их дифференцируют и систематизируют. Более того, сама реальность обретает подобие ризомы (Иванов, 2010). Не случайно Мишель Фуко, признавая исторически конструктивную роль дисциплинарных институтов, отторгал их уместность применительно к современной ему эпохе (Фуко, 1999), а Жак Деррида осуждал заключение философской мысли в карцер (Деррида, 2007).

Упомянутые и иные масштабные с точки зрения глубины, качества и динамики трансформации в сфере безопасности требуют концептуального осмысления. Востребованы субстантивные определения и классификации рисков, вызовов, опасностей и угроз, их диверсификация в плане «мягких» и «жестких» модальностей (Динамика инноваций, 2011). Актуальность обретают также обсуждения конкретных военно-политических сюжетов, включая текущие военные установки ведущих государств НАТО по отношению к России.

Осмыслению ряда из этих сюжетов посвящен представляемый выпуск «Сравнительной политики». Журналу оказана честь выдающимся российским специалистом по профилю военно-политических и технологических аспектов международной и национальной безопасности академиком РАН А.А. Кокошиным, который любезно ответил на вопросы редакции. В этом замечательном по глубине и концептуальности интервью центральной мыслью выступает акцентирование необходимости глубокого осмысления тематики безопасности в ее всеобъемлющей интерпретации, исходным пунктом которой следует считать концепт стратегической культуры. Еще двадцать лет назад А.А. Кокошин, разрабатывая тематику стратегической культуры как фундаментального основания политики национальных государств, трактовал этот феномен в качестве имманентной характеристики не только вооруженных сил и не только государственной машины, но и национального сообщества в целом, имея в виду сохранение своеобразия мышления и действия не только при смене политического руководства и военного командования, но и даже при смене политических систем и режимов. Стратегическая культура (как близкий по содержанию и функциям политической культуре (Гаман-Голутвина, 2005) феномен) уместно интерпретировать как «конденсат» предшествующего исторического опыта военно-политических практик на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Посему столь востребовано основательное изучение опыта военных действий предшествовавших периодов. Не случайно А.А. Кокошин посвятил специальную работу наследию Сунь Цзы, в которой характеризует его знаменитый трактат «Искусство войны» как один из важнейших образцов традиционного китайского общественно-научного мышления, во многом сохраняющий свою актуальность и в XXI в. Высоко ставит А.А. Кокошин наследие К. фон Клаузевица, и особенно работы отечественных специалистов А.А. Свечина и Б.М. Шапошникова – как и целой плеяды советских и российских специалистов более позднего времени.

Но поскольку Россия – страна крупных и малых революций, сопровождавшихся резкой сменой не только политических систем и режимов, но и всеобъемлющей ротацией кадрового состава вооруженных сил, не удивительны серьезные сложности с анализом и осмыслением опыта Первой и Второй мировой войн, Гражданской войны. Они во многом были связаны с трагическими судьбами в середине XX века тех ученых и военачальников, которые обращались к этому опыту. К сожалению, тенденцию недооценки военного опыта прошлого нельзя полагать преодоленной и в настоящее время – уроки локальных войн второй половины XX века и первой четверти XXI века ожидают своих исследователей, что важно не только с точки зрения развития военной теории, но и насущно востребовано для отражения актуальных вызовов.

Еще более актуален вопрос о прогнозировании долгосрочных и среднесрочных тенденций и закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы. Проблема состоит в том, что скорость технологических трансформаций многократно опережает темп и качество осмысления их эволюции и перспектив, а тренды эволюции военной техносферы до сих пор остаются

слабо исследованными и мало востребованными принимающими решения лицами. Авторы «Сравнительной политики» по мере возможностей стремятся внести свой скромный вклад в восполнение данного пробела.

Остро дискуссионная в текущем контексте проблема современной военной политики – политика в ядерной сфере – представлена на опыте США Р.А. Устиновым, который знаком с темой не только теоретически. В качестве заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при международных организациях в Вене он осведомлен о практических аспектах темы. Тем ценнее проведенный им анализ влияния на международный режим ядерного нераспространения новых форматов ядерного сотрудничества, осуществляемых Соединенными Штатами Америки со своими союзниками. Речь идет об инициированном в 2021 г. партнерстве Австралии, Великобритании и США *AUKUS*, в рамках которого планируется передача Канберре высокообогащенного ядерного материала в ядерных силовых установках субмарин. А также об анонсированной США в 2024 г. совместной с Республикой Корея политике «расширенного сдерживания». Р.А. Устинов полагает, что не вполне правомерно утверждать, что Вашингтон целенаправленно привержен курсу на дезинтеграцию Договора о нераспространении ядерного оружия. Вместе с тем жесткая ориентация США на узко трактуемые собственные геополитические интересы ведет к размыванию сути ДНЯО и всего международного режима нераспространения. Оба рассмотренных в статье кейса подтверждают: политика США вписывается в концепцию и стратегию обусловленного распространения (*conditional proliferation*), что подразумевает передачу США чувствительных технологий союзникам в целях укрепления совместного потенциала сдерживания. Несомненно, данная практика дестабилизирует режим ДНЯО – из Договора выхолащивается его смысл и международно-правовой инструментарий, который позволял на протяжении более полувека останавливать распространение ядерного оружия. Это ведет к формированию аналогичной мотивации других государств-участников ДНЯО и возникновению новой международной среды. Неизбежным следствием предстает возможное дальнейшее снижение политического веса Договора и его регулирующей роли, что определяет потребность в новых подходах к международному режиму нераспространения ядерного оружия в будущем.

Ряд представленных в выпуске статей посвящен рассмотрению военно-технической политики в европейском ареале. Естественным фокусом выступает анализ эволюции военно-технической политики в крупнейших полициях ЕС – Франции и Германии. В статьях А.Д. Давыдова и А.Ю. Чихачева получают развитие опубликованные в предыдущем выпуске «Сравнительной политики» результаты изучения сдвигов, произошедших в двух странах после 2022 года. Выявленная разница подходов двух стран состоит в том, что Франция, несмотря на заявления французского руководства о переходе к «военной экономике» и на произошедшие сдвиги в доктринальном, военно-техническом и оперативном аспектах, не связывает изменения во внутренней

политике – преимущественно экономической направленности – с внешне-политическими шоками. Тогда как Германия воспользовалась ими для того, чтобы существенно расширить свое участие в общеевропейской и мировой военной политике и нарастить свой вес в дискуссиях по военной стратегии НАТО. Если в 2021 году накануне выборов в бундестаг ни одна из партий ФРГ не представила четкую позицию по вопросу использованию военной силы во внешней политике, то, начиная с 2022 года, впервые после окончания Второй мировой войны тематика обороноспособности страны прочно заняла место одной из центральных тем общенациональной дискуссии, а ведущие партии включают военную тематику в обязательный набор тематик и имиджевых характеристик.

Что касается французского случая, то анализ А.Ю. Чихачева также подтвердил обоснованность выводов более ранних публикаций «Сравнительной политики» о том, что нынешний курс Пятой республики в сфере обороны характеризуется преемственностью. Более глубокая кооперация с членами ЕС и НАТО восходит к периоду отказа от голлистского наследия во внешней политике; приоритет в пользу качественного, а не количественного укрепления вооруженных сил соотносится с установками рубежа 1990-х–2000-х гг., когда произошел переход к профессиональному принципу комплектования вооруженных сил страны, а двукратный в годовом выражении рост оборонного бюджета объясняется подготовкой к плановой модернизации ядерного арсенала. Не просматривается также принципиальный пересмотр объема военного присутствия в различных регионах мира – ни в Западной Африке, ни на Ближнем Востоке, ни в Азиатско-Тихоокеанском регионах. Перечисленное дает автору основания для вывода: некоторые новшества в оборонной сфере действительно имеют место, но сама модель военного строительства осталась без изменений.

Две статьи выпуска посвящены рассмотрению военной политики государств Северной Европы. Столь высокое внимание к данному региону обусловлено расширением НАТО в связи с присоединением Финляндии и Швеции к альянсу, что означает повышение угроз для Российской Федерации. В условиях продолжения вооруженного конфликта высокой интенсивности в центре Европы К.В. Богданов и Д.В. Стефанович предлагают рассматривать этот процесс как элемент курса по навязыванию России издержек и растягиванию периметра ее потенциалов сдерживания. И видят в сложившейся ситуации актуальный пример дилеммы безопасности: любые действия одной из сторон по укреплению собственной безопасности другой стороной воспринимаются как угроза уже ее безопасности. Соответственно, авторы предлагают оценивать любые действия сторон не только с позиций купирования имеющихся угроз, но и в свете оптимального реагирования на предполагаемые угрозы. Эскалационный потенциал возможного военно-политического обострения на северном фланге оценивается авторами как чрезвычайно высокий и имеющий тенденцию к росту.

В своем вышеупомянутом интервью А.А. Кокошин правомерно отмечал значимость уроков прошлого для эффективного прогнозирования будущего. В этой связи обоснованным выглядит обращение Н.Е. Белухина и В.В. Воротникова к историческим параллелям на материале анализа внешней дипломатии североевропейских стран в их отношениях со странами Балтии в 1989–2004 гг. и с Украиной после 2014 г. с целью выявления соотношения преемственности и трансформации.

Проведенное с опорой на архивные материалы и мемуаристику исследование показало, что страны Северной Европы стремятся играть особую роль в расширении ЕС и НАТО, выступая в качестве проводников в евроатлантические структуры – изначально для стран Балтии, позже – для стран Восточного партнерства – и максимально ограничить влияние России на эти страны. Особенно выделяется позиция Дании, которая стремилась быть для стран Балтии драйвером на пути в структуры НАТО. После присоединения к альянсу эволюционирует в сторону ужесточения позиция Швеции, которая ранее фокусировалась на экономических инициативах. В любом случае страны Северной Европы совпадают в своем энергичном стремлении к углубленной интеграции в институты ЕС и НАТО и отказу от прежней особой позиции в сфере внешней и оборонной политики, что свидетельствует о долгосрочном характере их стратегического курса на противостояние России.

Достойны поддержки усилия по концептуализации процессов в военно-политической сфере, что представлено в настоящем выпуске молодыми исследователями Е.И. Учаевым и А.А. Квартальным с опорой на одну из наиболее влиятельных современных теорий международной безопасности – теорию секьюритизации – на примере попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата. Успех таких попыток, которые влекут за собой принятие чрезвычайных мер по борьбе с угрозой, знаменует успешную секьюритизацию. Причины неудачных попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата авторы видят в действии двух факторов. Во-первых, речь идет о том, что анархическая система суверенных государств препятствует общим действиям по решению глобальных проблем, тогда как успешная макросекьюритизация, подразумевающая принятие чрезвычайных мер в международном масштабе, требует именно таких действий. Во-вторых, в рамках государствоцентричной международной системы руководители государств склонны придерживаться неэкзистенциальных интерпретаций ядерного оружия и изменения климата.

В завершение следует обратить внимание на сфокусированную на силовых аспектах внутренней политики РФ статью Р.Ф. Туровского, М.С. Суховой и К.В. Функ, рассмотревших функционирование силовых ведомств в субъектах РФ на материале практик кадровых ротаций в региональных органах прокуратуры и региональных структурах внутренних дел за период с 1991 по весну 2023 гг. Хронологический масштаб эволюции объекта – более 30 лет – сообщает исследованию репрезентативный характер. Анализ показал, что регионы России заметно отличны друг от друга по степени интенсивности

кадровых ротаций в силовых органах, а субъекты с частыми ротациями в системах МВД и прокуратуры не совпадают между собой. Нет сомнений, что неочевидность четких объективных критериев для кадровых ротаций оставляет широкое пространство для патрон-клиентских отношений. Вместе с тем отрадно, что проведенный анализ не свидетельствует о явном доминировании патронажа в качестве фактора кадровых ротаций в силовых органах, если речь идет о руководителях соответствующих ведомств. В любом случае практики централизованного управления, восходящие к советскому периоду, имеют широкое распространение в силовых ведомствах России и проявляются в распространенных назначениях варягов и частых перемещениях между регионами, что не позволяет создавать устойчивые связи силовиков с местными элитами.

Завершая обзор представленных в выпуске разноплановых кейсов, можно предположить, что «Сравнительной политике», видимо, предстоит еще не раз обращаться к политико-военным сюжетам, ибо актуальная реальность предоставляет значительное число подтверждений известной максимы «Хочешь мира – готовься к войне». Позволю себе выразить надежду, что в том числе и от профильных экспертов зависит то, каким останется в истории нынешний период – преддверием глобального конфликта или выходом из него – несмотря на кажущееся отсутствие позитивных предпосылок к тому в моменте...

Список литературы

1. Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.
2. Бек У. (2007) *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция. 464 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. (2005) Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *Политэкс* 1(2): 38–49.
4. Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.) (2012) *Политический класс в современном обществе*. Серия Библиотека РАПН, М.: РОССПЭН.
5. Гидденс Э. (2004) *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Изд-во «Весь мир». 120 с.
6. Деррида Ж. (2007) *Позиции*. М.: Академический Проспект. 160 с.
7. Иванов Е.А. (2010) *Эпистемологические проблемы постмодернистской философии истории*. Диссертация...канд филос. наук. Самара.
8. Никольский Б. (1991) Войны России. В альманахе «Русский колокол», 1928. *Наш современник* 5: 182–185.
9. Оперативная концепция армии США. Победа в сложном мире. 2020–2040 (2015) *Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов*. 2015. Сост. Е. Ларина, В. Овчинский. М.: Книжный мир.
10. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (отв. ред.) (2015) *История Российской ассоциации политической науки. Сер. Российская политическая наука: истоки и перспективы*. М.: Аспект Пресс.
11. Полулях Д.С. (2017) Турбулентность как характеристика современного мирового порядка. *Политическая наука*. Специальный выпуск.

12. Супрун В.И. (ред.) (2011) *Динамика инноваций*. Новосибирск.
13. Талеб Н.Н. (2014) *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: Изд-во КоЛибри, Азбука-Аттикус. 768 с.
14. Фененко А.В. (2015) Современные конфликты – отражение войн XVII–XVIII веков. *Российский совет по международным делам*. Available at: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-konflikty-otrazhenie-voyn-xvii-xviii-vekov/> (дата обращения: 21.11.2024).
15. Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem. 480 с.
16. Хаас Р. (2014) Разваливающийся миропорядок. *Россия в глобальной политике* 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushhijsya-miroporyadok/> (дата обращения: 23.11.2024).
17. Хабермас Ю. (2023) *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. Пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение. 104 с.
18. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие* / Пер. с нем. С.В. Шачина под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. – М.: Наука, 2000. – 380 с.
19. Хобсбаум Э. (2004) *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914–1991*. М.: Независимая газета. 632 с.
20. Шмитт К. (1992) Понятие политического. *Вопросы социологии* 1(1): 35–67.
21. Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt. P. xv–xvi.
22. Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in world politics: A theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-8

THE EVE OF GLOBAL CONFLICT OR CONTRA SPEM SPERO?

Dr. Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Editor-in-Chief, “Comparative Politics Russia” Journal; Member, Public Chamber of the Russian Federation and the Public Council under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The article contains the description of the world political context that influences the evolution of the military-political sphere. The articles of the presented issue are devoted to this analysis. As a methodological framework, it is proposed to use the information introduced into scientific circulation by J. Rosenau in 1990, the concept of turbulence in world politics, which was developed in later literature. For an adequate interpretation of current trends in military policy, it is proposed to take into account the differences between modern conflicts and wars from their previous forms. In particular, it is appropriate to take into account the differences between total and limited wars established in the literature earlier. Another conceptual characteristic of modern

wars is the theory of "world war" formulated in the doctrinal documents of the United States, in which military conflicts and their borders become indistinct, while the opposing sides include both military units and irregular formations. It is noted that for Russia, the security problem is historically a key problem, which is determined by the geopolitical location of an extended land state. The influence of this geopolitical circumstance was reflected in the configuration of Russian statehood with its traditional emphasis on a rigid hierarchy of governance, a strictly vertical decision-making algorithm and the centralization of the territorial structure, as a result of which hierarchization was not just an attribute of the historical evolution of Russia, but an archetypal form of organization of the country's political space. In the modern world, the matrix of social organization is changing: a network appears next to the hierarchy, which problematizes the lack of alternative hierarchical decision-making algorithm and actualizes the updating of security concepts.

Keywords: turbulence, world politics, security, defense capability, military policy

References:

1. Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt. P. xv–xvi.
2. Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society: Towards a New Modernity]*. Moscow: Progress-Traditsiya. 383 p. (In Russian).
3. Beck U. (2007) *Vlast i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya [Power in the Global Age: A New Global Political Economy]*. Moscow: Progress-Traditsiya: 464 p. (In Russian).
4. Derrida J. (2007) *Pozitsii [Positions]*. Moscow. 160 p. (In Russian).
5. Fenenko A.V. (2015) *Sovremennye konflikty – otrazhenie voyn XVII–XVIII vekov [Modern Conflicts as a Reflection of Wars of XVII–XVIII Centuries]*. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-konflikty-otrazhenie-voyn-xvii-xviii-vekov/> (accessed 21 November 2024). (In Russian).
6. Foucault M. (1999) *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyur'my [Modern conflicts as a reflection of wars of XVII–XVIII centuries]*. Translated from French by V. Naumov, edited by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem: 480 p. (In Russian).
7. Gaman-Goluvina O.V. (2005) Razvitie kategorii «politicheskaya kul'tura» v obshchestvenno-politicheskoy mysli [Development of the Category 'Political Culture' in Socio-Political Thought] *Politeks [Political expertise: POLITEX]* 1(2): 38–49. (In Russian).
8. Gaman-Goluvina O.V. (ed.) (2012) *Politicheskiy klass v sovremennom obshchestve [Political Class in Modern Society]*. Seriya Biblioteka RAPN. Moscow: Rosspen, 2012. (In Russian).
9. Giddens A. (2004) *Uskolzayushchiy mir: kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]*. Moscow: Izdatelstvo «Ves mir». 120 p. (In Russian).
10. Haass R. (2014) Razvalivayushchiysya miroporyadok [The Unraveling]. *Rossiya v globalnoy politike [Russia in Global Affairs]* 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/razvalivayushchiysya-miroporyadok/> (accessed 23 November 2024). (In Russian).
11. Habermas J. (2000) *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral Consciousness and Communicative Action]*. Translated from German by S. Shachin, edited by D. Sklyadnev, afterword by B. Markov. Moscow: Nauka. 380 p. (In Russian).
12. Habermas J. (2023) *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika [A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics]*. Translated from German by T. Atnashev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 104 p. (In Russian).

13. Hobsbawm E. (2004) *Epokha kraynostey. Korotkiy dvadtsatyy vek, 1914–1991* [*The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 632 p. (In Russian).
14. Ivanov E.A. (2010) *Epistemologicheskie problemy postmodernistskoy filosofii istorii* [*Epistemological Problems of Postmodern Philosophy of History*]. PhD thesis. Samara. (In Russian).
15. Nikolsky B. (1991) *Voyny Rossii. V almanakhe «Russkiy kolokol», 1928* [*Russia's wars. In the Almanac «Russian Bell», 1928*]. *Nash sovremennik* 5: 182–185. (In Russian).
16. Operativnaya kontsepsiya armii SSHA. Pobeda v slozhnom mire. 2020–2040. [U.S. Army Operational Concept. Winning in a Complex World. 2020–2040] (2015) In: *Mirovovyna. Vse protiv vseh. Noveishie kontseptsii anglo-saksov* [*World Warfare. All against all. The latest Anglo-Saxon concepts*]. Compiled by E. Larina, V. Ovchinsky. Moscow: Knizhnyy mir. 416 p. (In Russian).
17. Polulyakh D.S. (2017) *Turbulentnost kak kharakteristika sovremennogo mirovogo poryadka* [*Turbulence as a Characteristic of the Contemporary World Order. Politicheskaya nauka* [*Political Science*]]. Special issue. (In Russian).
18. Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in world politics: A theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.
19. S.V. Patrushev, L.E. Filippova (eds.) (2015) *Istoriya Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki* [*History of the Russian Political Science Association*]. Series: Russian Political Science: History and Prospects. M.: Aspekt Press. (In Russian).
20. Schmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. *Voprosy sotsiologii* [*Issues of Sociology*] 1(1): 35–67. (In Russian).
21. Suprun V.I. (ed.) (2011) *Dinamika innovatsiy* [*Dynamics of Innovation*]. Novosibirsk. (In Russian).
22. Taleb N.N. (2014) *Antikhrupkost. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [*Antifragile: Things That Gain From Disorder*]. Moscow: KoLibri, Azbuka–Attikus. 768 p. (In Russian).

ВЕРТИКАЛЬ И ПАТРОНАЖ: РОТАЦИИ СИЛОВЫХ ЭЛИТ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ростислав ТУРОВСКИЙ
МГИМО МИД России; НИУ ВШЭ
Марина СУХОВА, Карина ФУНК
НИУ ВШЭ

Аннотация: Статья посвящена анализу рекрутирования руководителей силовых ведомств в регионах России. Авторами был собран обширный биографический материал по всем руководителям органов прокуратуры и МВД в субъектах РФ в постсоветский период, позволивший выявить основные закономерности назначений соответствующих региональных руководителей, их переходов между регионами и замещения позиций в органах власти и бизнесе после отставки. Исследование показало, что для силовых структур характерны практики централизованного управления, предполагающие минимизацию связи между руководителями соответствующих служб в регионах и местными элитами. При этом немногочисленные привилегированные регионы с сильными местными элитами и особыми отношениями с центром способны продвигать на руководящие посты собственных представителей. Исследование также позволило выявить формирование клиентел, связанных с выходцами из определенных регионов или макрорегионов, представители которых могут занимать руководящие посты одновременно в большом числе субъектов федерации и в центральных органах. Анализ дальнейших карьерных траекторий представителей силовых элит продемонстрировал их связь с перемещением в законодательные органы федеральной власти, законодательные или исполнительные органы региональной власти, а в случае МВД – с замещением различных позиций в частных и государственных компаниях, например,

Ростислав Феликсович Туровский – доктор политических наук, профессор Исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений центр–регионы», МГИМО МИД России; профессор Департамента политики и управления, Факультет социальных наук, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0001-8496-3098. E-mail: rturovsky@hse.ru

119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76; 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

Марина Сергеевна Сухова – старший преподаватель Департамента политики и управления, Факультет социальных наук, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0001-6905-8890. E-mail: mssukhova@gmail.com

101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

Карина Вадимовна Функ – стажер-исследователь Лаборатории региональных политических исследований, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-2723-6940. E-mail: k-funk@mail.ru

101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20.

Поступила в редакцию: 29.03.2024

Принята к публикации: 04.07.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

в подразделениях по безопасности. Как показало исследование, усиление централизации в силовых органах в России взаимосвязано с созданием таких вертикальных клиентел и их ротацией при заменах федеральных глав соответствующих ведомств, в которых могут быть усмотрены признаки отношений патронажа.

Ключевые слова: силовые элиты, регионы России, вертикаль власти, рекрутирование элиты, ротация элиты, патронаж, централизация, клиентелизм, прокуратура, МВД

Введение

Изучение элиты в России в основном сфокусировано вокруг ее политической компоненты. В 1990-х гг. одной из основных тем научной дискуссии стали процессы трансформации старой номенклатуры в новую элиту (Гельман, 1997). Важный вывод написанных в этот период работ заключается в возникновении различных категорий новой российской элиты. Так, О. Крыштановская указывает на формирование в 1990-х гг. политической и экономической элиты (Крыштановская, 1995). Под политической элитой подразумеваются люди, занимающие посты в органах власти, а под экономической – бизнес-элита, которая смогла приобрести и преумножить свой капитал в процессе приватизации.

На следующем этапе – в 2000-е гг. – критерии принадлежности к политической элите смещаются от «позиционных», учитывающих прежде всего занимаемые государственные посты, к «десизионным» – участию в процессе принятия решений на федеральном уровне (Крыштановская, 2002). Отличие между подходами заключается в том, что «позиционный» предполагает отнесение к элите тех персон, которые занимают формальные должности вне зависимости от их реального влияния, в то время как подход, основанный на оценке вовлеченности в процесс принятия решений, подразумевает, что существенное воздействие на него могут оказывать и люди, не имеющие институционального доступа к власти (например, представители бизнеса). Второй подход также позволяет выявлять позиции, номинальное замещение которых не наделяет субъекты фактическими полномочиями для принятия властных решений (Колядин, 2016). Кроме того, для изучения элит используется не только позиционный и десизионный, но и репутационный метод, основывающийся на экспертных оценках принадлежности к элите.

Как отмечает О. Гаман-Голутвина, уже в середине 2010-х гг. изменения в структуре российской элиты определяются «переходом от системы "разделения кланов" ... к модели вертикали власти и встроенности разнообразных кланов в систему вертикали власти» (Гаман-Голутвина, 2016: 63). В связи с этим возрастает интерес к изучению механизмов рекрутинга – набора новых кадров в соответствующие структуры. Одни авторы уделяют большое внимание патронажу как значимому фактору рекрутинга элит,

используя в исследованиях методы сетевого анализа (Baturu & Elkind, 2016; Баландин, 2022; Баландин & Гайворонский, 2022). Другие выделяют в качестве значимого фактора рекрутинга элит их образовательные характеристики (Тев, 2015; Крыштановская & Лавров, 2023). Некоторые исследователи также делают акцент на периодизации, в соответствии с которой менялись механизмы рекрутинга. Д. Покатов, например, выделяет три этапа – «формально-свободной циркуляции» (1991 – 2000), «регулируемой ротации» (2001 – 2011) и «корпоративно-персонократической стабилизации» (2011 – н.в.) (Покатов, 2019).

Рекрутирование элит рассматривается как часть процесса их ротации, изучение которого включает в себя определение механизмов карьерного роста, т.е. перемещения кадров на более влиятельные позиции. Несмотря на то, что рекрутинг является составляющей процесса ротации в структуре элиты, а не ее исчерпывающей характеристикой, он занимает центральное место в исследовании российских элит. В настоящей работе, помимо рекрутинга, изучаются различные практики, связанные с ротацией элит в определенных ведомствах – силовых структурах.

Силовые элиты в России

Рост интереса к изучению силовых элит в России связан с избранием В. Путина президентом, что положило начало новому этапу процесса трансформации элит (Ратленд, 2016). А. Ослунд в качестве ключевых групп, на которые опирался В. Путин в течение первого президентского срока, отмечает силовиков и олигархов. По мнению автора, последовавшая кампания, направленная на ослабление позиций олигархической фракции, привела к увеличению влияния силовых структур (Åslund, 2007). Ряд ученых в качестве «фракций», формирующихся внутри «Кремля» (под данным термином подразумевается наиболее влиятельная политическая элита России) в XXI в., указывают либералов, технократов и опять же силовиков (Rivera & Rivera, 2018). Одно из масштабных исследований российской элиты при В. Путине с особым акцентом на влиянии силовой элиты подготовили О. Крыштановская (ставшая автором широко распространенного термина «милитократия») и С. Уайт (Kryshtanovskaya & White, 2003), однако впоследствии различные авторы подвергали данную работу критике за использование некорректной методологии, которое привело к «раздуванию» процентных значений при подсчете доли силовиков во власти (Ривера & Ривера, 2009; Дука, 2012).

В качестве одной из основных характеристик силовых элит исследователи отмечают их внутреннюю разобщенность (Meakins, 2018). Некоторые авторы указывают на то, что неоднородность силовых элит в России имеет двойственную природу – формальную и неформальную. Первая относится к организационной структуре силовых ведомств, а вторая – к наличию клановых образований, которые находятся в состоянии непрерывной борьбы за влияние. Утверждая, что силовые элиты не являются «проактивным

и сплоченным» политическим актором, они также обращают внимание на их преимущественно консервативный характер, направленный на поддержание статус-кво (Taylor, 2017).

Для большинства исследований российских элит традиционно было характерно рассмотрение силового блока как источника рекрутинга в органы исполнительной и законодательной власти (Крыштановская, 2003; Дука, 2012; Rivera & Rivera, 2018). Концепция внутреннего рекрутинга силовых элит как таковых не выступает в качестве самостоятельного предмета исследования. Таким образом, при наличии в большинстве работ фокуса на переход из силового блока в политическую элиту, ротация кадров внутри данной категории оказывается недостаточно изученной; еще меньше внимания уделяется региональному аспекту ротаций в силовых элитах.

Целью настоящей работы является рассмотрение практик кадровой ротации в силовых органах на региональном уровне. Исследовательский вопрос заключается в том, какие механизмы рекрутирования силовых элит наиболее часто используются в регионах России. Учитывая недостаточный уровень изученности вопроса и нехватку данных в публичном доступе, главной задачей представляется первичное выявление и объяснение наиболее выраженных (часто встречающихся) практик рекрутирования и причин ротации (отставок и назначений) руководителей территориальных подразделений силовых структур (на примерах прокуратуры и МВД¹). Для достижения поставленной задачи в качестве основного метода исследования используется биографический анализ; при этом количественные методы, за исключением описательной статистики, не применяются.

Методика исследования и источники данных

В интересах исследования авторами была собрана собственная база биографических данных представителей силовых элит для двух структур, информация по которым носит наиболее полный характер, – регионально-го органа прокуратуры и управлений (главных управлений) министерства внутренних дел по субъекту РФ (министерств внутренних дел в случае республик)². Биографические данные представлены информацией с официальных сайтов ведомств, а также из иных открытых источников (СМИ, источники биографических данных). Данные были собраны за период с 1991 по весну 2023 гг., а для субъектов, образованных позднее, – с соответствующего момента. Итоговая база данных содержит информацию о 634 прокурорах и исполняющих обязанности руководителей прокуратур субъектов РФ, а также о 557 начальниках или министрах региональных органов (управлений или министерств) внутренних дел и исполняющих их обязанности.

¹ Выбор в пользу прокуратуры и МВД обусловлен продолжительной историей их существования за весь постсоветский период (в отличие от Следственного комитета России) и наличием открытых данных в публичном доступе (в отличие от ФСБ).

² База данных собрана для 85 субъектов РФ, а также ранее упраздненных автономных округов. Данные для четырех новых субъектов РФ, образованных в 2022 г., не включены в анализ по причине отсутствия кадровой динамики.

Исследование основывается на анализе биографических данных и выявлении наиболее часто встречающихся практик ротации кадров в выбранных ведомствах посредством дескриптивной статистики. Под практиками подразумеваются два типа назначений – рекрутинг кадров в силовых органах (траектории получения поста главы ведомства в регионе) и их дальнейшие назначения после отставки из рассматриваемого региона.

При изучении кадровых ротаций в силовых органах требуется учитывать их характерную внутреннюю централизацию. Она проявляется как в практиках назначения региональных руководителей федеральным центром при недостаточно выраженном или отсутствующем влиянии регионов (см. ниже), так и в особенностях постоянной циркуляции кадров по вертикали (между центром и регионами, в обе стороны) и горизонтали (между регионами). Эти особенности восходят корнями к советскому (если не имперскому) прошлому и находятся в центре внимания настоящего исследования. Стоит отметить, что силовые структуры сами по себе служат важнейшим инструментом централизации российской власти, поэтому их внутренняя вертикаль имеет существенное значение и для отношений между центром и регионами в государстве.

Наряду с этим предполагается, что силовые структуры могут служить примером политического патронажа (патронализма) в процессах ротации кадров, который стал особенно ярко проявляться в российской политике с приходом к власти В. Путина (Hale, 2017). Предрасположенность к продвижению кадров по принципам территориального происхождения и личных отношений именно в силовых органах обуславливается отсутствием прозрачных (по крайней мере, для «внешних» наблюдателей) объективных критериев кадрового отбора, основанных на профессиональном опыте и тех или иных количественных показателях в регионах, например, уровне преступности.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что ротация кадров в силовых структурах на региональном уровне находится под значительным влиянием патрон-клиентских отношений, формирующихся вокруг федеральных руководителей соответствующих ведомств. Централизованные практики формирования корпуса региональных руководителей в данном случае облегчают проведение ротаций в регионах по усмотрению федерального центра. Учитывая консервативный характер кадровой политики в силовых структурах (не предполагающий частый обмен кадров с другими ведомствами), вместо объективных критериев (не)эффективности, влекущих за собой отставки, кадровые ротации в регионах более явным образом объясняются форс-мажорными обстоятельствами (коррупционными и иными скандалами). При этом стандартные процедуры аттестации кадров в силовых органах служат целям, связанным с оценкой их работы, но не влекут прямой зависимости в вопросах политически мотивированного продвижения тех или иных персон, которые находятся в центре внимания настоящего исследования.

Нормативно-правовая база кадровых ротаций в силовых органах

В соответствии с действующей Конституцией РФ, «...Президент Российской Федерации... назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности... прокуроров субъектов Российской Федерации...». Прокуроры назначаются сроком на пять лет. До 2014 г., в соответствии с конституцией РФ, принятой в 1993 г., прокуроры субъектов РФ назначались генеральным прокурором РФ, при этом требовалось подтверждение со стороны органов региональной власти («Прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с ее субъектами»³).

В связи с внесением конституционных поправок в 2014 г. полномочия по назначению прокуроров субъектов Федерации были переданы непосредственно президенту: «Прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации, согласованному с субъектами Российской Федерации. Прокуроры субъектов Российской Федерации освобождаются от должности Президентом Российской Федерации»⁴. Позднее, с принятием поправок в 2020 г., был определен новый порядок назначения региональных прокуроров: они стали осуществляться по результатам консультаций президента с Советом Федерации без согласования с регионами: «Прокуроры субъектов Российской Федерации, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов Российской Федерации, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации»⁵. При этом в законе «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции от 2020 г.) указано, что генеральный прокурор Российской Федерации «вносит Президенту Российской Федерации представления о назначении на должность и об освобождении от должности прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним прокуроров»⁶. Позиция регионов может косвенно учитываться в ходе обсуждений кандидатур в Совете Федерации.

Продление срока полномочий региональных прокуроров на дополнительный пятилетний срок осуществляется на основании обращения к президенту генерального прокурора. В отношении исполняющих обязанности глав региональных прокуратур срок нахождения на данном посту

³ Законодательство России (n.d.) Конституция Российской Федерации. Исходная редакция. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&rdk=0> (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Законодательство России (n.d.) Конституция Российской Федерации. Редакция от 05.02.2014. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&rdk=12> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Законодательство России (n.d.) Конституция Российской Федерации. Редакция от 14.03.2020. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&rdk=16> (дата обращения: 10.01.2024).

⁶ Законодательство России (n.d.) Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 10.01.2024).

ограничивается шестью месяцами, при этом «...одно и то же лицо может быть назначено исполняющим обязанности по одной и той же вакантной должности не более двух раз...»⁷.

В случае глав региональных УМВД до 2001 г. полномочия по назначению на данные должности были сосредоточены в руках министра, но при согласовании с регионами. Так, согласно «Закону о милиции» исходной редакции от 18 апреля 1991 г. «в краях, областях, автономных областях и округах, в городах Москве и Ленинграде милицией руководят начальники управлений (главных управлений) внутренних дел..., назначаемые министром внутренних дел РСФСР по согласованию с исполнительными комитетами соответствующих Советов народных депутатов с последующим утверждением на сессии этих Советов». При этом руководство милиции в республиках назначалось самостоятельно Верховными Советами республик по согласованию с министром внутренних дел РСФСР⁸. В редакции закона от 31 марта 1999 г. назначение и освобождение начальников милиции во всех субъектах осуществлял министр внутренних дел «по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определяемыми субъектами Российской Федерации»⁹. Однако в редакции от 25 июля 2000 г. из закона уже исчезла формулировка об освобождении от должности по согласованию с субъектами¹⁰.

В 2001 г. в процессе выстраивания властной вертикали в законодательство были внесены значительные изменения, в соответствии с которыми полномочия по назначению глав региональных управлений МВД были переданы президенту РФ, а в ведении министра внутренних дел осталось представление президенту кандидатур на данные должности. Кроме того, до внесения кандидатур требовалось выяснить «мнение высшего должностного лица соответствующего субъекта Российской Федерации»¹¹. Наконец, в редакции от 25 июля 2006 г. было указано, что региональное руководство органов МВД назначается и освобождается от должности президентом без какого-либо согласования¹². В новом законе «О полиции», принятом 7 февраля 2011 г., имелась лаконичная формулировка: «назначение на должности высшего начальствующего состава и освобождение от этих должностей осуществляются Президентом Российской Федерации»¹³, однако этот пункт был исключен

⁷ Законодательство России (n.d.) Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102014157> (дата обращения: 10.01.2024).

⁸ Законодательство России (n.d.) Закон «О милиции». Исходная редакция. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011172&rdk=0> (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ Законодательство России (n.d.) Закон «О милиции». Редакция от 31.03.1999. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011172&rdk=4> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁰ Законодательство России (n.d.) Закон «О милиции». Редакция от 25.07.2000. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011172&rdk=6> (дата обращения: 10.01.2024).

¹¹ Законодательство России (n.d.) Закон «О милиции». Редакция от 04.08.2001. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011172&rdk=10> (дата обращения: 10.01.2024).

¹² Законодательство России (n.d.) Закон «О милиции». Редакция от 25.07.2006. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011172&rdk=25> (дата обращения: 10.01.2024).

¹³ Законодательство России (n.d.) Федеральный закон «О полиции». Исходная редакция. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133&rdk=0> (дата обращения: 10.01.2024).

из закона уже в конце 2011 г. В настоящее время назначение регулируется федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г., в котором повторяется указанное выше положение¹⁴.

Таким образом, результатом процессов централизации в XXI в. стала концентрация формальных полномочий по назначению региональных руководителей силовых ведомств в руках президента. Напротив, влияние органов региональной власти на эти процессы было поэтапно нивелировано, как и формальная роль руководителей самих силовых структур.

Практики кадровой ротации: прокуратура

Проведенный анализ отставок прокуроров субъектов РФ (см. Рис. 1) свидетельствует о наличии цикличности в этом процессе. С одной стороны, количество ежегодных замен, за редкими исключениями, относительно велико. С другой стороны, выделяются отчетливо выраженные максимумы, приходящиеся на 2000, 2006 и 2020 гг. Интенсивность ротаций возрастала в 2004 – 2007 и 2019 – 2021 гг., когда ежегодное число отставок превышало двадцать. Кроме того, выявлены два довольно заметных минимума – в 2010 г. (пять отставок) и в 2014 г. (всего три отставки), – которые еще ярче оттеняют наличие пиковых периодов. Конституционные поправки 2014 г., в результате принятия которых возросла роль президента в процессе, не привели к активизации отставок, хотя в 2020 г. такая связь проявилась.

¹⁴ Законодательство России (n.d.) Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102362996&backlink=1&nd=102152616> (дата обращения: 10.01.2024).

Рисунок 1. Динамика отставок руководителей прокуратуры в субъектах РФ¹⁵
Figure 1. Dynamics of dismissals of heads of prosecutor's offices in the constituent entities of the Russian Federation

В то же время количество ротаций само по себе не свидетельствует о хаотичности или чрезмерной частоте этого процесса. В выборку для анализа были включены 384 отставки за 23 с небольшим года (с начала 2000 г. по весну 2023 г. включительно), что в расчете на 83 субъекта федерации равняется примерно 4,6 отставкам на один регион¹⁶. Таким образом, в среднем прокурор субъекта РФ занимает свою должность около пяти лет, что соответствует обычному сроку, на который он назначается. Из этого также следует, что региональные прокуроры в редких случаях работают более одного срока на одном месте. При такой частоте ротаций логичными становятся перемещения прокуроров между субъектами РФ. Вместе с тем не исключены и более скоротечные отставки по причинам, которые требуют дополнительного выявления.

Анализируя влияние отношений политического патронажа на динамику прокурорских отставок, в первую очередь стоит рассмотреть их связь с избранием президентов страны. Из Рисунка 1 следует, что вступление Д. Медведева в должность главы государства не оказало стимулирующего влияния на ротации: в 2008 г. число отставок прокуроров было невелико,

¹⁵ Источник: составлено авторами по результатам исследования.

¹⁶ В расчеты не были включены Крым и Севастополь в силу менее продолжительного периода рассмотрения, а также ныне не существующие автономные округа по той же причине. Расчеты за 1990-е гг. затруднены в связи с существенными лакунами в данных.

в 2009 и 2010 гг. – еще меньше. Более заметное влияние оказал приход к власти В. Путина в 2000 г., совпадающий с пиком ротаций (а также с новым назначением генерального прокурора, см. ниже). Начало третьего президентского срока В. Путина в 2012 г. сопровождалось значительным числом отставок прокуроров, хотя их было немало и до (2011 г.), и после (2013 г.). Таким образом, нельзя сделать однозначный вывод о том, что увеличение частоты прокурорских отставок было вызвано сменой главы государства, а также президентскими избирательными кампаниями как таковыми, хотя они часто ведут к заменам чиновников в администрации президента и правительстве РФ (в 2004 и 2018 гг., при избрании В. Путина на новые сроки, просто продолжался плавный рост числа прокурорских отставок).

Более явно прослеживается связь ротаций с назначениями генеральных прокуроров, что, как представляется, свидетельствует о наличии отношений патронажа внутри данной системы. Все зафиксированные случаи смены генерального прокурора (назначение В. Устинова в 2000 г., Ю. Чайки в 2006 г. и И. Краснова в 2020 г.) сопровождаются пиками прокурорских отставок и назначений в регионах. В этом можно усмотреть признаки формирования каждым генеральным прокурором своей команды, хотя и при непосредственном участии главы государства в соответствии с процедурой назначения региональных прокуроров. Кроме того, назначение нового генерального прокурора в целом обозначает фундаментальные кадровые перестановки, которые могут быть инициированы различными элитными группами, причастными к этому процессу, как внутри ведомства, так и извне.

Рассматривая различия между регионами для уточнения выводов, необходимо отметить, что продолжительное нахождение ныне действующего прокурора на его посту характерно только для одного региона – Татарстана (И. Нафиков занимал свой пост с 2013 по 2023 гг.)¹⁷. При этом большинство прокуроров (двадцать два) замещают свои должности с 2021 г. Лидером по количеству отставок за изученный период стала Калмыкия (девять раз), за которой следуют Московская область и Ставропольский край (по восемь раз), Башкирия, Мордовия и Тува (по семь раз). В отмеченных регионах средний срок службы прокурора оказался наиболее коротким. В качестве обратных примеров – регионов, где отставки происходили наименее часто (только два раза) – помимо Татарстана можно назвать Кабардино-Балкарию, Брянскую и Тюменскую области. В заметной группе регионов число отставок составило только три раза (Республика Алтай; Хабаровский край; Архангельская, Белгородская, Иркутская, Кемеровская, Мурманская, Омская, Пензенская, Тамбовская, Ульяновская области; Чукотский АО).

¹⁷ После завершения исследования, в сентябре 2023 г. новым прокурором Татарстана был назначен А. Суяргулов, выходец из Санкт-Петербурга.

Сравнительный анализ регионов мог бы дать ответ на вопрос о возможных причинах частоты отставок. Как было показано, статус региона в федерации и его географическое положение не оказывают влияния на скорость ротаций. Попытка связать ротации с уровнем преступности в регионе¹⁸ как возможным критерием эффективности прокуроров также не привела к убедительному результату. Среди регионов с высокой частотой отставок есть как самые «криминальные» (Тува), так и, напротив, субъекты с низким уровнем преступности (Мордовия). Аналогичным образом подобной специфики не наблюдается среди регионов с низкой частотой отставок (высокий уровень преступности в регионах Сибири и Дальнего Востока и низкий в Центральной России и Поволжье). Можно лишь сделать предположение о том, что глубоко периферийное положение региона служит причиной более низкой интенсивности кадровых ротаций, что заметно на примере Чукотки.

Таким образом, интенсивность ротаций скорее связана с индивидуальными характеристиками регионов и / или их прокуроров, что побуждает вернуться к вопросу об отношениях патронажа над регионами со стороны федерального руководства прокуратуры или иных элитных групп. Например, сравнительно мало отставок было зафиксировано в Иркутской области, где прокуратуру в 1990-х гг. возглавлял Ю. Чайка, а также в Хабаровском крае, где он родился. Можно предположить, что наличие особого федерального патронажа над такими регионами способствовало тому, что региональные прокуроры получили возможность находиться на посту дольше своих коллег. Наряду с этим центром могло приниматься в учет существование сильных элит в отдельных республиках, где частота ротаций также невысока, но уже по причине невмешательства центра в местные отношения патронажа – ярким примером является Татарстан. В то же время республики могут служить и полярными примерами с относительно частыми ротациями: интересен контраст между Татарстаном и Башкирией. Обращает на себя внимание и частая ротация, которая может являться признаком борьбы за посты прокуроров в таких важных регионах, как Московская область и Ставропольский край.

Отношения патронажа в прокурорской вертикали сочетаются с централизацией, которая проявляется не только в самом факте наличия вертикали (учитывая номинальное влияние регионов на кадровую политику), но и в дополнительных эффектах централизации, отражающихся в системе отбора кадров. Для региональных органов прокуратуры наиболее характерной практикой является назначение кадров из других субъектов – т.н. варягов. Данная тенденция имеет место как при горизонтальных перемещениях глав органов прокуратуры из одного региона в другой, так и в случае работников региональных прокуратур на менее высоких должностях (заместителей

¹⁸ Генеральная прокуратура Российской Федерации (n.d.) Показатели преступности России. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 10.01.2024).

прокуроров), получающих в процессе карьерного роста пост прокурора в другом субъекте РФ. Особенностью этой практики является ее стабильность не только в пространственной, но и во временной перспективе (назначения «варягов» осуществляются с высокой частотой как в 1990-е гг., так и в XXI в.; данная практика восходит корнями к советскому периоду).

Проведенный анализ показал, что назначение региональными прокурорами уроженцев данного региона сводится к единичным случаям. Всего на 391 случай назначения с 2000 по 2023 гг. (для всей выборки, включая новые и ликвидированные субъекты) приходится только 28 таких примеров. В год максимальное количество подобных назначений достигало лишь трех, а иногда их не было вовсе.

Вместе с тем среди назначений «варягов» имеет место некоторая дифференциация. Одним из распространенных механизмов является перемещение кадров внутри одного федерального округа. Это наиболее типично для Центрального, Северо-Кавказского, Приволжского и Северо-Западного округов, т.е. европейской части России. Напротив, для Сибири и Дальнего Востока характерны перемещения между соответствующими макрорегионами и более далекими от них территориями европейской части России, что может усиливать эффект централизованного контроля, когда в удаленные макрорегионы назначают прокуроров из европейской части страны, либо местных прокуроров переводят ближе к центру.

Более распространенной, но далеко не доминирующей является практика назначения региональными прокурорами тех, кто работал в данном регионе на момент назначения (59 случаев). Как правило, это подразумевает повышение в статусе заместителя прокурора. Вместе с тем сравнительно небольшое количество подобных примеров демонстрирует, что плавный карьерный рост в рамках одного субъекта федерации является скорее исключением. Кроме того, их число уменьшилось: с 2008 г. на год приходится не более одного-двух случаев, а временами не фиксируется вовсе. Наконец, возможным, но также относительно редким является сценарий, при котором сотрудник, ранее работавший в данном регионе (но не на момент назначения), возвращается в него, чтобы стать руководителем прокуратуры. За весь период наблюдений было обнаружено 23 примера; с 2020 г. подобных случаев не выявлено.

Наиболее характерной является практика назначения региональными прокурорами тех, кто прежде не имел в своей биографии никаких связей с данным субъектом. И хотя подобных случаев было относительно много на протяжении всего изучаемого периода, в последние годы их число еще более возросло. Это свидетельствует о стремлении как прокуратуры, так и федерального центра в целом (учитывая важную роль президента и его администрации в кадровых процессах) свести к минимуму связь между прокурорами и местными элитами. Как представляется, такая политика усиливает эффект централизации. К тому же центр получает больше возможностей для

проведения политики патронажа со стороны федеральных элит, продвигая в регионах связанные с ними кадры в лице т.н. варягов и не имея обязательств перед силовыми элитами местного происхождения.

Закономерной становится и практика продвижения в регионах людей, сделавших карьеру в центральных органах прокуратуры (хотя, как правило, имеющих то или иное региональное происхождение). Например, В. Кравченко в 1997 – 2002 гг. работал в органах Генеральной прокуратуры РФ, а в 2002 – 2005 гг. занимал пост прокурора Чечни в период ее реинтеграции в единое пространство страны. Некоторым аналогом представителей федерального центра становятся кадры из столичных регионов – Москвы и Московской области. В результате возникает практика циркуляции кадров между центром и регионами в обоих направлениях, что отражает тесную взаимосвязь территориальных уровней в централизованной системе. В качестве примера можно привести назначение В. Бакуна на пост главы прокуратуры Архангельской области в 2005 г. (ранее работал в прокуратуре г. Москвы), а затем – на должность заместителя начальника управления Генеральной прокуратуры РФ в 2012 г.

Как показало исследование, прокуратура представляет собой единую централизованную систему, в которой обеспечивается циркуляция кадров между центром и регионами. В такой системе отсутствует аналог «региональной элиты», поскольку прокуроры, как правило, являются «варягами» и часто меняют географическое место своей работы. Нет в ней и аналога «столичной элиты», поскольку кадры, работающие в центре, как правило, имеют региональное происхождение. Это демонстрируют и примеры генеральных прокуроров, сделавших карьеру в субъектах федерации. Так, В. Устинов работал в Краснодарском крае (будучи уроженцем Хабаровского края, но в раннем детстве переехавшим на Кубань), где стал прокурором г. Сочи и первым заместителем прокурора Краснодарского края, после чего в 1997 г. был назначен заместителем генерального прокурора. Ю. Чайка также родился в Хабаровском крае, а карьеру сделал в Иркутской области, где работал прокурором в 1992 – 1995 гг., после чего стал первым заместителем генерального прокурора. Нынешний генеральный прокурор И. Краснов является уроженцем Архангельска, но его основная карьера, в отличие от предшественников, связана со столицей: он долгие годы работал в Следственном комитете РФ и в 2016 г. был назначен заместителем его председателя.

Региональное происхождение генеральных прокуроров оказывает заметное влияние на практики патронажа, когда предпочтение может отдаваться выходцам из тех же регионов или макрорегионов при их переводе на федеральный уровень. Одновременно это стимулирует переток кадров из регионов в центр, способствуя повышению в статусе региональных прокуроров.

При В. Устинове чаще стали получать продвижение по службе выходцы из Краснодарского края, становившиеся прокурорами в других субъектах РФ. Так, уроженец Кубани С. Еремин, работавший в 2001 – 2002 гг. заместителем прокурора Краснодарского края, в 2002 г. был назначен прокурором

Астраханской области, а затем и самого Краснодарского края. Еще один зампрокурора Краснодарского края в 2004 – 2005 гг. С. Голованев (получивший образование и сделавший карьеру на Кубани) впоследствии стал прокурором Ставропольского края. После назначения на пост генерального прокурора Ю. Чайки усилился приток представителей Сибирского федерального округа. Ярким примером стало назначение В. Гриня, занимавшего различные должности в прокуратуре г. Омска и Омской области вплоть до назначения в 2000 г. на пост главы прокуратуры Читинской области, позднее – Красноярского края в 2005 г., затем – заместителем генерального прокурора РФ в июле 2006 г. Другой пример – назначение в том же 2006 г. заместителем генерального прокурора В. Малиновского, возглавлявшего прокуратуру Хабаровского края. Впоследствии, в 2017 г., прокурор Бурятии В. Петров стал главным военным прокурором России.

Тем не менее практики патронажа над определенными регионами и рекрутирования кадров с учетом принципа «землячества» в органах прокуратуры были свернуты после назначения И. Краснова. Новый генеральный прокурор не имеет таких региональных корней, которые позволили бы ему сформировать группу влияния на базе своего региона; кроме того, большая часть его карьеры связана с другим ведомством. При И. Краснове стали более частыми горизонтальные ротации между субъектами РФ, а повышение в статусе с переходом на федеральный уровень утратило связь с территориальным происхождением центрального руководства. Впрочем, это не исключает пребывания среди заместителей генерального прокурора бывших прокуроров субъектов РФ, таковыми являются почти все из них – Н. Шишкин (Воронежская область), А. Захаров (Московская область), И. Ткачев (Курганская, Оренбургская области, Дагестан), Ю. Пономарев (Костромская, Свердловская области), Н. Винниченко (Санкт-Петербург), С. Зайцев (Чувашия, Санкт-Петербург), А. Кикоть (Новгородская область), Д. Демешин (Калужская область – в 2024 г. перешел на пост главы Хабаровского края), а также отмеченный выше В. Петров.

В прошлом патронаж также мог проявляться в отдельных случаях неформального повышения близких к федеральному руководству прокуроров, связанного с переходом из одного региона в другой (26 действующих на момент исследования прокуроров субъектов ранее занимали аналогичную должность в других регионах), учитывая, что эти процессы носят постоянный характер. Распространенной является практика перемещения региональных прокуроров на те же должности, но в более крупные и «статусные» регионы, как, например, перевод И. Пантюшина в 2021 г. из Владимирской области в Башкортостан. Однако не исключены и переходы в менее «престижные» регионы – например, из того же Башкортостана прокурор А. Назаров в 2019 г. был направлен в Курганскую область. Имеются и случаи перемещений между «похожими» регионами – например, О. Жариков в 2019 г. стал прокурором Карачаево-Черкесии после того, как 12 лет занимал аналогичную должность в своем родном регионе – Кабардино-Балкарии. В 2020 г. прокуроров двух

регионов «поменяли местами»: А. Гулягин был направлен из Тамбовской области в Воронежскую, а Н. Саврун – наоборот, из Воронежской в менее крупную Тамбовскую (при этом оба ранее работали на аналогичных должностях и в других регионах Центральной России).

Рассмотренные практики отставок региональных прокуроров, сопряженных с карьерным ростом (перевод в центр или в более крупный регион), не имеют явной связи с какими-либо критериями эффективности, известными для внешних наблюдателей. Встречаются случаи, когда успешное расследование крупных коррупционных дел становилось поводом для продвижения по службе. Один из них – повышение прокурора Новгородской области А. Кикотя, который стал заместителем генпрокурора в 2017 г., после того как в регионе была раскрыта ОПГ под руководством первого замгубернатора А. Шалмуева. Вместе с тем имеются и не столь объяснимые примеры – так, в 2016 г. заместителем генпрокурора был назначен прокурор Краснодарского края Л. Коржинек, несмотря на резонансные проблемы в правоохранительных органах в регионе.

Тем не менее из сказанного не следует ни случайного порядка кадровых ротаций, ни их полной зависимости от патрон-клиентских отношений, фактора «землячества» и отношений с генеральным прокурором. Речь идет скорее о механизмах ротаций, в которых значительную роль играет конъюнктурный фактор, – прокурор может быть переведен практически в любой регион, где по тем или иным причинам появилась вакансия. Аналогичным образом в подобных системах не обнаруживаются и выраженных публичных критериев (не) эффективности (хотя вероятно влияние непубличных критериев для внутреннего пользования), ведущих к отставке с понижением в статусе или уходом из прокуратуры (что не позволяет проводить аналогии, например, с анализом отставок губернаторов). В данном случае управленческий механизм предполагает, как правило, работу до выхода на пенсию с возможностью продления срока службы для наиболее ценных и влиятельных кадров после наступления пенсионного возраста.

Вместе с тем очевидным поводом для увольнения становится выявленная в результате проверок, в том числе инициированных федеральным руководством прокуратуры, коррупция, которая в некоторых случаях послужила поводом для арестов и уголовных дел в отношении региональных прокуроров (однако таких примеров немного: например, арест в 2022 г. бывшего прокурора Новосибирской области В. Фалилеева, ушедшего в отставку в 2018 г.). Наряду с этим отмечен ряд отставок, вызванных местными скандалами, проверками и предупреждениями о неполном служебном несоответствии, жалобами региональных сотрудников прокуратуры.

Карьерный путь руководителей региональных прокуратур также может быть связан с перемещением в федеральные органы законодательной власти (что означает рекрутинг кадров в политическую элиту). Например, руководители ряда прокуратур становились депутатами Госдумы – в случаях Башкортостана (Р. Искужин – депутат с 2007 по 2011 гг.), Республики Коми

(В. Поневежский – депутат с 2011 по 2016 гг.), Саратовской области (Н. Макаров, который возглавлял прокуратуру региона в 1991 – 2000 гг., работал депутатом с 2011 по 2016 гг.). Данная практика сравнительно активно применялась в 2000-х и 2010-х гг., однако в настоящий момент утрачивает актуальность.

Еще одной практикой, связанной с перемещением из силовых структур в политические, является назначение бывших руководителей региональных ведомств в органы региональной исполнительной и законодательной власти. Эта практика становится наиболее востребованной по истечении срока службы (фактически – по достижении пенсионного возраста). Соответственно, она связана не столько с повышением в статусе, сколько с сохранением кадров, проявивших себя на позициях в органах прокуратуры и «заслуживших» посты в органах государственной власти при выходе на пенсию. В качестве примеров можно привести избрание региональными депутатами руководителей прокуратуры Сахалинской области; Ставропольского края; Ростовской, Пензенской, Ульяновской, Челябинской областей; Республики Тыва и Камчатского края. Опять же, данная практика активно применялась в 1990-х, 2000-х и 2010-х гг., а в настоящее время является относительно редкой¹⁹.

Практики ротации: МВД

Проведенный анализ ротаций в органах МВД демонстрирует несколько иную картину в сравнении с органами прокуратуры (см. Рис. 2). В частности, в процессе ротаций не наблюдается ярко выраженной цикличности. Речь идет скорее о постоянном процессе, где отставки и назначения происходят каждый год. На общем фоне выделяется только один отчетливый пик в 2011 г. (34 отставки), которому предшествовало заметное число отставок в 2010 г. Относительные максимумы (более 20 отставок) отмечались в самые разные годы (2003, 2005, 2010, 2017, 2019 гг.), при этом не было зафиксировано и явных спадов (минимум – восемь отставок в 2009 г.). Процесс законодательной централизации принятия решений при назначениях на частоте кадровых перестановок не отразился. Тем самым процесс ротаций в системе МВД выглядит более планомерным, происходящим в рутинном режиме, хотя и не исключаящим периодическую активизацию.

¹⁹ Помимо избрания в органы законодательной власти регионов, экс-руководители региональных прокуратур получают посты уполномоченных по правам человека, должности в региональных общественных палатах, органах судебной власти, региональных и городских избирательных комиссиях. Еще одним из направлений ротации кадров в региональных прокуратурах является перемещение руководителей пенсионного возраста в органы исполнительной власти регионов в качестве заместителей (или советников) губернаторов, полномочных представителей губернаторов в различных органах власти и пр. При этом практика перехода руководителей региональных прокуратур в органы исполнительной власти регионов оказывается актуальной и достаточно распространенной и по настоящий момент, но редко обозначает успешное продолжение карьеры, будучи скорее аналогом «почетной пенсии» или политическим способом ускорения кадровой ротации в прокуратуре.

Рисунок 2. Динамика отставок руководителей управлений (главных управлений) МВД по субъектам РФ²⁰

Figure 2. Dynamics of dismissals of heads of departments (main departments) of the Ministry of Internal Affairs in the constituent entities of the Russian Federation

При этом общее число отставок за период наблюдений сопоставимо, хотя и немного ниже, чем в прокуратуре – 371 случай, т.е. примерно 4,5 отставки на регион. Средний срок службы руководителя управления МВД по субъекту федерации составляет чуть больше пяти лет, что также сопоставимо с прокуратурой. Вместе с тем более распространены случаи, когда начальник управления МВД в регионе работает свыше пяти лет, что может свидетельствовать о более консервативной кадровой политике в структурах МВД.

Еще менее явно выражена по сравнению с прокуратурой связь кадровых ротаций со сменой главы государства: ни в 2000, ни в 2008, ни в 2012 гг. не было зафиксировано роста числа отставок (как и в президентские кампании 2004 и 2018 гг.). Напротив, в периоды 2008 – 2009 и 2012 – 2013 гг. отмечалось их снижение. Вместе с тем важную роль в процессе кадровых ротаций сыграла запущенная при президенте Д. Медведеве и проходившая в 2011 – 2012 гг. реформа МВД с проведением переаттестации, сокращением численности сотрудников и созданием полиции (федеральный закон был принят в январе 2011 г. и подписан в феврале 2011 г.). Именно эта реформа и послужила причиной единственному ярко выраженному пику отставок в региональных органах внутренних дел.

²⁰ Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Отношения патронажа, предположительно проявляющиеся в кадровых ротациях в регионах в связи со сменой министра, в органах МВД выражены не столь явно, как в прокуратуре. Заметный рост числа отставок отмечается после назначения министром Б. Грызлова в 2001 г., сопряженного с обещаниями по наведению порядка в системе (пиковых показателей ротации достигли в 2003 г.). Назначение Р. Нургалиева в 2004 г. не сопровождалось немедленным ускорением ротаций, однако в 2005 г. было достигнуто их очередное пиковое значение. В случае В. Колокольцева (занял пост в 2012 г.), напротив, поначалу происходил спад числа отставок после достигнутого ранее пика, связанного с масштабной реформой МВД. В конечном счете, при В. Колокольцеве относительные максимумы имели место, но гораздо позднее – в 2017 и 2019 гг.

Таким образом, частота кадровых ротаций в региональных подразделениях МВД выглядит несколько замедленной в сравнении с прокуратурой. Отношения патронажа между центральными и региональными структурами выражены менее заметно; наиболее многочисленные кадровые перестановки скорее связаны с масштабной институциональной реформой, нежели со сменой министра. Как представляется, это свидетельствует о более сильном влиянии бюрократических принципов на формирование элиты в МВД и о постепенном кадровом росте сотрудников, который менее подвержен воздействию политических факторов. Кроме того, ротации при Б. Грызлове и Р. Нургалиеве могли и не быть связанными с формированием их собственных значимых клиентел, поскольку ранее оба министра в МВД не служили.

Сказанное выше отчасти подтверждает и более распространенная практика продолжительного замещения руководителями региональных подразделений своих должностей. Особым случаем является Чечня, в которой министр внутренних дел Р. Алханов, земляк Р. Кадырова, непрерывно служил с 2004 г. (в 2023 г. Р. Алханов перешел на федеральный уровень; его сменил другой представитель чеченской элиты, выходец из того же села А. Ирасханов). Пожалуй, это самый яркий пример несоответствия принципам властной вертикали, в соответствии с которыми силовики в регионах не должны иметь связей с местными элитами²¹. Длительными непрерывными сроками службы одного и того же лица на посту главы МВД отличаются еще две республики – Дагестан (А. Магомедов с 2010 г.) и Татарстан (А. Хохорин с 2012 г. – русский по национальности, но уроженец Казани). Очевидно, что во всех отмеченных случаях влияние местных элит превалирует над классическими подходами властной вертикали. Из областей единственным исключением стала Орловская область, где начальник управления МВД Ю. Савенков не менялся с 2009 г. Это исключение может быть непосредственно связано с отношениями патронажа, поскольку предшественником Ю. Савенкова на этой должности был сам министр внутренних дел В. Колокольцев. В целом в сравнении

²¹ В прокуратуре Чеченской Республики аналогичная ситуация сложилась только в 2012 г., когда прокурором впервые в истории стал этнический чеченец Ш. Абдул-Кадыров, через десять лет уступивший место другому этническому чеченцу А. Адаеву.

с прокуратурой в МВД фиксируется больше случаев продолжительной работы в должности и несколько замедленный характер отставок и назначений в современный период (что контрастирует с интенсивными ротациями в прокуратуре при И. Краснове): так, наибольшее число руководителей региональных подразделений МВД замещают свои должности с 2019 г. (17 регионов).

Вместе с тем именно в МВД можно обнаружить максимальное количество ротаций в отдельных субъектах федерации – по десять раз за период наблюдений это произошло в Ингушетии и Карачаево-Черкесии. В числе лидирующих по числу кадровых перестановок регионов также оказалась Магаданская область (восемь отставок); за ней следуют два более крупных субъекта – Пермский край и Тюменская область (по семь раз). Примечательно, что случаи наибольшего числа ротаций в органах МВД и прокуратуры представлены совершенно разными регионами, что приводит к заключению о несовпадении критериев в кадровой политике. Ярko выделяющиеся на общем фоне примеры двух республик Северного Кавказа могут свидетельствовать о влиянии локальных проблем (в том числе терроризма в Ингушетии) и клановых конфликтов, однако появление в списке некоторых крупных регионов (по аналогии с прокуратурой) позволяет сделать предположение и о политической борьбе за наиболее значимые должности.

Как и в случае прокуратуры, слабая кадровая динамика в МВД предполагает лишь две-три отставки на регион в период наблюдений. На их фоне особенно выделяется пример Татарстана, где замена произошла всего лишь раз. Относительно мало ротаций было зафиксировано в Дагестане (два случая, первый из которых – в связи с гибелью министра) и Московской области (также два случая, что контрастирует с рекордно частыми ротациями в прокуратуре). Регионов, где имели место три отставки, довольно много, особенно в Центральной России (Брянская, Воронежская, Ивановская, Орловская, Тульская области), Сибири (Новосибирская, Омская, Томская области) и на Дальнем Востоке (Якутия, Чукотка, Еврейская АО). Интересно, что в эту группу попала и Москва. Из отмеченной географической логики при малом числе ротаций выпадают только Краснодарский край и Чувашия.

Как высокой, так и низкой частотой ротаций в подразделениях МВД, как и в надзорных органах, могут характеризоваться регионы одного и того же типа; в частности, республики, в том числе расположенные по соседству, попадают в противоположные группы. Равным образом в обоих случаях можно заметить относительно малое число ротаций в глубоко периферийных регионах (пример Чукотки). Характерен также пример «автономного» Татарстана, где силовые органы на неформальном уровне сохраняют связи с региональными элитами и сами к ним относятся (к Татарстану можно присовокупить пример Чечни, в случае МВД – особенно яркий). Однако чаще всего регионы, где ротации имеют интенсивный характер и, напротив, где она выражена неявно, отличаются для прокуратуры и МВД принципиальным образом. Примечательна также очень редкая сменяемость руководителей региональных структур МВД в столичном регионе – Москве и Подмосковье. Все это,

как представляется, свидетельствует о высокой зависимости кадровых ротаций от состояния и динамики патрон-клиентских отношений, а также от внутренних, в том числе неформальных и непубличных критериев эффективности в каждом ведомстве.

В то же время традиционные для силовых структур практики централизации проявляются в назначениях «варягов» и частых перемещениях из региона в регион. По сравнению с региональными прокуратурами, в МВД этот механизм используется немного реже. Так, количество уроженцев соответствующих регионов в МВД составило за 2000 – 2023 гг. тридцать семь (на 388 назначений для всех субъектов федерации, включая новые и ликвидированные), что несколько больше, чем в прокуратуре. Работавших в регионах до назначения, напротив, меньше: на момент повышения до начальника управления МВД в регионах работало 43 назначенца того же периода; еще 13 назначенцев работали там прежде, но не в момент назначения. Таким образом, «варягов» в МВД на региональном уровне составляют абсолютное большинство.

Практика направления кадров из центральных органов МВД в регионы также имеет место: например, К. Боташев в 2013 г. стал министром внутренних дел Карачаево-Черкесии после почти двадцатилетнего опыта работы в центральных органах (с 2010 г. – главное управление МВД РФ по СКФО). Роль «кузницы» кадров для регионов могут играть московские городские органы МВД, учитывая и тот факт, что в них сделал карьеру нынешний министр В. Колокольцев. Примерами могут служить И. Трифонов (глава МВД Карачаево-Черкесии в 2017 – 2019 гг.), В. Краснов (глава МВД Марий Эл в 2003 – 2008 гг.) и др.

В то же время, как и в случае прокуратуры, в МВД не прослеживается разделения между условно столичной и региональными элитами. Это связано с интенсивной циркуляцией кадров между федеральным и региональным уровнями. При этом почти все функционеры федерального уровня имеют региональное происхождение, в том числе среди них есть бывшие руководители региональных главков МВД, как и сам министр²².

Значимость отношений регионального патронажа прослеживается в МВД преимущественно на современном этапе, в отличие от прокуратуры, где с приходом И. Краснова эти практики стали нивелироваться. В МВД ситуация складывалась иным образом: после прихода к власти В. Путина министрами становились люди, прежде не связанные с министерством, а по региональному происхождению представлявшие Северо-Запад (Б. Грызлов и Р. Нургалиев). В эти периоды интенсивность ротаций была скорее связана с поиском критериев эффективности, с заменами не оправдавших себя руководителей, нежели с личной близостью к министру или фактором «землячества». Реформа МВД, запущенная в 2011 г., стала кульминацией этого процесса.

²² Например, нынешние первый заместитель министра А. Горовой (Красноярский край, Ставропольский край), заместители министра С. Лебедев (Рязанская область) и А. Кравченко (Волгоградская область).

В дальнейшем, после назначения министром В. Колокольцева, стала проявляться связь механизма повышений – в виде рекрутинга в федеральный центр – с действующим министром внутренних дел и его территориальным происхождением²³. Так, в 2016 г. пост начальника оперативного управления МВД занял экс-руководитель московского главка (преемник В. Колокольцева, руководил управлением с 2012 по 2016 гг.) А. Якунин, до того продолжительное время работавший в Воронежской и Орловской областях, а перед назначением в Москву – в Новгородской области. Уроженцем Пензенской области, как и сам министр, является один из самых опытных руководителей региональных подразделений МВД В. Пауков, занимающий свой пост в Московской области с 2014 г.²⁴

Характерной для МВД является и практика неформального фактического повышения с переходом в другой регион на аналогичную должность. За период исследования подобного рода ротации между регионами коснулись 23 региональных руководителей, что сопоставимо с показателями аналогичных переходов в прокуратуре. Среди переходов в более «престижные» регионы можно отметить перемещение А. Речицкого в 2016 г. из Адыгеи в Краснодарский край и А. Кулькова из Хакасии в 2020 г. в Новосибирскую область.

В то же время практика «наказания», связанного с теми или иными нарушениями, в случае МВД проявляется значительно чаще, чем в прокуратуре, что может свидетельствовать о более серьезных внутренних проблемах в ведомстве, в т. ч. о распространенности коррупции. Например, были арестованы и осуждены сразу два бывших начальника управления МВД по Камчатскому краю, А. Сидоренко и М. Киселев. Кроме того, к реальным срокам были приговорены бывшие главы управлений МВД в Карачаево-Черкесии и Республике Коми, Курганской, Самарской областях и др. (еще в ряде случаев были назначены условные сроки, либо уголовное преследование было прекращено, но отставка из органов состоялась). Проведенный анализ позволил выявить не один десяток случаев, когда отставки следовали либо за публичными скандалами в регионах, либо за внутренними проверками, выявлявшими нарушения. Среди самых ярких – межнациональный конфликт в Кондопоге с последующей отставкой главы МВД Карелии Д. Михайлова²⁵ и трагедия в Кушечке, стоившая должности в Краснодарском крае начальнику ГУВД по региону С. Кучеруку. Тем самым в консервативной и довольно закрытой системе, ориентированной на постепенное продвижение кадров по служебной лестнице, возрастает роль публичного скандала, способного стать легко объяснимым поводом для отставки.

²³ Министр родился в Пензенской области, сделал значительную часть карьеры в Москве, был руководителем управлений МВД по Орловской области и по Москве.

²⁴ Начальник управления МВД по Пензенской области П. Гаврилин – уроженец Пензы, что также подчеркивает особое положение этого региона.

²⁵ Тогда же вышел на пенсию прокурор Карелии В. Панасенко.

В рамках политики «мягких» отставок довольно характерным является рекрутинг кадров из силовых структур в органы законодательной власти. Например, представители из Кировской (А. Розуван – начальник управления МВД в 1991 – 2003 гг.) и Амурской (А. Волков, возглавлявший управление МВД в 1992 – 1996 гг.) областей избирались депутатами Государственной Думы. Вместе с тем этот механизм сравнительно редко используется с 2010-х гг. и по настоящее время. Как и в случае прокуратуры, распространенной практикой ротации кадров пенсионного возраста является замещение позиций в региональных органах законодательной и исполнительной власти²⁶.

Еще одним из направлений деятельности, которое характерно для кадров МВД пенсионного возраста, является работа в частных и государственных компаниях (например, в подразделениях по безопасности). Подобные примеры встречаются в Воронежской области, Чувашии, Камчатском и Краснодарском краях. В некоторых случаях экс-начальники управлений МВД уходят работать в структуры крупного бизнеса (например, в случае Башкирии экс-министр И. Алешин ушел в АФК «Система»). Еще один показательный случай связан с назначением экс-начальника московского УМВД В. Пронина вице-президентом «ГК Олимпстрой» (ликвидированной в 2014 г.). Это свидетельствует о наличии взаимобмена кадрами между МВД и бизнесом, что для прокуратуры не характерно.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о планомерных кадровых ротациях в региональных подразделениях прокуратуры и МВД, средняя частота которых примерно соответствует пятилетним срокам пребывания в должности. При этом ротации в органах прокуратуры носят более динамичный характер и имеют более выраженную цикличность, в то время как в МВД резкий всплеск числа кадровых перестановок был связан только с реформой 2011 г.

Как показало исследование, регионы России очень сильно отличаются друг от друга по степени интенсивности кадровых ротаций в силовых органах. К тому же регионы с частыми ротациями в случаях МВД и прокуратуры не совпадают между собой. Тем не менее выделяются случаи «привилегированных» республик – Татарстана и Чечни, где центр признает влияние местных элит и допускает принадлежность к ним силовиков, что приводит к более редким ротациям. Замедляющим ротации фактором становится и неформальный патронаж над регионом со стороны федерального руководства, что способствует более длительному сохранению в должности некоторых

²⁶ Депутатами региональных законодательных собраний избирались главы управлений МВД Вологодской и Новосибирской областей, Республики Тыва. В органы исполнительной власти региона перемещались главы управлений МВД Ярославской, Белгородской, Брянской, Воронежской, Иркутской, Новгородской, Тверской областей.

руководителей. Частота ротаций не связана с какими-либо теоретически возможными количественными индикаторами эффективности (такими как общий уровень преступности), но нередко становится следствием коррупционных скандалов в силовых структурах или иных «громких» событий (теракты, межнациональные столкновения и т. п.), которые могут восприниматься в качестве признака неэффективности силовых органов в регионе. При этом характер работы силовых органов, где сотрудники нередко служат всю жизнь до пенсии и, как правило, постепенно повышают свой статус, затрудняет процесс отставок, которые могут быть связаны только со скандальными событиями, а в «мягкой» форме проявляются в виде перехода в органы исполнительной или законодательной власти, что нередко становится формой «почетной пенсии». Соответственно затруднен и поиск связей (в т.ч. количественными методами) между теми или иными объективными критериями эффективности и кадровыми ротациями.

Неочевидность четких объективных критериев для кадровых ротаций оставляет широкое пространство для патрон-клиентских отношений, которые могут способствовать карьерному росту. Примечательной является ярко выраженная связь отставок в регионах с заменами генеральных прокуроров (в случае МВД она менее очевидна). Заметную роль в продвижении региональных кадров на федеральный уровень или в более «статусные» регионы может играть территориальное происхождение (в рамках если не субъекта федерации, то макрорегиона), близкое происхождению федерального руководителя (включая непосредственные биографические пересечения). Причем если в прокуратуре с заменой Ю. Чайки на И. Краснова этот фактор был нивелирован, то в МВД с назначением В. Колокольцева, как выходца из данной системы (в отличие от предшествовавших министров), напротив, его значение выросло.

Вместе с тем проведенный анализ не свидетельствует о явном доминировании патронажа в качестве фактора кадровых ротаций в силовых органах, если речь идет о непосредственных федеральных руководителях соответствующих ведомств: количество случаев явных прямых связей глав региональных подразделений с ними невелико. Вопрос же о внутренних клиентах с вовлечением менее крупных фигур – патронов ранга заместителей федеральных руководителей и собственно глав региональных подразделений, несомненно, не менее важен, но требует дальнейшего изучения. Тем не менее заметно, что смена главы ведомства на федеральном уровне сама по себе становится мощным стимулом для множества кадровых перемещений, имеющих различные возможные причины.

Централизация внутри каждого ведомства отчетливо проявляется в широко распространенных назначениях «варягов» и частых перемещениях между регионами, что препятствует созданию связей с местными элитами и позволяет быстро их разрывать в случае появления, причем в прокуратуре данный принцип применяется более последовательно, чем в МВД. Как представляется, это упрощает центру принятие практически любых кадровых решений

по его усмотрению, что может быть связано как с эффективностью работы, так и с отношениями патронажа. В то же время из этого правила есть заметные исключения в отдельных республиках.

Таким образом, настоящее исследование показало, что практики централизованного управления, восходящие к советскому периоду, имеют широкое распространение в силовых ведомствах России и проявляются в кадровой политике. «Параллельной» особенностью данной политики является распространение патрон-клиентских отношений, в том числе формирование «внутренних» групп влияния по земляческому принципу, что оказывает заметное воздействие на кадровые ротации в регионах в условиях отсутствия прозрачных критериев эффективности. При этом стоит отметить, что в настоящей работе, имеющей характер предварительного анализа открытых биографических данных, вопросы влияния патрон-клиентских отношений на ротацию в силовых органах были затронуты лишь частично (ограничившись влиянием замен глав федеральных ведомств и выявлением их связей с региональными назначенцами). Дальнейшее изучение патронажа среди силовых элит, с учетом влияния других групп элиты и горизонтальных межрегиональных связей в силовых элитах, видится перспективным направлением исследований и потенциально способно пролить свет на наблюдаемые паттерны элитной ротации.

Список литературы

1. Åslund A. (2007) *Russia's capitalist revolution: Why market reform succeeded and democracy failed*. Peterson Institute.
2. Baturo A., Elkins J.A. (2016) Dynamics of regime personalization and patron–client networks in Russia, 1999–2014. *Post-Soviet Affairs* 32(1): 75–98. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1032532.
3. Hale H.E. (2017) Russian Patronal Politics Beyond Putin. *Daedalus* 146(2): 30–40. DOI: 10.1162/DAED_a_00432.
4. Kryzhanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs* 19(4): 289–306. DOI: 10.2747/1060-586X.19.4.289.
5. Meakins J.I. (2018) Squabbling Siloviki: Factionalism Within Russia's Security Services. *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence* 31(2): 235–270. DOI: 10.1080/08850607.2018.1417525.
6. Rivera D.W., Rivera S.W. (2014) Is Russia a Militocracy? Conceptual Issues and Extant Findings Regarding Elite Militarization. *Post-Soviet Affairs* 30(1): 27–50. DOI: 10.1080/1060586X.2013.819681.
7. Rivera D.W., Rivera S.W. (2018) The Militarization of the Russian Elite under Putin: What We Know, What We Think We Know (but Don't), and What We Need to Know. *Problems of Post-Communism* 65(4): 221–232. DOI: 10.1080/10758216.2017.1295812.
8. Taylor B.D. (2017) The Russian Siloviki & Political Change. *Daedalus* 146(2): 53–63. DOI: 10.1162/DAED_a_00434.
9. Баландин Ю.А. (2022) Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология* (4): 73–84. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-73-84.

10. Гайворонский Ю.О., Баландин Ю.А. (2022) Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (4): 146–167. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167.
11. Гаман-Голутвина О.В. (2016) Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. *Политическая наука* (2): 38–73.
12. Гельман В.Я. (1997) Transition по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России. *Общественные науки и современность* (4): 1–2.
13. Дука А.В. (2012) К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах. В: Дука А.В. (ред.) *Властные структуры и группы доминирования*. СПб.: Интерсоцис. с. 94–120.
14. Колядин А.М. (2016) Политическая элита: понятие и сущность. *Правовое поле современной экономики* (7): 45–53.
15. Крыштановская О.В. (1995) Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. *Общественные науки и современность* (1): 51–65.
16. Крыштановская О.В. (2002) Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002. *Социологические исследования* (8): 17–28.
17. Крыштановская О.В. (2003) Формирование региональной элиты: принципы и механизмы. *Социологические исследования* (11): 3–13.
18. Крыштановская О.В., Лавров И.А. (2023) Высшее образование в России: элитное vs элитарное? *Мир России. Социология. Этнология* 32(4): 138–159. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-138-159.
19. Покатов Д.В. (2019) Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп. *Власть и элиты* 1(6): 71–97. DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.5.
20. Ратленд П. (2016) Постсоветские элиты России. *Полис. Политические исследования* (3): 55–72. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.06.
21. Ривера Ш.В., Ривера Д.У. (2009) К более точным оценкам трансформаций в российской элите. *ПОЛИС. Политические исследования* (5): 149–157.
22. Тев Д.Б. (2015) Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт. *Социологические исследования* (9): 102–110.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-1

THE VERTICAL AND PATRONAGE: CHANGE OF THE LAW ENFORCEMENT ELITES IN RUSSIA'S REGIONS

Dr. Rostislav F. TUROVSKY – Professor, Research Laboratory “Political Processes in the System of Center-Region Relations”, MGIMO University; Professor, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.

ORCID: 0000-0001-8496-3098. E-mail: rturovsky@hse.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454; 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000.

Marina S. SUKHOVA – Senior Lecturer, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.

ORCID: 0000-0001-6905-8890. E-mail: mssukhova@gmail.com
20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000.

Karina V. FUNK – Research Intern, Laboratory for Regional Political Studies, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2723-6940. E-mail: k-funk@mail.ru
20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000.

Received March 29, 2024

Accepted July 4, 2024

Acknowledgments: This research was supported by the “Priority 2030” MGIMO development program.

Abstract: The article analyzes the recruitment of the heads of law enforcement agencies in Russian regions. The authors collected extensive biographical dataset on all the heads of the prosecutor’s office and the Ministry of Interior in Russian regions in the post-Soviet period, which made it possible to identify the main patterns for the appointments, transfers among the regions and taking positions in the executive and legislative power bodies and the business after their retirement. The research shows that regional law enforcement agencies are characterized by strictly centralized recruitment that minimizes the ties between the heads of law enforcement services in the regions and local elites. At the same time, few regions with strong local elites and privileged relations with the federal center are able to promote their own representatives to top positions. The study also reveals the formation of clienteles associated with natives of certain areas, whose representatives occupy positions in a large number of federal subjects, as well as in the central office. The research shows that the strengthening of centralization in the law enforcement agencies in Russia is interconnected with the creation of such federal-local clienteles with regional roots and their change when federal heads of law enforcement agencies are replaced which the authors interpret as patronage.

Keywords: law enforcement elites, regions of Russia, vertical of power, elite recruitment, elite change, patronage, centralization, clientelism, prosecutor’s office, Ministry of Interior

References:

1. Åslund A. (2007) *Russia’s capitalist revolution: Why market reform succeeded and democracy failed*. Peterson Institute.
2. Balandin Iu.A. (2022) Patronazh kak kluchevoi prediktor rotatsii gubernatorov: faktory ustoichivosti glav regionov Rossii posle vozvrashcheniia gubernatorskikh vyborov v 2012 g. [Patronage as a key predictor of gubernatorial rotation: factors of stability of Russian regional heads after the return of gubernatorial elections in 2012]. *Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]* (4): 73–84. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-73-84. (In Russian).
3. Baturo A., Elkins J.A. (2016) Dynamics of regime personalization and patron–client networks in Russia, 1999–2014. *Post-Soviet Affairs* 32(1): 75–98. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1032532.
4. Duka A.V. (2012) K voprosu o militokratii: siloviki v regional’nykh vlastnykh elitakh [On the issue of millitocracy: security forces in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia [Power structures and dominating groups]*. St. Petersburg: Intersotsis, pp. 94–120. (In Russian).
5. Gaivoronsky Yu.O., Balandin Yu.A. (2022) Rekrutirovanie gubernatorskogo korpusa v sovremennoi Rossii: evoliutsiia patronal’nykh setei (2017–2021) [Recruitment of the Governor’s Corps in Contemporary Russia: Evolution of Patronal Networks (2017–

- 2021)]. *Politiia: Analiz. Khronika [Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast]* (4): 146–167. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167. (In Russian).
6. Gaman-Golutvina O.V. (2016) Politicheskie elity kak ob»ekt issledovaniia v otechestvennoi politicheskoi nauke [Political elites as an object of research in domestic political science]. *Politicheskaiia nauka [Political Science]* (2): 38–73. (In Russian).
 7. Gelman V.Ya. (1997) Transition po-russki: kontseptsii perekhodnogo perioda i politicheskaiia transformatsiia v Rossii [Transition in Russian: Concepts of Transition and Political Transformation in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]* (4): 1–2. (In Russian).
 8. Hale H.E. (2017) Russian Patronal Politics Beyond Putin. *Daedalus* 146(2): 30–40. DOI: 10.1162/DAED_a_00432.
 9. Kolyadin A.M. (2016) Politicheskaiia elita: poniatie i sushchnost' [Political elite: concept and essence]. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki [Legal Framework of Modern Economics]* (7): 45–53. (In Russian).
 10. Kryshtanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs* 19(4): 289–306. DOI: 10.2747/1060-586X.19.4.289.
 11. Kryshtanovskaya O.V. (1995) Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu [Transformation of the old nomenklatura in the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]* 1: 51–65. (In Russian).
 12. Kryshtanovskaya O.V. (2002) Transformatsiia biznes-elity Rossii: 1998–2002 [Transformation of Russian business elite: 1998–2002]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]* (8): 17–28. (In Russian).
 13. Kryshtanovskaya O.V. (2003) Formirovanie regional'noi elity: printsipy i mekhanizmy [Formation of Regional Elite: Principles and Mechanisms]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]* (11): 3–13. (In Russian).
 14. Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. (2023) Vysshee obrazovanie v Rossii: elitnoe vs elitarnoe? [Higher Education in Russia: Elite vs Elitist?]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]* 32(4): 138–159. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-138-159. (In Russian).
 15. Meakins J.I. (2018) Squabbling Siloviki: Factionalism Within Russia's Security Services. *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence* 31(2): 235–270. DOI: 10.1080/08850607.2018.1417525.
 16. Pokatov D.V. (2019) Rekrutirovanie sovremennoi rossiiskoi politicheskoi elity kak rotatsiia politicheskoi i administrativno-korporativnoi elitnykh grupp [Recruitment of modern Russian political elite as rotation of political and administrative-corporate elite groups]. *Vlast' i elity [Power and Elites]* 1(6): 71–97. (In Russian).
 17. Rivera D.W., Rivera S.W. (2014) Is Russia a Militocracy? Conceptual Issues and Extant Findings Regarding Elite Militarization. *Post-Soviet Affairs* 30(1): 27–50. DOI: 10.1080/1060586X.2013.819681.
 18. Rivera D.W., Rivera S.W. (2018) The Militarization of the Russian Elite under Putin: What We Know, What We Think We Know (but Don't), and What We Need to Know. *Problems of Post-Communism* 65(4): 221–232. DOI: 10.1080/10758216.2017.1295812.
 19. Rivera S.W., Rivera D.W. (2009) K bolee tochnym otsenkam transformatsii v rossiiskoi elite [To more accurate estimates of transformations in the Russian elite]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]* (5): 149–157. (In Russian).
 20. Rutland P. (2016) Postsovetskie elity Rossii [Russia's Post-Soviet Elite]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]* (3): 55–72. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.06. (In Russian).
 21. Taylor B.D. (2017) The Russian Siloviki & Political Change. *Daedalus* 146(2): 53–63. DOI: 10.1162/DAED_a_00434.
 22. Tev D.B. (2015) Elitnoe obrazovanie kak kanal rekrutirovaniia vlastnykh grupp: zarubezhnyi opyt [Elite education as channel for recruiting power groups: international experiences]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]* (9): 102–110. (In Russian).

УРОКИ БАЛТИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1989–2004 гг.: АКТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Никита БЕЛУХИН
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН;
Исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России
Владислав ВОРОТНИКОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ (кейс-метод) отношений стран Северной Европы со странами Балтии в 1989–2004 г. и с Украиной с 2014 г. по настоящее время. Цель исследования – выявить соотношение преемственности и трансформации в североευропейской дипломатии и ее задачах на постсоветском пространстве. Источником исследования послужили опубликованные материалы «Горбачев-Фонда», материалы Архива внешней политики Российской Федерации и воспоминания бригадного генерала М.Х. Клеммесена, курировавшего военное сотрудничество Дании со странами Балтии в 1990-х гг. Авторами рассмотрены сохранявшееся на заключительном этапе холодной войны и в условиях расширения контактов стран Северной Европы и обретших независимость стран Балтии значение «северного баланса», а также постоянное взаимодействие северных стран с ЕС и НАТО. Как в случае с поддержкой стран Балтии во время распада СССР и ослабления России, так и с началом Специальной военной операции Российской Федерации на Украине, страны Северной Европы, несмотря на принципиально разную военно-политическую ситуацию, приняли схожие шаги по отказу от прежней умеренности внешней политики, пересмотру внешнеполитических и оборонных концепций и большей интеграции в евроатлантические структуры. Главной же движущей силой как нынешнего содействия Украине со стороны Северной Европы, так и балто-скандинавского сотрудничества в 1989–2004 гг. остаются задачи противодействия России и ограничения ее сферы влияния.

Никита Евгеньевич Белухин – младший научный сотрудник, Отдел европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7505-2356. E-mail: belukhin@imemo.ru
117997, Москва, улица Профсоюзная, 23.

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки; ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)» (<https://rscf.ru/project/23-78-50012/>).

Поступила в редакцию: 09.08.2024

Принята к публикации: 18.11.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: финляндизация, страны Балтии, Балтийский регион, нейтралитет, Северная Европа, Специальная военная операция (СВО), региональная идентичность, европейская безопасность, тотальная оборона

Государства Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) являются малыми странами, обладающими сравнительно невысокой значимостью с точки зрения формирования структуры международных отношений. Это обуславливает специфику выбора ими внешнеполитических стратегий, выработки механизма поддержания собственного статуса и узнаваемости в международной политике, поиска оптимальных способов обеспечения безопасности. Российский исследователь Н.Ю. Кавешников отмечает, что положение этих стран исторически характеризовалось «невозможностью обеспечить собственную безопасность» в силу ограниченных ресурсов, что приводит их к необходимости выбора между тремя основными стратегиями поведения: 1) балансированием между державами; 2) получение гарантий безопасности, защиты или протектората со стороны великой державы; 3) создание издержек, которые бы способствовали невыгодности получения и поддержания контроля над территорией малой страны (Кавешников, 2008).

Рассматриваемые страны в разные периоды второй половины XX в. демонстрировали примеры использования всех указанных стратегий. Ход событий первой четверти XXI в. и в особенности последних двух лет (после февраля 2022 г.) показывает, что именно вторая стратегия стала доминантой для их внешнеполитического поведения. В этом контексте рассмотрение периода 1989–2004 гг. и его сравнение с нынешним отношением стран Северной Европы к Украине и к Специальной военной операции Российской Федерации (далее – СВО) и ее последствиям для региональной безопасности актуальны, так как именно солидарность со странами Балтии (Латвией, Литвой и Эстонией) в условиях распада СССР и биполярной системы международных отношений послужила для северных стран стимулом к пересмотру сформированных в период холодной войны внешнеполитических стратегий: в случае Швеции – политики нейтралитета и неприсоединения и отношений с ЕС и НАТО, а в случае Финляндии – «линии Паасикиви-Кекконена» на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. Для стран Балтии опыт взаимодействия со странами Северной Европы стал, по сути, первым на пути позиционируемого элитами этих государств «возвращения на Запад», ведь более крупные страны проявляли в «балтийском вопросе» большую сдержанность и не спешили оказывать поддержку прибалтийским республикам. Примечательно, что обсуждение вопроса установления отношений со странами Балтии министр иностранных дел Германии Г. Геншер 23 августа 1991 г. начал именно с консультаций с датским коллегой Уффе Эллеманн-Йенсеном (Портнягина, 2012).

В тот момент правительство Гельмута Коля отводило важное место переговорам со странами Северной Европы об их вступлении в ЕС, что должно было смягчить опасения о германской гегемонии в единой Европе после ее объединения. В начале 1990-х гг. страны Северной Европы также более активно и настойчиво поддерживали включение постсоциалистических государств ЦВЕ в ЕС, что делало их привлекательными партнерами для Германии, которая в лице Г. Коля говорила в тот период о необходимости углубления и расширения европейской интеграции (Uutela, 2021). Кроме того, Дания после окончания холодной войны также была одним из главных сторонников вступления трех стран Балтии в НАТО (Saxi, 2011).

Эти обстоятельства делают актуальным сравнительный кейс-анализ (англ. *"comparative case study"*) подходов стран Северной Европы к странам Балтии на исходе холодной войны и в период их последующей подготовки к вступлению в НАТО и ЕС и к современной Украине, которой они стремятся оказывать уже не только экономическую и политическую, как в случае со странами Балтии, но и прямую военную поддержку для противостояния России. Представляется, что опыт регионального взаимодействия со странами Балтии в указанные периоды оказал значительное влияние на текущее восприятие Украины и ряда других постсоветских государств, а также понимание принципов европейской солидарности и политической роли ЕС в северо-европейском регионе.

Метод сравнительного кейс-анализа уже закрепился в исследованиях международных отношений и применяется для рассмотрения и сравнения схожих внешнеполитических и дипломатических практик в группе стран, к примеру, как в случае функционирования и организации институтов культурной дипломатии в европейских странах (Kizlari & Fouseki, 2017), действий разных стран в аналогичных ситуациях, как в случае реакции КНДР и Индии на ограничительные экономические меры со стороны США (Singh & Lee, 2011) или процессов принятия внешнеполитических решений в одной стране, но в разных ситуациях, как в случае факторов присоединения Швейцарии к санкциям в отношении Ирака в 1990–1991 гг. и отсутствия такого же шага в отношении ЮАР в 1968–1994 гг. (Hirschi & Widmer, 2010). В рамках описанного подхода настоящая работа ставит целью сформулировать инвариант поведения государств Северной Европы в отношении стран Балтии во время их подготовки к интеграции в евроатлантические структуры и современной Украины, которая в 2010-е гг. выбрала схожую внешнеполитическую траекторию, так и в процессе анализа выявить особенности взаимодействия северных стран и восприятия ими трансформаций международной среды.

Северная Европа и страны Балтии в 1989–2004 гг.

В беседе с премьер-министром Швеции Ингваром Карлссоном 6 июня 1991 г. после Нобелевской лекции в Осло М.С. Горбачев специально обратился с просьбой к Стокгольму «не вмешиваться в происходящие события»

в Прибалтике, а «руководствоваться положениями Парижской хартии, Хельсинского Акта и Конституции СССР» (Из беседы с Ингваром Карлссоном..., 2010).

Норвежскую сторону прежде всего интересовал продолжающийся процесс разграничения в Баренцевом море: в 1980-х гг. СССР и Швеция заключили Договор о разграничении экономических зон и шельфа на Балтике, и М.С. Горбачев по вопросу определения российско-норвежской границы в Баренцевом море сохранял сдержанность, считая, что норвежцы после решения этой задачи могут потерять интерес к дальнейшему сотрудничеству и что лучше оставить ее «про запас и для дальнейшего обсуждения» (Из беседы с Гру Харлем Брундтланд..., 2010). В случае с Финляндией главное место занимали вопросы трансформации торгового сотрудничества двух стран и их переход к более обширному экономическому взаимодействию, в частности, созданию совместных советско-финских предприятий на Кольском полуострове. Глава Финляндии в этой связи, с одной стороны, заявлял, что Хельсинки «душновато» от повышенного внимания международных деловых кругов к советско-финским экономическим отношениям, а с другой – указывал на то, что «с советской стороны ждут больших по своей значимости проектов», в то время как руководство финских фирм «стремится к нахождению простых одномерных проектов, которые легко было бы реализовать» (Из беседы с Мауно Койвисто..., 2010). М. Койвисто также в 1989 г. подчеркивал, что масштабы запланированных проектов на Кольском полуострове действительно очень большие и что «общая стоимость их осуществления значительно превышает весь ежегодный государственный бюджет Финляндии», поэтому на этом направлении «требуется и более широкое международное сотрудничество» (Из беседы на выставке финской промышленности..., 2010).

Швеция, однако, вопреки просьбе М.С. Горбачева уже с середины 1980-х гг. активно налаживала контакты с прибалтийскими республиками, используя институты публичной дипломатии. В первую очередь, Шведский институт (швед. *"Svenska Institutet, SI"*) и позднее – шведское Агентство международной помощи развитию (швед. *"Styrelsen för internationellt utvecklingssamarbete, SIDA"*). При этом по аналогии с финским подходом и в отличие от Исландии Швеция придерживалась умеренности и не слишком активно предвосхищала будущую независимость стран Балтии (Lunden, 2021). Исландия же приняла ряд символических, но политически важных шагов по поддержке прибалтийского руководства в ходе их противостояния с Кремлем, на которые другие северные страны не решились из-за рисков и неопределенности последствий таких действий. Так, в январе 1991 г. сразу после столкновений в Вильнюсе и других литовских городах министр иностранных дел Исландии Джон Балдвин Ганнибальсон посетил сначала Литву, а позднее Латвию и Эстонию, в феврале того же года исландский парламент (альтинг) подтвердил, что довоенное признание независимости Литвы до сих пор в силе, а 26 августа 1991 г. после провалившегося путча в Москве, Исландия на встрече

с министрами иностранных дел трех стран Балтии в Рейкьявике стала первой страной, подписавшей декларации о возобновлении дипломатических отношений с этими странами (Johannesson, 2016). Впрочем, эта версия оспаривается Данией, считающей, что первенство принадлежит именно ей: по версии тогдашнего министра иностранных дел Дании У. Эллеманн-Йенсена¹, это произошло вечером 24 августа 1991 г., когда министерство иностранных дел направило соответствующий телекс².

Финляндия воздерживалась от подобных публичных действий в поддержку независимости стран Балтии и до августа 1991 г. продолжала рассматривать события в них прежде всего как внутренний вопрос СССР, указывая на то, что не пойдет на признание их независимости до соответствующего решения советского руководства. Это ценилось лично М.С. Горбачевым и нашло отражение в его письме к М. Койвисто от 5 февраля 1991 г. Вместе с тем, как отмечал в мемуарах президент Финляндии, это сталкивало умеренную позицию Хельсинки с более активным и напористым подходом Копенгагена, с которым Финляндии было трудно найти взаимопонимание по «балтийскому кризису» (Ritvanen, 2020).

Тем не менее после того, как Европейские сообщества и Швеция 27 августа 1991 г. признали независимость стран Балтии и заявили о готовности установить с ними дипломатические отношения, Финляндия, рискуя оказаться вне рамок общего североευропейского политического курса, 29 августа также подписала с тремя странами декларации о возобновлении дипломатических связей. Это стало прологом к ревизии Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. М. Койвисто уже 12 сентября 1991 г. обратился к М.С. Горбачеву с предложением подписать новый договор, который бы отражал изменившиеся реалии. В этом контексте примечательно, что для Финляндии большую роль в «балтийском вопросе» сыграл страх оказаться за пределами североευропейской идентичности, пространства *Norden*, что, как будет показано далее, повлияло и на решение Финляндии подать заявку 18 марта 1992 г. на вступление в ЕЭС/ЕС. К примеру, сторонники вступления Финляндии в ЕС подчеркивали, что этот вопрос касается географии и идентичности и видели в нем подтверждение избавления от негативного наследия «финляндизации», а также гарантию того, что влияние России больше в той или иной форме не вернется. Для них было также важно, чтобы Финляндия вступила

¹ В странах Балтии фигура У. Эллеманн-Йенсена, который занимал пост министра иностранных дел Дании в 1982–1993 гг., остается крайне популярной, и он воспринимается как один из наиболее активных борцов за их независимость. Подробнее см.: Eller E., Frigaard A.M. (2022) I de baltiske lande husker de stadig Uffe Ellemann-Jensens kamp for deres selvstændighed. *Danmarks Radio*, 19 June. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/i-de-baltiske-lande-husker-de-stadig-uffe-ellemann-jensens-kamp-deres> (accessed 12 October 2024).

² Plesner F. (2022) I 1991 fik han et opkald og skrev verdenshistorie – nu hyldes han i udlandet. *TV2*, 19 June. Available at: <https://nyheder.tv2.dk/politik/2022-06-19-i-1991-fik-han-et-opkald-og-skrev-verdenshistorie-nu-hyldes-han-i-udlandet> (accessed 13 July 2024).

в ЕС именно вместе со Швецией и Австрией, а не со странами Восточной Европы, чтобы избежать ложного восприятия страны как бывшего члена социалистического блока (Moisio, 2008).

В то же время, как подчеркивает российский исследователь Д.А. Ланко, неверно воспринимать «финляндизацию» как объективную характеристику внешней политики Финляндии периода холодной войны. В действительности «финляндизация» является идеологемой, впервые получившей распространение в ФРГ с целью критики противников повышения военных расходов, нарушителей блоковой дисциплины и большей интеграции в военные структуры НАТО, и которая вызывала негативную реакцию у большинства финнов во время холодной войны (Lanko, 2021). Эта идеологема используется правыми партиями в разных ситуациях и контекстах, но ее главная цель состоит в том, чтобы доказать безальтернативность вступления стран Балтии и Украины в НАТО, хотя в самой Финляндии этот термин, как указывает Д.А. Ланко, воспринимается отдельно от финской практической и концептуальной интерпретации «нейтралитета» и «внеблоковости» (Lanko, 2021). При этом, несмотря на идеологический характер «финляндизации», представляется важным отметить реально существовавший двойственный характер внешнеполитического курса Финляндии, который скорее правильнее обозначить не как «нейтралитет», а как «стремление к нейтралитету» и в рамках которого складывались предпосылки дальнейших изменений во внешней политике Финляндии уже в 1990-е гг.

С одной стороны – стремление Хельсинки сохранить низкую напряженность в североевропейском регионе, что проявлялось, к примеру, в готовности в ноябре 1965 г. начать обсуждения с Норвегией о договорных обязательствах запретить военные действия и учения в финляндско-норвежском пограничном районе и предложении о создании безъядерной зоны на севере Европы (Воронков, 2016). Примечательно в этом контексте, что на рубеже 1960-х–1970-х гг. У. Кекконен три раза – в 1968 г., 1969 г. и 1972 г. – предлагал СССР обменять г. Выборг на северо-восточный полярный район Финляндии, что могло вызвать раздражение у руководства НАТО, так как в этом случае граница Норвегии и СССР увеличилась бы почти в 3 раза (Фокин & Смирнов, 2012). А с другой стороны – более строгое по сравнению с северными соседями следование технологическому эмбарго в отношении СССР, что выразилось в том, что глубоководные аппараты «Мир-1» и «Мир-2», разработанные фирмой *"Rauma-Repola Oceanics"*, после длительных согласований с Вашингтоном были переданы СССР в 1987 г., но с уменьшенными технологическими возможностями, а сама компания после реализации советского проекта больше не принимала новых заказов. Взамен Финляндия, как ранее Швейцария, получила в соответствии с американским Законом о регулировании экспорта 1985 г. упрощенный доступ к импорту высокотехнологичной продукции из США и фактически стала «ассоциированным членом» Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (англ. *"CoCom"*), хотя официальных связей с этой организацией Хельсинки не устанавливал, чтобы избежать

угрозы своему «нейтралитету» и отношениям с Москвой. Швеция, в отличие от Финляндии, такого упрощенного доступа не получила, а в середине 1980-х гг. с ее территории было зафиксировано несколько крупных утечек засекреченных технологий на советскую территорию, чего Финляндии, напротив, удалось избежать (Jensen-Eriksen, 2019).

Если для Швеции стояла дилемма между вхождением в западный блок и сохранением принципов и выгод своей формулы «внеблоковости», то для Финляндии более однозначно стояли задачи присоединения к евроатлантическому сообществу и выхода из советской сферы влияния. При этом опыт позитивного взаимодействия с СССР, особенно в сфере торговли, способствовал тому, что Финляндия, в отличие от стран Балтии, вступив в ЕС, вначале не стала занимать к России априори критическую позицию, но пыталась решить с Москвой вопросы безопасности путем демократизации и налаживания пограничного сотрудничества, став инициатором политики «Северного измерения» и расширяя экономические контакты. Подобная политика, в свою очередь, запустила процесс активного проникновения североευропейских НКО в российское и постсоветское пространство: стратегия демократизация России воспринималась в северных столицах как способ обеспечения будущей безопасности.

Североευропейская солидарность и унификация стратегий

Сложно не согласиться с мнением североευропейских исследователей-международников, которые писали, что распад СССР и биполярной системы стал стимулом для их стран в переоценке своего внешнеполитического курса времен холодной войны. Так, Финляндия и Швеция присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира», стали наблюдателями в Западноевропейском союзе (прекратил существование в 2011 г.) и активно поддерживали развитие полномочий ЕС в сфере внешней политики и обороны, хотя и отводили ему в первую очередь выполнение миротворческих задач. В то же время между странами Северной Европы на протяжении 1990-х и в начале 2000-х гг. сложилось негласное разделение труда и приоритетов при взаимодействии со странами Балтии.

Как отмечал российский исследователь-скандинавист К.В. Воронов, эти страны стали для Северной Европы периферией, которая требовала «постоянной политической заботы и дипломатической поддержки», но, к примеру, Швеция, в отличие от Дании, настороженно относилась к стремлению стран Балтии стать членами НАТО «любой ценой» и скорее полагала, что их безопасность может быть обеспечена через интеграцию в ЕС и использование концепции «мягкой безопасности» путем участия в многообразных сетях сотрудничества. По этой же причине Швеция не проявила интереса к идее Вашингтона взять временное «шефство» над странами Балтии и предоставить им военно-политические гарантии до их вступления в НАТО, которая была высказана в марте 1996 г. и вновь прозвучала в ходе визита премьер-министра Й. Перссона в Вашингтон в августе 1996 г. (Воронов, 1999). Вполне возможно,

что отчасти из-за такой шведской позиции президент США Билл Клинтон решил отменить планировавшийся на лето 1997 г. ответный визит в Стокгольм. И вместо шведской столицы предпочел посетить Копенгаген, где этого давно добивался посол США в Дании, литовец по происхождению, Эдвард Элсон (Dahl, 2008). В Дании же президентский визит был воспринят как признание Вашингтоном датских внешнеполитических достижений на балтийском направлении.

В то же время вступление Финляндии и Швеции в ЕС сгладило внешнеполитические различия между северными атлантистами (Данией, Норвегией и Исландией) и прежними нейтралами (Швецией и Финляндией). При этом планы по расширению НАТО в 1990-е гг. влияли и на сложившуюся практику самоограничений североевропейских членов альянса. Так, Норвегия в этот период ослабила запрет на проведение натовских учений восточнее 24-ого меридиана в Финнмарке.

Финляндия сосредоточилась на всеобъемлющем сотрудничестве с Эстонией. Швеция, не имея членства в НАТО, главным образом уделяла внимание экономическим инициативам, стремясь оспорить лидерство Копенгагена, который, напротив, сделал большую ставку на военное сотрудничество с тремя новыми независимыми республиками. Это, по всей видимости, объясняется отчасти схожим историческим опытом Дании и стран Балтии, которым приходилось учитывать интересы более сильных соседей – будь то Германия или Россия.

Планирование и реализация программ помощи странам Балтии стали первым подобным опытом для стран Северной Европы на постсоветском пространстве и в дальнейшем послужили отправной точкой для разработки соответствующих инициатив и для других стран. В случае Дании неудачный опыт косвенного экономического соперничества со Швецией за страны Балтии, по всей видимости, подтолкнул развитие экономической дипломатии, то есть активную работу датских посольств над продвижением датского экспорта и предприятий на иностранных рынках, оказание им юридической, информационной и политической поддержки. До настоящего времени этот вид деятельности составляет значительную часть работы датских дипломатов за рубежом, а датский Экспортный совет (дат. *"Eksportråd"*) в рамках Министерства иностранных дел был создан еще в 2000 г. Датский МИД проявил в этом вопросе особую решимость и, несмотря на сопротивление Министерства промышленности и торговли и Министерства продовольствия, полностью взял на себя задачи расширения экспорта датской продукции и услуг (Iversen, 2002).

Дания на протяжении 1990-х гг. наряду с Германией активно участвовала в реструктуризации, обучении и модернизации польских вооруженных сил для подготовки вступления страны в НАТО, а в 1998 г. даже планировала послать своих военных в Россию для преподавания в тогдашней Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Схожесть исторического опыта Дании и стран Балтии отмечает в своих воспоминаниях и датский военный Микаэль Хессельхофт Клеммесен, который в 1994–1997 гг. работал военным атташе в Латвии и Эстонии и позднее в 1997–2004 гг. возглавлял Балтийский оборонный колледж (англ. *"BALTDEFCOL"*) в Тарту. В статье для юбилейного сборника, посвященного 800-летию отношений Дании и Эстонии (1219–2019), он подчеркивает роль министра обороны Ханса Хеккерупа, который, заняв пост в конце января 1993 г., обозначил в качестве одной из главных задач вооруженных сил Дании на ближайшие годы оказание поддержки странам Балтии и их привлечение к операциям на территории бывшей Югославии. В частности, Дания руководила проектом создания совместного балтийского миротворческого батальона (англ. *"BALTBAT"*), решение о создании которого было принято 19 ноября 1993 г. (Clemmesen, 2019).

М.Х. Клеммесен, основываясь на личных воспоминаниях, говорит о том, что в начале 1990-х гг. как между странами Балтии, так и внутри них между отдельными людьми и министерствами наблюдалась «глубокая нехватка настоящего доверия». Ситуация начала меняться, главным образом, за счет внешней поддержки и общих проектов под иностранным руководством. Однако для их реализации также приходилось прикладывать особые усилия. К примеру, для реализации проекта совместной балтийской эскадры минных тральщиков (англ. *"BALTRON"*) М.Х. Клеммесену пришлось лично убеждать командующего литовских ВМС в оправданности этой идеи, а в случае с общей системой мониторинга воздушного пространства для всех трех стран (англ. *"BALTNET"*) возникли разногласия, где именно должен размещаться ее центр. Эстония выдвигала тезис о своей технической продвинутости, Латвия – о том, что логичнее всего разместить этот объект в центре субрегиона, а Литва – об уже начавшейся модернизации национальной системы слежения за воздушным пространством, которую можно расширить для того, чтобы охватить две другие страны. Для решения этой задачи М.Х. Клеммесен говорил с министром транспорта и коммуникации Эстонии Райво Варе и убеждал его поддержать литовскую сторону, где в Кармелаве рядом с Каунасом и был размещен центр управления этой системой.

Создание Балтийского оборонного колледжа также рассматривалось как инструмент сплочения стран Балтии, формирования общей стратегической культуры и прекращения разногласий по поводу получения военной помощи и реализации общих инициатив. В то же время, по воспоминаниям М.Х. Клеммесена, Эстония была единственной страной из трех, которая скептически отнеслась к ставшей распространенной на рубеже 1990-х–2000-х гг. экспедиционной модели вооруженных сил, рассчитанной на участие в международных операциях, не отменив общий воинский призыв и ориентируясь, с одной стороны, на организацию эстонской армии в межвоенный период, а с другой – на систему тотальной обороны соседней Финляндии. Особенно активно за применение в Эстонии финского и межвоенного опыта выступали начальник Штаба сил обороны Антс Лаанеотс, который построил карьеру

в вооруженных силах СССР, и второй министр обороны Эстонии Хайн Ребас. Но, как отмечает М.Х. Клеммесен, в возможность оказать реальное, а не символическое сопротивление потенциальному вторжению России среди эстонских политиков мало кто всерьез верил, и, к примеру, восстановление межвоенного Кайтселиита (эст. *"Kaitseliit"*), как и изучение партизанской тактики «лесных братьев», скорее носило идеологический, а не практический характер. При этом, как свидетельствует высший военный офицер Матти Луккари, военное сотрудничество Эстонии и Финляндии начало стагнировать с середины 1990-х г., когда Таллин взял курс на вступление в НАТО (Lukkari, 1996).

М.Х. Клеммесен критиковал рекомендации военных советников из США и Великобритании и нежелание Латвии и Литвы под воздействием негативно-го восприятия наследия «милитаризованного» советского общества активно вкладываться в создании вооруженных сил, способных защищать территорию страны от потенциальной агрессии, вместо опоры на несбалансированные аэромобильные соединения и группировки войск, предназначенные для международных операций и кризисного урегулирования. Недалековидность такого подхода, его несоответствие историческому опыту и реальным потребностям стран Балтии, по его мнению, начали все острее осознаваться после вооруженного столкновения России и Грузии в августе 2008 г.³ Финляндия же, к примеру, напротив, изначально больше фокусировалась, главным образом, на задачах модернизации и укрепления национальных вооруженных сил, что объясняется протяженной границей с Россией и, в отличие от Швеции, четко указывала в стратегических документах на возможность вступления в НАТО (Haas, 2022).

Как отмечает скандинавист, первый посол Российской Федерации в Финляндии в 1992–1996 гг. Ю.С. Дерябин, сама Финляндия на протяжении 1990-х гг. пересматривала подход к обеспечению национальной безопасности более быстро и радикально, чем соседняя Швеция, особенно в период президентства Марти Ахтисаари. Последний, в сущности, закрепил возможность вступления Финляндии в НАТО без учета интересов России и проводил активную, хотя и скрытую интеграцию финских вооруженных сил в структуры альянса. Главной же причиной вступления Финляндии в ЕС, как писал в мемуарах президент М. Койвисто, были, прежде всего, соображения обеспечения безопасности, а экономические мотивы отошли на второй план. В Швеции правительство обосновывало необходимость подачи заявки на вступление в тогда еще Европейские сообщества преимущественно потребностью выхода из рецессии (Дерябин, 2003).

Характерна в этой связи также изначально негативная реакция руководства Финляндии на решение Швеции подать заявку на вступление в ЕЭС 1 июля 1991 г. без предварительного согласования с Хельсинки. Это делало

³ Clemmesen M.H. (2011) Om baltiske syn på den svenske Rigsdags solidaritetserklæring. 21 March. Available at: https://www.clemmesen.org/articles/Bidrag_til_KKrVA_Studien_med_korrektur_marts_2011.pdf (accessed 13 July 2024).

неизбежным и аналогичный финский шаг и сопутствующий пересмотр внешнеполитического курса. Хотя на тот момент финские деловые круги еще рассчитывали на сохранение особых торговых отношений с Россией (Penttilä, 1994). Так, М. Койвисто два раза посетил Москву в 1991 г. для проведения переговоров о советско-финляндских экономических связях.

Другим подтверждением важности слаженности и учета интересов соседних северных стран можно считать слова У. Пальме, который на 24-ом съезде Социал-демократической партии Швеции в октябре 1969 г. заявлял, что «северное сотрудничество должно лежать в основе внешней политики Швеции» (АВП РФ... Итоги XXIV съезда социал-демократической партии Швеции. Политическое письмо. 13 ноября 1969 г.). При этом северное сотрудничество не исключало расхождений стран Северной Европы в подходах к более крупным проектам европейской интеграции: «Одним из неясных вопросов в планах СЭС (Северного экономического союза или Нурдэка, на шведском – *Organisationen för nordiskt ekonomiskt samarbete*, сокращенно *Nordek*. прим. авт. (*Nordiskt samarbete i...* 2016)) является вопрос об отношениях стран-членов этого союза с Общим рынком. Если Норвегия и Дания рассматривают СЭС как шаг на пути к присоединению северных стран к Общему рынку, то финляндское правительство заявляет, что Финляндия не присоединится к Общему рынку и выступает за то, чтобы СЭС был устойчивым самостоятельным объединением. Швеция, как известно, также поставила в 1967 г. вопрос о переговорах о присоединении к Общему рынку, не предопределяя форму участия, но допуская полное членство при оговорках, имеющих целью обеспечение возможности продолжать политику нейтралитета. Таким образом, позиции северных стран в вопросе об отношении к ЕЭС весьма различны. Поэтому, хотя представители Дании, Норвегии и Швеции заявляют о своей заинтересованности вступить в Общий рынок, однако как решится этот вопрос в будущем, в настоящее время трудно предвидеть, тем более, что многое будет зависеть от развития в самом Общем рынке». (АВП РФ... Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.).

С учетом этих сведений негативное отношение Финляндии к решению Швеции подать заявку на вступление в Европейские сообщества без предварительного согласования или координации с Хельсинки становится более понятным. Так, еще ранее во время обсуждения планов создания НОРДЭК в 1968–1970 гг., от участия в которых Финляндия в итоге отказалась в марте 1970 г., У.К. Кекконен в письме от 7 января 1970 г. на тот момент к премьер-министру М. Койвисто, указывая на несовместимость политических требований «Общего рынка» с финским внешнеполитическим курсом, подчеркивал: «... расширение ЕЭС за счет вступления в него некоторых северных стран не соответствует интересам Финляндии» (Комиссаров, 1985).

Подобная «цепная реакция» в регионе на завершающих этапах холодной войны является одной из показательных иллюстраций практики «северного баланса». Ранее еще в разгар биполярного противостояния на рубеже

1961–1962 гг., когда в заключительной стадии находилось создание совместного германо-датского командования НАТО в районе Балтийских проливов (англ. *"COMBALTAP"*), СССР потребовал военных консультаций с Финляндией из-за возросшего военного влияния ФРГ в Северной Европе. Это, в свою очередь, привело к угрозе со стороны министра обороны Норвегии Гудмунда Харлема пересмотреть запрет на размещение баз НАТО на своей территории в мирное время в случае изменения ситуации в Финляндии и активным обсуждениям в Швеции о возможности вступления в свете «советской угрозы для Финляндии». Сложившаяся ситуация и последующий отзыв Н.С. Хрущевым советских требований стали первой демонстрацией функционирования «северного баланса» и тесной связи балтийского и северного, арктического векторов оборонной политики стран Северной Европы (Nørgaard, 1998). В схожем ключе в связи с наращиванием с середины 1970-х гг. группировки ВМС стран ОВД в Балтийском море Дания приняла в 1978 г. решение НАТО о повышении реальных расходов на оборону на 3%.

С другой стороны, у исследователей нет однозначного ответа на вопрос, в какой степени «северный баланс» действительно влиял на оборонное планирование и внешнюю политику отдельных стран региона по сравнению с другими факторами, к примеру, историческим опытом. Так вступление Дании как первой североευропейской страны в ЕЭС 1 января 1973 г. создало ощущение в Москве и северных столицах, что Дания собирается покинуть структуры северного сотрудничества и более прочно интегрироваться в евроатлантическое сообщество, на что указывало повышенное внимание к позициям других стран региона при принятии и планировании внешнеполитических решений. Письмо посольства СССР в Швеции от 22 апреля 1969 г. под названием «Швеция и планы создания Северного экономического союза» подтверждало эту точку зрения: страны Северной Европы планировали «расширение сотрудничества в международных организациях, в т.ч. с Общим рынком» с расчетом на то, что «северные страны должны пытаться урегулировать свои отношения с Общим рынком одновременно» (АВП РФ...Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.).

Но в случае стремления Дании в годы холодной войны всячески избегать провокационных мер и шагов по эскалации военной напряженности в отношениях с СССР речь, скорее, может идти о влиянии наследия датского нейтралитета и исторического опыта страны, нежели именно внимании к интересам национальной безопасности и позиции других стран Северной Европы.

В подтверждение этой двойственности можно также отметить, что для Швеции в годы холодной войны приоритетом оставалась оборона юга и центральной части страны, в то время как оборона севера воспринималась как крайняя мера в случае отсутствия других угроз. Это, по мнению норвежского исследователя и командора ВМС Норвегии в отставке Тора Эгила Уолтера, который в 1974–2014 гг. служил в вооруженных силах и работал в Министерстве обороны Норвегии, не вполне осознавалось норвежскими военными (Walter,

2018). К примеру, отдельные документы и оценки норвежской военной разведки указывают на то, что строительство укреплений на реке Каликсэльвен в Швеции делало стратегически привлекательным для СССР возможный захват части шведской территории для последующей организации быстрого нападения на Северную Норвегию к югу от оборонительной линии Фрой (норв. *"Frøy-linje"*) в фюльке Тромс, которая начала возводиться в начале 1980-х гг. В то же время отсутствие формального союза Норвегии и Швеции в период холодной войны компенсировалось с одной стороны военно-техническим сотрудничеством, а с другой – неформальными связями шведских и норвежских военных, которые проходили обучение в Швеции после Второй мировой войны, причем эти связи порой носили личный дружеский характер и не всегда были согласованы высшим политическим руководством (Walter, 2018).

Подводя итог, меры по подготовке к вступлению в НАТО и ЕС, а также общие региональные проекты оборонного сотрудничества, координируемые внешними западными партнерами, должны были также сплотить страны Балтии и повысить уровень доверия и солидарности между ними, который, несмотря на их общие действия по выходу из СССР, оставался невысоким. Страны Северной Европы взяли на себя ведущую роль в реализации этих задач, и при этом для них самих их выполнение стимулировало начавшийся пересмотр концепций внешней политики и сближение с евроатлантическими структурами. Кроме того, северные страны в ходе этих процессов, как и в годы холодной войны, весьма тщательно отслеживали внешнеполитические шаги друг друга и отношения со странами Балтии. И реагировали на них, адаптируясь к меняющейся ситуации. Тем не менее, сами страны Балтии за годы сотрудничества так и не были включены в «северный клуб» или пространство *Norden*: его «ядро», даже открытое к сотрудничеству с бывшими странами восточного блока, оставалось привилегированным и доступным лишь для стран самой Северной Европы (Lehti, 2006).

Кроме того, в докладе, подготовленном бывшим министром обороны Дании Сереном Гаде и бывшим премьер-министром Латвии Валдисом Биркавсом по запросу министерств иностранных дел их стран о сотрудничестве северных стран с прибалтийскими странами (NB8) и представленном в августе 2010 г., отмечалось отсутствие должного уровня политического сотрудничества, общих политических целей и задач. При этом отмечались наличие развитой структуры формальных и неформальных парламентских и правительственных контактов и активное проникновение североευропейских компаний в экономику стран Балтии «через прямые инвестиции и партнерства»⁴. В докладе указывалось, что снижение активности политического сотрудничества стран Балтии и Северной Европы произошло после вступления первых в ЕС и НАТО в 2004 г., что подтверждает гипотезу о том, что главным

⁴ Birkavs V., Søren G. (2010) NB 8 Wise Men Report. Riga, Copenhagen, August, 22 p. *Stjórnarráð Íslands*. Available at: <https://www.stjornarradid.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/skyrslur/nb8-wise-men-report.pdf> (accessed 12 July 2024).

и изначально его драйвером была интеграция новых стран в евроатлантические структуры, открытие новых рынков для североευропейских деловых кругов и, что немаловажно, выведение этих стран из сферы экономического и политического влияния России. Именно общая «российская угроза» и задачи противодействия России были и остаются основным фактором активизации балто-скандинавского сотрудничества, в то время как исторические и культурные факторы близости стран Северной Европы и Балтии имеют второстепенное значение.

Характерно в этой связи, что в ноябре 1993 г. премьер-министр Швеции К. Бильдт заявил, что действия Швеции по активной поддержке стран Балтии в начале 1990-х гг. являются оправданием и искуплением за политику «оглушительного молчания» в отношении этих стран после 1945 г., которую проводили «левые силы в шведском обществе» (Петренко, 2007). При этом, до публикации упомянутого доклада в декабре 2005 г., датская газета *"Politiken"*, популярная среди избирателей левых и левоцентристских партий, отмечала растущее разочарование стран Балтии в способности североευропейских соседей стать «мостом» между «старой» и «новой» Европой, существенное снижение масштабов военной помощи и консультаций со стороны Копенгагена, а также невнимание северных соседей к тем угрозам безопасности, которые для балтийских стран может представлять Россия⁵. Так, к примеру, Финляндия до осени 2001 г. не имела четкой позиции по вопросу включения стран Балтии в НАТО и в целом намного более настороженно относилась к его восточному расширению по сравнению с северными соседями, считая, что этот процесс может потенциально лишить Хельсинки свободы выбора в вопросах безопасности (Honkanen, 2002). Еще раньше в 1999 г. другая крупная датская газета *"Information"* писала, что интерес к странам Балтии в датских СМИ и среди деловых кругов после ухода российских войск из Эстонии и Латвии в 1994 г. сильно упал (*Information*).

После 24 февраля 2022 г. Дания уже в начале марта приняла решение увеличить дипломатическое присутствие в странах, которые рассматриваются как потенциальные будущие члены ЕС. Так, в мае 2023 г. состоялось официальное открытие посольства Дании в Грузии, подготовка к которому велась с сентября 2022 г.⁶, а в январе 2024 г. состоялось открытие посольства Дании в Молдавии, с которой, согласно решению Европейского совета в декабре 2023 г., должны начаться переговоры о приеме в ЕС⁷. Кроме того, Дания

⁵ Особенное недовольство стран Балтии на тот момент вызвал малый интерес стран Северной Европы к организации совместного патрулирования воздушного пространства в контексте крушения в ноябре 2005 г. российского Су-27 на территории Литвы. Подробнее см.: *Politiken* (2005) Baltere vil ikke vente på Norden. 2 December. Available at: <https://politiken.dk/debat/kroniken/art4864913/Baltere-vil-ikke-vente-p%C3%A5-Norden> (accessed 12 October 2024).

⁶ Gille A.D. (2023) Lokke åbner dansk ambassade hos Ruslands nabo i Georgien. *Danmarks Radio*, 14 May. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/seneste/loekke-aabner-dansk-ambassade-hos-ruslands-nabo-i-georgien> (accessed 13 March 2024).

⁷ *Ritzau* (2024) Udenrigsministeren åbner Danmarks ambassade i Moldova. 25 January Available at: <https://via.ritzau.dk/pressemeddelelse/13775029/udenrigsministeren-abner-danmarks-ambassade-i-moldova?publisher-id=2012662&lang=da> (accessed 13 June 2024).

в ноябре 2023 г. заявила, что планирует также открыть посольства в Боснии и Герцеговине, которая в 2022 г. наряду с Украиной получила статус кандидата на членство в ЕС, и Малайзии⁸. Дания при обозначении постсоветских стран употребляет словосочетание «восточные прифронтовые государства» (дат. *“østlige frontlinjestater”*), указывая на их близость к потенциально «угрожающей России».

В ноябре 2023 г. шведский еврокомиссар по внутренним делам Илва Йоханссон заявила, что «геополитическая ситуация изменилась» и ЕС должен приложить больше усилий для осуществления нового восточного расширения, что совпадает и с национальными приоритетами Швеции как одного из инициаторов Восточного партнерства⁹. Примечательно и то, что в новом составе Европейской комиссии после выборов 2024 г. образовалась финско-литовская связка из финки Хенны Виркунен, которая заняла пост исполнительного заместителя главы ЕК по вопросам технологического суверенитета, безопасности и демократии, и находящегося под ее началом еврокомиссара по вопросам оборонной политики (должность учреждена впервые) литовца Андриуса Кубилюса. Так вопросы оборонной интеграции в ЕС сейчас оказались под совместным ведением стран Балтии и Северной Европы¹⁰.

Параллели украинского кризиса

Сегодня, как и в случае со странами Балтии и, пожалуй, даже более важное значение приобретает военное сотрудничество стран Северной Европы с Украиной. К примеру, Норвегия помимо поставок вооружений и военной техники взяла на себя курирование работы украинского агентства оборонных закупок в соответствии со стандартами НАТО¹¹. В целом по сравнению с периодом до февраля 2022 г. военное сотрудничество стран Северной Европы и Украины перестало носить символический характер. Если ранее, к примеру, Швеция выступала против поставок летального вооружения на Украину, но направляла военных советников, Дания ограничивалась главным образом поставками GPS-навигаторов и программами подготовки украинских военных, а Норвегия – гуманитарной помощью, то сейчас все страны региона, за исключением Исландии, которая фокусируется на гуманитарных аспектах, медицинской помощи и разминировании, направили на Украину крупные партии вооружений и военной техники. Однако в авангарде здесь оказалась

⁸ Overgaard J.W. (2023) Danmark vil åbne tre nye ambassader – og frede én fra lukning. *Altinget*, 16 November. Available at: <https://www.altinget.dk/artikel/danmark-vil-aabne-nye-ambassader-i-bosnien-herzegovina-moldova-og-malaysia> (accessed 14 June 2024).

⁹ Lindberg A. (2023) Ukraina i EU blir ett långfinger till Putin. *Aftonbladet*, 11 November. Available at: <https://www.aftonbladet.se/ledare/a/2BOIjy/ukraina-i-eu-blir-ett-langfinger-till-putin> (accessed 15 June 2024).

¹⁰ Lindahl B. (2024) Security Issues Drive Political Changes in Nordics and EU. *Nordic Labour Journal*, 19 September. Available at: <http://www.nordiclabourjournal.org/nyheter/news-2024/article.2024-09-18.0857314011> (accessed 13 October 2024).

¹¹ *Forsvarsmateriell* (2023) Norge skal lede forsvarsmateriellarbeidet i Ukraina fra NATO-nivå. 6 September. Available at: <https://www.fma.no/aktuelt-og-media/2020/norge-skal-lede-forsvarsmateriellarbeidet-i-ukraina-fra-nato-niva> (accessed 24 June 2024).

Литва, которая еще в 2015 г., то есть даже раньше США, пусть и символически, но на официальном правительственном уровне начала поставки летального вооружения на Украину: на тот момент речь шла по большей части о старых образцах советского стрелкового оружия и боеприпасов к ним (Воротников, 2017).

В то же время практическое значение сотрудничества этих стран и Украины до 24 февраля 2022 г. вызывает сомнения. Так, поставки обещанных в августе 2023 г. Данией и Нидерландами истребителей *F-16*, первые из которых планировалось доставить на Украину уже в конце 2023 г., были перенесены на лето 2024 г., что объяснялось отсутствием на территории Украины необходимой инфраструктуры и логистики, недостатком квалифицированных кадров и длительной подготовкой украинских пилотов¹². В середине августа 2024 г. Министерство обороны Дании сообщило, что первые *F-16* были доставлены на Украину, но министерство не уточнило, сколько именно единиц техники было поставлено¹³. При этом в сентябре 2024 г. во время визита на Украину министр обороны Дании Троэльс Лунд Поульсен заявил, что Киев до конца года получит от датской стороны еще одну партию истребителей, но из «соображений безопасности» точная дата и количество не сообщались¹⁴.

Помимо военных поставок, Дания также оказывает содействие в проведении реформ правоохранительных органов Украины и «взяла особую ответственность за реконструкцию города Николаева». При этом датские эксперты проводят параллели между этими шагами и событиями 1989 г., то есть выходом Восточной Европы из советской сферы контроля, напрямую обозначая датскую помощь как инструмент снижения влияния России в этом регионе, как и в случае со странами Балтии в 1990-х гг.¹⁵ В то же время отдельные датские эксперты отмечают, что «датская русофобия зашла слишком далеко» и что «...наше высокомерие, основанное на политике ценностей, втянуло украинцев в разрушительную войну с огромными людскими и материальными потерями». Ханс Моуритцен, старший научный сотрудник Датского института международных исследований (англ. "*DIIS*"), отмечает, что ложные обещания о постоянной и безоговорочной поддержке, по всей видимости, лишь поспособствовали нежеланию Киева к ведению конструктивного диалога с Россией¹⁶.

¹² Forsvarsministeriet (2024) Ukraine kan forvente at modtage de første danske F-16-kampfly til sommer. 22 February. Available at: <https://www.fmn.dk/da/nyheder/2024/ukraine-kan-forvente-at-modtage-de-forste-danske-f-16-kampfly-til-sommer/> (accessed 16 March 2024).

¹³ Forsvaret (2024) Danske F-16 kampfly doneret til Ukraine. 12 August. Available at: <https://www.forsvaret.dk/da/nyheder/2024/danske-f-16-kampfly-doneret-til-ukraine/> (accessed 13 October 2024).

¹⁴ AvisenDanmark (2024) Ukraine får flere danske F-16-kampfly leveret i år. 15 September. Available at: <https://avisendanmark.dk/danmark/ukraine-faar-flere-danske-f-16-kampfly-leveret-i-aar> (accessed 13 October 2024).

¹⁵ Hansen F.S. (2024) Vovet dansk udviklingsplan kan knække Moskvas kontrol i Østeuropa. *DIIS*, 6 May. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/vovet-dansk-udviklingsplan-kan-knaekke-moskvas-kontrol-oesteuropa> (accessed 30 June 2024).

¹⁶ Mouritzen H. (2022) Neutralitet for Ukraine kræver iskold realpolitik. *DIIS*, 16 May. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/neutralitet-ukraine-kræver-iskold-realpolitik> (accessed 3 July 2024).

В этом проявляется преемственность 1990-х гг., когда, по мнению датского исследователя Миккеля Рунге Олесена, в ходе поддержки прибалтийских республик на их пути к выходу из состава СССР и к независимости были заложены основы современной «активистской» внешней политики Дании после холодной войны¹⁷. По его мнению, главной причиной опережающей и более активной по сравнению с другими европейскими странами и США позиции Дании в «балтийском вопросе» и желания скорейшей интеграции этих стран в НАТО и ЕС было стремление отдалить бывшую линию разграничения между двумя блоками, отодвинуть «российскую угрозу» от датских границ и тем самым создать более безопасный, в представлении Дании, Балтийский регион (Olesen, 2022).

В этом контексте показательно, что, как и ранее в ситуации со странами Балтии, Стокгольм в отличие от Копенгагена проявляет большую сдержанность в военной поддержке Украины. В сентябре 2023 г. шведское правительство даже подверглось критике за недостаточное по сравнению с соседями содействие Киеву. С февраля 2022 г. по июль 2023 г., по данным Кильского института, объем средств на поддержку Украины за исключением средств, перечисленных через механизмы ЕС, составил 0,41% от ВВП Швеции, в то время как за тот же период для Норвегии этот показатель составил 1,71%, для Дании – 1,06% и для Финляндии – 0,52%¹⁸.

По аналогии со странами Балтии наступательный национализм украинского руководства не отпугнул от сотрудничества страны Северной Европы, которые болезненно относятся к росту популярности правых партий в своей внутренней политике (что отличает сегодняшнюю ситуацию от начала 1990-х гг.). Хотя, как отмечает исследователь В.А. Оленченко, «национализм» новых прибалтийских элит, пришедших к власти, сочетался с их давним желанием быть витриной для западного мира и почти сразу же проявившейся открытостью к принятию моделей управления и стандартов ЕС и НАТО, что вызывает сомнения в подлинности такого «национализма и сепаратизма» (Оленченко, 2023).

Другим отличием от ситуации начала 1990-х гг. является активизация военного строительства внутри ЕС и повышенный интерес стран Северной Европы к этому процессу и механизмам сотрудничества между НАТО и ЕС. В частности, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт в декабре 2023 г. заявил, что странам Северной Европы предстоит перейти от мышления в национальных границах к обеспечению совместной обороны всего региона и к расширению и упрощению сотрудничества

¹⁷ Nielsen A.B. (2024) Da Danmarks frontlinje blev rykket mod Øst. *DII/S*, 20 April. Available at: <https://www.diiis.dk/node/25614> (accessed 12 July 2024).

¹⁸ Törnquist H. (2023) Sveriges stöd till Ukraina sticker ut i Norden. *Svenska Dagbladet*, 22 September. Available at: <https://www.svd.se/a/15prXI/sverige-ger-minst-pengar-till-ukraina-av-nordiska-landerna> (accessed 1 July 2024).

между НАТО и ЕС¹⁹. Кроме того, по его мнению, Дании и Швеции стоит задуматься о полноценном присоединении к еврозоне, а Норвегии – о возобновлении дискуссий по поводу вступления в ЕС. Норвегия, по всей видимости, опасаясь периферийного положения и политической маргинализации из-за отсутствия полноценного членства в ЕС, попыталась компенсировать этот недостаток, подписав в мае 2024 г. соглашение об оборонном сотрудничестве с ЕС, стремясь придать контактам в этой сфере более регулярный и институционализированный характер²⁰.

Заключение

Описанные в исследовании действия стран Северной Европы демонстрируют, что они стремятся играть особую роль в расширении ЕС и НАТО, выступая в качестве проводников в евроатлантические структуры – сперва для стран Балтии, а на актуальном этапе для стран Восточного партнерства – и максимально ограничить влияние России на эти страны и ее контакты с ними. При этом позиция Финляндии в отношении вступления в ЕС стран Балтии определялись не только соображениями безопасности, но и опасениями не соответствовать североевропейской идентичности и вызвать ассоциацию страны с бывшим социалистическим блоком. В случае со странами Балтии особенно выделяется позиция Дании, которая стремилась быть для них «проводником» в структуры НАТО. Швеция же в этом вопросе имела более сдержанную позицию и фокусировалась на экономических инициативах. Однако с получением полноценного членства в альянсе ее подход уже в случае отношений с Украиной становится более оформленным и жестким.

Российский скандинавист А.А. Комаров в 2008 г. сформулировал это так, что образ Швеции в России утратил привычный элемент «шведского нейтралитета», который в годы холодной войны служил положительным примером. В самой Швеции в первой половине 1990-х гг. развернулись дискуссии по поводу необходимости придерживаться нейтралитета во время биполярного противостояния: не сделала ли Швеция ради его сохранения слишком много уступок противостоящим блокам и не была ли слишком мягкой по отношению к советской стороне (Комаров, 2008). Вероятно, именно эта рефлексия легла в основу переосмысления Швецией и соседней Финляндией своего международно-политического статуса в последние два года.

В заключение полагаем важным акцентировать: как в ситуации обретения независимости прибалтийскими государствами, когда речь шла об ослаблении России, так и в нынешней обстановке вокруг Украины, когда речь

¹⁹ Ehrenreich M. (2023) Sveriges tidigare statsminister maner til ro: En Trump-sejr får ikke nødvendigvis forsvaret for Ukraine til at kollapse. *Altinget*, 20 December. Available at: <https://www.altinget.dk/artikel/carl-bildt-der-bliver-foerst-fred-naar-ukraine-er-medlem-af-eu> (accessed 15 June 2024).

²⁰ Norge og EU inngår avtale om forsvars- og sikkerhetspolitisk samarbeid. (2024) *Regjeringen*, 28 May. Available at: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-og-eu-inngar-avtale-om-forsvars-og-sikkerhetspolitisk-samarbeid/id3040958/> (accessed 3 July 2024).

идет о повышении роли России на международной арене, страны Северной Европы принимают схожие решения. Они связаны с большей солидарностью с евроатлантическим сообществом и постсоветскими странами, углублением интеграции в институты ЕС и НАТО и отказом от бывших ранее особых позиций, традиций и оговорок во внешней и оборонной политике. Это указывает на долгосрочный стратегический курс этих государств на противостояние российским интересам на европейском направлении даже при наличии уступок и готовности к диалогу со стороны Москвы.

Список литературы

1. АВП РФ. Ф. 0140. ОП. 60. П. 222. Д. 2. Л.3-16. Швеция и планы создания Северного экономического союза. Политическое письмо. 22 апреля 1969 г.
2. АВП РФ. Ф. 0140. ОП. 60. П. 222. Д. 2. Л.40-55. Итоги XXIV съезда социал-демократической партии Швеции. Политическое письмо. 13 ноября 1969 г.
3. Воронков Л.С. (2016) *«Северное сотрудничество» и особенности североевропейской интеграции*. Москва, Издательство «МГИМО-Университет», 340 с.
4. Воронов К.В. (1999) Страны Севера и новая трансформация системы европейской безопасности в постбиполярный период (1990-е годы). *Северная Европа. Проблемы истории* (3): 265-284.
5. Воротников В.В. (2017) Отношения стран Скандинавско-Балтийского региона и Украины: военно-политическое и экономическое измерения. *Международная аналитика* (4): 18-27. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27.
6. Дерябин Ю.С. (2003) Все ли так спокойно на севере Европы? (Некоторые проблемы военно-политической безопасности в регионе). *Современная Европа* (4): 68-78.
7. Из беседы на выставке финской промышленности. Хельсинки, 26 октября 1987 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 469-470.
8. Из беседы с Гру Харлем Брундтланд. Осло, 5 июня 1991 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 480-484.
9. Из беседы с Ингваром Карлссоном. Стокгольм, 6 июня 1991 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 485-486.
10. Из беседы с Мауно Койвисто. Москва, 6 октября 1987 г. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М.С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь мир, 2010, сс. 465-468.
11. Кавешников Н.Ю. (2008) "Малые и вредные"? *Международные процессы* 6(3): 84-92.
12. Комаров А.А. (2008) Шведский нейтралитет как элемент шведской идентичности: взгляд из России. *Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности*. М.: РГГУ, сс. 145-154.
13. Комиссаров Ю. (1985) *«Линия Паасикиви-Кекконена»: история, современность, перспективы*. – Москва, Международные отношения, 176 с.
14. Оленченко В.А. (2023) Политические технологии отделения от СССР как источник современной антироссийской политики стран Прибалтики. *Гражданин. Выборы. Власть* 27(1):143-158.

15. Петренко А.И. (2007) Политика Швеции в отношении стран Балтии (1990–1994). *Северная Европа. Проблемы истории* (6):254–273.
16. Портнягина М.Д. (2012) «Балтийский» вопрос в двусторонних отношениях СССР и ФРГ: 1989–1991 гг. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные Отношения* (2):121–125.
17. Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. (2012) Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. Москва, Национальный институт исследований глобальной безопасности, 88 с.
18. Clemmesen M.H. (2019) Our Resilient Estonia. In: Olesen J. E. (ed.) *Denmark and Estonia 1219–2019. Select Studies on Common Relations*. Greifswald, Druckhaus Panzig, pp. 343–370.
19. Dahl A.-S. (2008) *US Policy in the Nordic-Baltic Region during the Cold War and After*. Stockholm, Santerus Academic Press Sweden, 114 p.
20. Haas S. (2022) Change and Continuity: Strategic Adaptation in Sweden and Finland in Response to the 2014 Ukraine Conflict. In: Bogren O. (ed.) *Krigsvetenskap 2022. Årsbok inom ramen för militära programutbildningen*. Försvarshögskolan, pp. 83–95.
21. Hirschi C., Widmer T. (2010) Policy Change and Policy Stasis: Comparing Swiss Foreign Policy toward South Africa (1968–94) and Iraq (1990–91). *Policy Studies Journal* 38(3): 537–563. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2010.00373.x.
22. Honkanen K. (2002). *The Influence of Small States on NATO Decision-Making. The Membership Experiences of Denmark, Norway, Hungary and the Czech Republic*. Totalförsvarets forskningsinstitut, Användarrapport, 130 p.
23. Iversen M.H. (2002) Laksko og gummistøvler: Kampen mellem Udenrigsministeriet og Erhvervsministeriet om eksportfremmearbejdet. *Politica* 34(3): 313–330.
24. Jensen-Eriksen N. (2019) The Northern Front in Technological Cold War: Finland and the East-West Trade in the 1970s and 1980s. *Journal of Cold War Studies* 21(4): 15–174. DOI: 10.1162/jcws_a_00909.
25. Jóhannesson G. (2016) Icelandic Support for Baltic Independence: Myth, Memory and Detachment. *Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal* 157/158 (3/4): 431–445. DOI: 10.12697/AA.2016.3–4.05
26. Kizlari D., Fouseki K. (2017). The Mechanics of Cultural Diplomacy: A Comparative Case Study Analysis from the European Context. *The Journal of Arts Management, Law, and Society* 48(2): 133–147. DOI: 10.1080/10632921.2017.1409148
27. Lanko D.A. (2021) Finlandization, Neutrality, or Kekkosllovakia? Paasikivi–Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War. *Journal of International Analytics* 12(3):139–153. DOI: 10.46272/2587–8476–2021–12–3–139–153.
28. Lehti M. (2006) Eastern or Western, New or False? Classifying the Balts in the Post-Cold War Era In: Tassinari F., Joenniemi P., Jakobsen U. (eds.) *Wider Europe. Nordic and Baltic Lessons to Post-enlargement Europe*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, pp. 69–88.
29. Lukkari M. (1996) *Viron itsenäistyminen*. Otava, Helsinki, 284 p.
30. Lundén T. (2021). Turning Towards the Inland Sea? Swedish «Soft diplomacy» Towards the Baltic Soviet Republics Before Independence. *Scandinavian Journal of History* 47 (3): 347–368. DOI: 10.1080/03468755.2021.1896576
31. Moisio S. (2008) Finlandisation versus Westernisation: Political Recognition and Finland's European Union Membership Debate. *National Identities* 10(1): 77–93. DOI: 10.1080/14608940701819785.
32. Nordiskt samarbete i kalla krigets kölvatten. Vitnesseminarium med Uffe Ellemann-Jensen, Mats Hellström och Pär Stenbäck. Johan Strang och Norbert Götz (red.) (2016) Samtidshistoriska institutet, Samtidshistoriska frågor № 33, 107 p.
33. Nørgaard O. (1998) Danish Policy in the Baltic Sea Area 1945–1989: Looking at the Past through the Eyes of the Present. In: Arteus G., Heurlin B. (eds.) *German and Danish Security Policies towards the Baltic Sea Area 1945 Until Present*. Danish Institute of International Affairs, National Defence College of Sweden, Försvarshögskolans Acta B6, pp. 70–87.

34. Olesen M. R. (2022) The Beginnings of Danish Foreign Policy Activism: Supporting Baltic Independence 1990–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(4): 370–390. DOI: /10.1080/03468755.2022.2034664.
35. Penttilä R. E. J. (1994) *Finland's Security in a Changing Europe: A Historical Perspective*. Helsinki, National Defence College, 77 p.
36. Ritvanen J.-M. (2020) The Change in Finnish Baltic Policy as a Turning Point in Finnish–Soviet Relations. Finland, Baltic Independence and the End of the Soviet Union 1988–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 1–20. DOI: 10.1080/03468755.2020.1765861.
37. Ritzmann A. (2023) *Transnational Linkages between Violent Right-Wing Extremism, Terrorism and Organized Crime*. Counter-Extremism Project, 135 p.
38. Saxi H.L. (2011) Norsk og dansk forsvarspolitik ketter den kalde krigen: Mellom geopolitikk og strategisk kultur. *Internasjonal Politikk* 69(1): 37–57.
39. Singh N., Lee W. (2011). Survival from Economic Sanctions: a Comparative Case Study of India and North Korea. *Journal of Asian Public Policy* 4(2): 171–186. DOI: 10.1080/17516234.2011.595910.
40. Uutela M. (2021) Looking for Nordic Allies. The Interest of The Kohl Government in Enlarging the European Community to The North 1985–1992. *Scandinavian Journal of History* 46(1): 696–712. DOI: 10.1080/03468755.2021.1938209.
41. Walter T.E. (2018) The Norwegian View. In: Arteus G., Kent Z. (eds.) *Cold War Views on Sweden*. Medströms Bokförlag, pp. 47–77.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2

THE LESSONS OF NORDIC STATES' FOREIGN POLICY IN THE BALTIC REGION 1989–2004: RELEVANT ANALOGIES

Nikita E. BELUKHIN –Junior Research Fellow, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS); Participant, RSF Project No. 20-78-10159, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7505-2356. E-mail: belukhin@imemo.ru
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Dr. Vladislav V. VOROTNIKOV –Associate Professor, Acting Head, Department for European and American Studies; Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO–University.

ORCID: 0000-0003-3374-5677. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements: The article was supported by the Russian Science Foundation grant № 20-78-10159 "The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: The Peculiarity of Influence on Security Policy (on the Example of the Scandinavian-Baltic Region States)" (<https://rscf.ru/project/23-78-50012/>).

Received August 8, 2024

Accepted November 18, 2024

Abstract: The article is devoted to the comparative case-study of the relations between the Nordic and Baltic countries in 1989–2004 and with Ukraine from 2014 to the present day. The aim of the article is to identify change and continuity trends in Nordic states foreign policies and their tasks towards the post-Soviet space. The research is based on the published sources of the Gorbachev Foundation, documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation and the memoirs of Brigadier General Michael H. Klemmesen, who was in charge of the military cooperation between Denmark and the Baltic countries in the 1990s. During the ending stage of the Cold War and in the context of growing contacts between Northern European states and the newly independent Baltic states, the Nordic balance and the constant interaction of the Nordic countries with the EU and NATO remained highly important. In both cases regarding the support for the Baltic countries during the collapse of the USSR and the weakening of Russia, and with the start of a Special military operation of the Russian Federation in Ukraine, the countries of Northern Europe despite the fundamentally different security situations took similar steps to abandon previous prudence, to revise foreign policy and defense concepts and expand cooperation with the EU and NATO as pillars of the Euro-Atlantic community. The main driving force behind providing military assistance to the Ukraine and contemporary Baltic-Scandinavian cooperation remains the same as in 1989–2004 that is to counter Russia and limit its sphere of influence.

Keywords: Finlandization, Baltic countries, Baltic region, neutrality, Nordic countries, special military operation (SMO), regional identity, European security, total defense, strategic culture

References:

1. AVP RF. F. 0140. OP. 60. P. 222. D. 2. L.3–16. [The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fond. 0140. Index. 60. Folder. 222. Case. 2. Sheets. 3–16] *Shvecija I plany sozdaniya Severnogo jekonomicheskogo sojuza. Politicheskoe pis'mo. [Sweden and The Plans to Create Nordic Economic Community]*. 22 April, 1969. (In Russian).
2. AVP RF. F. 0140. OP. 60. P. 222. D. 2. L.40–55. [The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fond. 0140. Index. 60. Folder. 222. Case. 2. Sheets. 40–55] *Itogi XXIV s'ezda social-demokraticheskoy partii Shvecii. Politicheskoe pis'mo [The Results of the 24th Conference of the Social-Democratic Party of Sweden]*. 13 November, 1969. (In Russian).
3. Clemmesen M.H. (2019) Our Resilient Estonia. In: Olesen J. E. (ed.) *Denmark and Estonia 1219–2019. Select Studies on Common Relations*. Greifswald, Druckhaus Panzig, pp. 343–370.
4. Dahl A.-S. (2008) *US Policy in the Nordic-Baltic Region during the Cold War and After*. Stockholm, Santerus Academic Press Sweden, 114 p.
5. Derjabin Ju.S. (2003) Vse li tak spokojnona severe Evropy? (Nekotorye problem voenno-politicheskoy bezopasnosti v regione). [Is Everything Really So Quite in The North of Europe? (Some Issues of Military and Poltical Security in the Region)] *Sovremennaja Evropa [Contemporary Europe]*(4): 68–78. (In Russian).
6. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. (2012) *Kirkenesskaya Deklaraciya o sotrudnichestve v Barencevom/ Evroarkticheskom regione: vzglyad iz Rossii 20 let spustya [The Kirkenes Declaration about Cooperation in the Barents/EuroArctic Region: View From Russia 20 Years Later]* Moskva, Nacional'nyj institute issledovanij global'noj bezopasnosti, 88 p. (In Russian).
7. Hirschi C., Widmer T. (2010) Policy Change and Policy Stasis: Comparing Swiss Foreign Policy toward South Africa (1968–94) and Iraq (1990–91). *Policy Studies Journal* 38(3): 537–563. DOI: 10.1111/j.1541-0072.2010.00373.x.
8. Honkanen K. (2002). *The Influence of Small States on NATO Decision-Making. The Membership Experiences of Denmark, Norway, Hungary and the Czech Republic*. Totalförsvarets forskningsinstitut, Användarrapport, 130 p.

9. Haas S. (2022) Change and Continuity: Strategic Adaptation in Sweden and Finland in Response to the 2014 Ukraine Conflict. In: Bogren O. (ed.) *Krigsvetenskap 2022. Årsbok inom ramen för militära programutbildningen*. Försvarshögskolan, pp. 83–95.
10. Iversen M.H. (2002) Laksko og gummistøvler: Kampen mellem Udenrigsministeriet og Erhvervsministeriet om eksportfremmearbejdet. *Politica* 34(3): 313–330.
11. Iz besedy na vystavke finskoj promyshlennosti. Hel'sinki, 26 oktjabrja 1987 g. [Excerpts from the Conversation at the Exhibition of the Finnish Industry. Helsinki, the 26th of October 1987] *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam* [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 469–470. (In Russian).
12. Iz besedy s Gru Harlem Brundtland. Oslo, 5 ijunja 1991 g. *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. [Excerpts from the Conversation with Gru Harlem Brundtland. Oslo, the 5th of June 1991] Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam. [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 480–484. (In Russian).
13. Iz besedy s Ingvarom Karlssonom. Stokgol'm, 6 ijunja 1991 g. *Otvechaja na vyzov vremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. [Excerpts from the Conversation with Ingvar Karlsson. Stockholm, the 6th of June 1991] Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 485–486. (In Russian).
14. Iz besedy s Mauno Kojvisto. Moskva, 6 oktjabrja 1987 g. [Excerpts from the Conversation with Mauno Koivisto. Moscow, the 6th of October 1987] *Otvechaja na vyzovvremeni. Vneshnjaja politika perestrojki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisjam besed M. S. Gorbacheva s zarubezhnymi dejateljami i drugim materialam [Responding to the Challenge of the Time. The Perestroika's Foreign Policy: Documental Sources. Based on the Written Records of M. S. Gorbachev' conversations with Foreign Figures and other sources]*. Moskva, Ves' mir, 2010, pp. 465–468. (In Russian).
15. Jensen-Eriksen N. (2019) The Northern Front in Technological Cold War: Finland and the East-West Trade in the 1970s and 1980s. *Journal of Cold War Studies* 21(4): 15–174. DOI: 10.1162/jcws_a_00909.
16. Jóhannesson G. (2016) Icelandic Support for Baltic Independence: Myth, Memory and Detachment. *Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal* 157/158 (3/4): 431–445. DOI: 10.12697/AA.2016.3–4.05.
17. Kaveshnikov N.Y. (2008) "Malye" i "vrednye"? ["Small" and "harmful"?]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]* 6(3): 84–92. (In Russian).
18. Kizlari D., Fouseki K. (2017) The Mechanics of Cultural Diplomacy: A Comparative Case Study Analysis from the European Context. *The Journal of Arts Management, Law, and Society* 48(2): 133–147. DOI: 10.1080/10632921.2017.1409148.
19. Komarov A.A. (2008) Shvedskij nejtralitet kak jelement shvedskoj identichnosti: vzgljad iz Rossii. [The Swedish Neutrality as an Element of The Swedish Identity: The View from Russia]. *Shvedy. Sushhnost' i metamorfozy identichnosti. [The Swedes. The Essence and The Metamorphoses of the Identity]*. M.: RSUH, pp. 145–154. (In Russian).
20. Komissarov Y. (1985) «Liniya Paasikivi-Kekkonena»: istoriya, sovremennost', perspektivy. [The Line of Paasikivi-Kekkonen]: History, Current State, Prospects]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 176 p. (In Russian).

21. Lanko D.A. (2021) Finlandization, Neutrality, or Kekkoslovakia? Paasikivi–Kekkonen's Line in Finnish Discourses 30 Years after the End of the Cold War. *Journal of International Analytics* 12(3): 139–153. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-139-153.
22. Lehti M. (2006) Eastern or Western, New or False? Classifying the Balts in the Post-Cold War Era In: Tassinari F., Joenniemi P., Jakobsen U. (eds.) *Wider Europe. Nordic and Baltic Lessons to Post-enlargement Europe*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, pp. 69–88.
23. Lukkari M. (1996) *Viron itsenäistyminen*. Otava, Helsinki, 284 p.
24. Lundén T. (2021). Turning Towards the Inland Sea? Swedish «Soft diplomacy» Towards the Baltic Soviet Republics Before Independence. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 347–368. DOI: 10.1080/03468755.2021.1896576
25. Moisio S. (2008) Finlandisation versus Westernisation: Political Recognition and Finland's European Union Membership Debate. *National Identities* 10(1): 77–93. DOI: 10.1080/14608940701819785.
26. Nordiskt samarbete i kalla krigets kölvatten. Vitnesseminarium med Uffe Ellemann-Jensen, Mats Hellström och Pär Stenbäck. Johan Strang och Norbert Götz (red.) (2016). Samtidshistoriska institutet, Samtidshistoriska frågor N° 33, 107 p.
27. Nørgaard O. (1998) Danish Policy in the Baltic Sea Area 1945–1989: Looking at the Past through the Eyes Of the Present. In: Arteus G., Heurlin B. (eds.) *German and Danish Security Policies towards the Baltic Sea Area 1945 Until Present*. Danish Institute of International Affairs, National Defence College of Sweden, Försvarshögskolans Acta B6, pp. 70–87.
28. Olenchenko V.A. (2023) Politicheskie tehnologii otdelenija ot SSSR kak istochnik sovremennoj antirossijskoj politiki stran Pribaltiki. [The Political Technologies of Separation from the USSR as a Source Of Modern Anti-Russian Policy Of The Baltic Countries] *Grazhdanin. Vybory. Vlast' [Citizen. Elections. Power]* 27(1): 143–158. (In Russian).
29. Olesen M.R. (2022) The Beginnings of Danish Foreign Policy Activism: Supporting Baltic Independence 1990–1991. *Scandinavian Journal of History*. 47(4): 370–390. DOI: 10.1080/03468755.2022.2034664.
30. Penttilä R.E.J. (1994) *Finland's Security in a Changing Europe: A Historical Perspective*. Helsinki, National Defence College, 77 p.
31. Petrenko A.I. (2007) Politika Shvecii v otnoshenii stran Baltii (1990–1994). [The Policy of Sweden Towards the Baltic Countries in 1990–1994] *Severnaia Evropa. Problemy istorii. [Northern Europe. The Problems of History]*. M.: Nauka, (6): 254–273. (In Russian).
32. Portnjagina M.D. (2012) «Baltiiskij» vopros v dvustoronnih otnoshenijah SSSR i FRG: 1989–1991 gg. [The «Baltic» Question in the Bilateral Relations of the USSR AND FRG: 1989–1991]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye Otnoshenija [Vestnik of Saint Petersburg University. The 6th Series: Philosophy. Political Science. Law. International Relations]* (2): 121–125. (In Russian).
33. Ritvanen J.-M. (2020) The Change in Finnish Baltic Policy as a Turning Point in Finnish–Soviet Relations. Finland, Baltic Independence and the End of the Soviet Union 1988–1991. *Scandinavian Journal of History* 47(3): 1–20. DOI: 10.1080/03468755.2020.1765861.
34. Ritzmann A. (2023) *Transnational Linkages between Violent Right-Wing Extremism, Terrorism and Organized Crime*. Counter-Extremism Project, 135 p.
35. Saxi H.L. (2011) Norsk og dansk forsvarspolitik etter den kalde krigen: Mellom geopolitikk og strategisk kultur. *Internasjonal Politikk* 69(1): 37–57.
36. Singh N., Lee W. (2011). Survival from Economic Sanctions: a Comparative Case Study of India and North Korea. *Journal of Asian Public Policy*. 4(2):171–186. DOI: 10.1080/17516234.2011.595910.
37. Uutela M. (2021) Looking for Nordic Allies. The Interest of The Kohl Government in Enlarging the European Community to The North 1985–1992. *Scandinavian Journal of History* 46(1): 696–712. DOI: 10.1080/03468755.2021.1938209.

38. Voronkov L.S. (2016) [*«Severnoe sotrudnichestvo» i osobennosti severoevropskoj integracii*] «Nordic cooperation» and Special Characteristics of the Integration in Northern Europe. M.: Publishing House «MGIMO-University», 340 p. (In Russian).
39. Voronov K.V. (1999) Strany Severa i novaja transformacija sistemy evropejskoj bezopasnosti v postbipoljarnyj period (1990–e gody) [The Nordic Countries and the New Transformation of the European Security System in the 1990s]. *Severnaja Evropa. Problemy istorii* [Northern Europe. The Problems of History] (3): 265–284. (In Russian).
40. Vorotnikov V.V. (2017) Otnoshenija stran Skandinavsko-Baltijskogo regiona i Ukrainy: voenno-politicheskoe i jekonomicheskoe izmerenija. [Relations between the Scandinavian-Baltic Region States and Ukraine: Military-Political and Economic Dimensions] *Mezhdunarodnaia analitika* [Journal of International Analytics] (4): 18–27. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-4-18-27. (In Russian).
41. Walter T.E. (2018) The Norwegian View. In: Arteus G., Kent Z. (eds.) *Cold War Views on Sweden*. Medströms Bokförlag, pp. 47–77.

ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 2022–2024 ГГ.: ПЕРЕМЕНЫ В РАМКАХ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Алексей ЧИХАЧЕВ
СПбГУ

Аннотация: В статье анализируется оборонная политика Франции на современном этапе. Точкой отсчета выбран 2022 г. и заявления президента Э. Макрона от лета 2022 г. о переходе к так называемой военной экономике (франц. *“économie de guerre”*). Отмечается, что за прошедший период французское правительство сделало оборонную сферу предметом повышенного интереса, что нашло отражение в определенных действиях Франции на внутреннем и внешнем контурах. Цель настоящего исследования заключается в выявлении характерных черт развития военной политики Пятой республики в текущий период. С опорой на доктринальные документы и статистические данные автор изучает масштабы произошедших сдвигов в трех измерениях: доктринальном, военно-промышленном и оперативном. В частности, устанавливается, что ни в Стратегическом обзоре 2022 г., ни в Законе о военном планировании на 2024–2030 гг. не прослеживается намерение Франции отойти от так называемой комплексной модели вооруженных сил, несмотря на ее отдельные недостатки, равно как и пересмотреть спектр союзнических связей. Обращает на себя внимание рост оборонного бюджета (в годовом выражении – двукратный, с учетом закона на 2019–2025 гг.), который по большей степени объясняется подготовкой к плановой модернизации ядерного арсенала. При этом в вооруженных силах Франции не ожидается существенного количественного роста сил общего назначения ни в отношении численности кадрового состава, ни с точки зрения обеспеченности техникой. Наконец, с 2022 г. по-прежнему не обнаруживается принципиального пересмотра военного присутствия в различных регионах мира: на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе французский потенциал остался на прежнем уровне; в Западной Африке началась переоценка задач развернутых сил без намерения полностью покинуть континент; на европейском направлении имеет место постепенное наращивание возможностей, не столь существенное в абсолютных значениях и реализуемое в соответствии с общей линией НАТО. Автор приходит к выводу, что, несмотря на провозглашение президентом Э. Макроном перехода к «военной экономике», в оборонной политике Франции сохраняется курс на преемственность: некоторые новшества действительно имеют место, но сама модель военного строительства осталась без изменений.

Алексей Юрьевич Чихачев – кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры европейских исследований, Факультет международных отношений, СПбГУ.

ORCID: 0000-0002-7648-8087. E-mail: alexchikhachev@gmail.com
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Поступила в редакцию: 16.06.2024

Принята к публикации: 16.09.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках грантового проекта Российского научного фонда № 22-78-00198 «Военная политика современной Франции: основные направления, тенденции, вызовы для России» (<https://rscf.ru/project/22-78-00198/>).

Наиболее вероятным представляется продолжение данного курса, включающего в себя углубление связей Пятой республики с партнерами по НАТО как минимум до следующих президентских выборов, запланированных на 2027 г.

Ключевые слова: Франция, оборонная политика, военная доктрина, оборонная стратегия, закон о военном планировании, оборонно-промышленная база, ядерное сдерживание, зарубежные операции

Введение

В июне 2022 г., выступая на оборонной выставке *Eurosatory*, президент Франции Э. Макрон объявил о том, что военная политика Пятой республики переходит на новую парадигму своего развития – «военную экономику»¹. После окончания холодной войны строительство французских вооруженных сил (ВС) во многом исходило из соображения о том, что угроза большого столкновения в Европе безвозвратно ушла в прошлое, а проекция силы будет необходима лишь на удаленных театрах, посредством небольших контингентов и против оппонентов, заведомо уступающих по совокупной мощи (Власов, Малыгина & Павлов, 2013: 81–83). Соответствующим образом было налажено бюджетное и материально-техническое обеспечение: оборонные нужды стали предметом постоянной экономии, отдельные производства закрывались и переносились в другие страны, стратегических запасов техники, боеприпасов и комплектующих почти не создавалось. Теперь же, по представлениям Э. Макрона, – с «возвращением войны в Европу» – необходимо возродить утраченные предприятия, производить «больше и быстрее», чтобы закрыть все возникшие лакуны «в технике, боеприпасах, оперативных возможностях»², упростить взаимодействие государства и оборонных корпораций, а для всего этого – отвести на оборонные нужды дополнительные финансовые ресурсы. Президентом был поставлен вопрос о том, чтобы подготовить французские вооруженные силы к конфликтам высокой интенсивности (перспективу которых французский Генштаб видел еще в октябре 2021 г.³), предъявляющим принципиально иные требования к размеру, выучке и оснащению армии.

За более чем два года, прошедших с первого упоминания перехода к «военной экономике», оборонная сфера стала предметом заметной активности со стороны действующего руководства Пятой республики. Так, внутри страны примечательным стало официальное закрепление нового

¹ *Elysée* (2022) Visite du salon Eurosatory 2022. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/06/13/visite-du-salon-eurosatory-2022> (accessed 9 June 2024).

² *Elysée* (2022) Visite du salon Eurosatory 2022. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/06/13/visite-du-salon-eurosatory-2022> (accessed 9 June 2024).

³ *Ministère des Armées* (2021) Vision stratégique du Chef d'Etat-Major des Armées. P. 13. Available at: https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ema/211022_EMACOM_VisionStrategiqueCEMA_FR_Vdef_HQ%20%282%29.pdf (accessed 9 June 2024).

курса на доктринальном уровне в Стратегическом национальном обзоре, изданном в ноябре 2022 года⁴. В августе 2023 г. также был принят Закон о военном планировании (*LPM*), в котором устанавливалось выделение на военные нужды 413 млрд евро на период до 2030 г. (+40% по сравнению с предыдущим пятилетним периодом 2019–2025 гг.)⁵. В Главном управлении по закупкам вооружений (*DGA*) Министерства вооруженных сил появилось Агентство по управлению оборонной промышленностью (*DID*), в задачи которого входит отслеживание генеральных подрядчиков и субподрядчиков, а также контроль за всей цепочкой поставок критически важных материалов, узлов и компонентов для оборонной промышленности Франции⁶. При посещении оборонных предприятий высшие должностные лица стали делать акцент на ускорении темпов выпуска той или иной техники или снаряжения⁷. Например, в апреле 2024 г. Э. Макрон символически дал старт восстановлению порохового завода в коммуне Бержерак (юго-запад Франции)⁸, возведенного еще в ходе Первой мировой войны, но перенесенного в 2000-е гг. в Швецию (г. Карлскупа) в рамках совместного холдинга *EURENCO*. В свете обострения напряженности в Европе после 2022 г. шведское правительство приняло решение переориентировать производство на удовлетворение национальных нужд, из-за чего Франция столкнулась с необходимостью нарастить мощности на собственной территории. В 2024 г. в рамках общеевропейского Закона в поддержку производства боеприпасов (*ASAP*) холдинг получил около 76 млн евро субсидий на расширение производств в обеих странах⁹.

Весьма многообразна военная активность Пятой республики на внешнем контуре. На европейском направлении Э. Макрон продолжил взятый им с 2017 г. курс на укрепление стратегической автономии ЕС – особенно военно-политической сфере, где Евросоюзу, с его точки зрения, необходимы не только общее восприятие угроз или общие силы быстрого реагирования, но и совместная оборонная индустрия и даже потенциал сдерживания¹⁰. На протяжении 2024 г. именно Э. Макрон выступал одним из инициаторов

⁴ *SGDSN* (2022) *Revue nationale stratégique*. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024).

⁵ *Légifrance* (2023) LOI N° 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

⁶ *Ministère des Armées* (2024) La DGA inaugure la direction de l'industrie de défense. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/dga/actualites/dga-inaugure-direction-lindustrie-defense> (accessed 9 June 2024).

⁷ *Ministère des Armées* (2023) Canon Caesar: Sébastien Lecornu salue la hausse de la production et la réduction des délais. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/canon-caesar-sebastien-lecornu-salue-hausse-production-reduction-delaies> (accessed 2 September 2024).

⁸ *Elysée* (2024) Déplacement à l'usine Eurenco à Bergerac. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/11/deplacement-a-lusine-eurenco-a-bergerac> (accessed 2 September 2024).

⁹ *EURENCO* (2024) The European Commission awards several grants to support EURENCO's capacity expansion under the ASAP plan. Available at: <https://eurenco.com/en/the-european-commission-awards-several-grants-to-support-eurencos-capacity-expansion-under-the-asap-plan/> (accessed 2 September 2024).

¹⁰ *Elysée* (2024) Discours sur l'Europe. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope> (accessed 9 June 2024).

дискуссии вокруг отправки военнослужащих стран Запада на Украину (в формате полноценных контингентов или как минимум в качестве инструкторов), к тому же не высказывая возражений против использования ВСУ западных вооружений для нанесения ударов вглубь России. При этом в более широком смысле Елисейский дворец начал отстаивать концепцию «стратегической неопределенности» в адрес России, означающую намеренное отсутствие пояснений о своих подлинных планах и ответных действиях¹¹. Продолжилось вовлечение Пятой республики в геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (в западной интерпретации именуемом Индо-Тихоокеанским регионом), где она, несмотря на потерю контракта на строительство подводок для Австралии и образование *AUKUS*, выстраивала сеть партнерств со странами региона, участвовала в международных учениях и выступала экспортером вооружений. Это совпало с переформатированием военного присутствия на Африканском континенте, инициированным в свете неудачного окончания операции «Бархан» в Сахеле (ноябрь 2022 г.), укрепления антифранцузских настроений среди местного населения и прихода к власти в ряде государств сил, желающих освободиться от «неоколониального» давления Пятой республики.

Сама по себе активизация политэкономических процессов в военной отрасли Франции не является уникальным феноменом: ее приходится констатировать, хотя и с поправкой на страновые особенности, в случае многих европейских государств, которые уже неоднократно вызвали интерес в научной литературе. В частности, российские исследователи И.О. Шкробтак и П.Ю. Тебин обращали внимание на перспективы оборонной политики Соединенного Королевства в связи с трудностями претворения в жизнь концепции «Глобальной Британии» (Шкробтак, 2023), а также – на варианты корректировки военных расходов Великобритании (Тебин, 2024). В свою очередь, А.П. Соколов рассуждал об объявленной канцлером О. Шольцем «смене эпох» в стратегии ФРГ (Соколов, 2023), тогда как французские авторы Э. Тенанбом и Л. Перья-Пенье изучили перспективы этого процесса с точки зрения состояния немецких вооруженных сил (Tenenbaum & Péria-Peigné, 2022). Среди академических исследователей наблюдается также рост интереса к данной предметной области на примере оборонной политики других государств ЕС – Италии¹², Швеции (Белухин, Воротников, Дианина, 2022), Польши (Śledź, 2024) и др., – равно как и о процессах, развернувшихся в Евросоюзе в целом (Громыко, 2023).

¹¹ *Le Figaro* (2024) Guerre en Ukraine: Emmanuel Macron défend l'«ambiguïté stratégique» face à la Russie qui n'a «aucune limite». Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-emmanuel-macron-defend-l-ambiguite-strategique-face-a-la-russie-qui-n-a-aucune-limite-20240504> (accessed 22 September 2024).

¹² Маслова Е.А. (2023) «Новая старая» оборонная политика Италии в новом мире. *Российский совет по международным делам (РСМД)*, 11 декабря. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-staraya-oboronnaya-politika-italii-v-novom-mire/> (дата обращения: 09.06.2024).

При этом военная политика Франции на комплексной основе достаточно редко попадает в фокус отечественных научных исследований. Обычно эксперты касаются ее с более узкими задачами, в разрезе какого-то одного сюжета – ядерной доктрины (Зубенко, 2023), действий Парижа на африканском направлении (Федоров, 2024; Филиппов, 2023), его участия в военно-политической интеграции в ЕС (Сидоров, 2023) или приоритетов дипломатии Э. Макрона вообще (Зуева & Тимофеев, 2023). Также следует отметить предыдущие труды автора настоящей статьи (Чихачев, 2019; Чихачев, 2023), хотя сделанные в них наблюдения по хронологическим причинам уже не отражают дальнейшие события. Среди последних материалов зарубежных авторов следует указать на труды С. Арнольда и К. Мейджор, сравнивавших подходы Парижа и Берлина к ряду актуальных военно-политических сюжетов (Arnold & Major, 2024); П. Бурро, подчеркивавшего смысловую неоднозначность термина «военная экономика» (Bourreau, 2022); Р. Белле и А. Николя¹³, размышлявших о перспективах французского оборонного строительства после 2022 г.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении характерных черт оборонной политики Франции, опираясь на промежуточные итоги перехода к «военной экономике» за период 2022–2024 гг. Представляется необходимым последовательно проследить наиболее значимые сдвиги в трех измерениях – доктринальном, военно-политическом и оперативном, ответив на ряд более узких вопросов:

а) в доктринальном плане – изменились ли основные направления военного строительства;

б) в ракурсе оборонного бюджета и планируемых поставок техники – запланировано ли быстрое количественное наращивание сил и средств или лишь их постепенное качественное совершенствование (как и было до перехода к «военной экономике»);

в) в оперативном измерении – каким образом корректируется военное присутствие Франции в мире (имеет ли место увеличение или, наоборот, сокращение контингентов в различных регионах мира, переосмысление их задач).

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в оборонных вопросах, как и по большинству других сюжетов государственной политики (Нарочницкая & Федоров, 2023: 46), действующие французские власти использовали лишь яркий лозунг; и, хотя некоторые перемены в оборонной отрасли де-факто имеют место, они происходят в рамках общей преемственности уже проводимого курса. Проверка гипотезы проводится с помощью метода сравнительного анализа (сопоставления текущих приоритетов и практических шагов с предшествующими императивами военного строительства) и качественного анализа официальных документов.

¹³ Bellais R., Nicolas A. (2023) La politique de défense après le «changement d'époque»: l'approche de la France. *Fondation Jean Jaurès*, 8 December. Available at: <https://www.jean-jaures.org/publication/la-politique-de-defense-apres-le-changement-depoque-lapproche-de-la-france/> (accessed 9 June 2024).

Доктринальный уровень: укрепление союзнических связей

Согласно установившейся в Пятой республике традиции, основы внешней и военной политики страны излагаются в специальном документе – Белой книге. При этом в законодательстве Франции не зафиксировано четких сроков, в соответствии с которыми полагается предложение ее новой редакции; тем самым выбор момента опубликования остается за президентом. За без малого семьдесят лет существования современной политической системы Французской республики Белые книги издавались лишь четыре раза (в 1972, 1994, 2008 и 2013 гг.), и во всех случаях их появление объяснялось как трансформациями международной среды, так и внутренними соображениями (Еремина & Чихачев, 2020). С начала своего президентства Э. Макрон придерживался иного подхода. Вместо крупных, нуждающихся в длительных согласованиях текстов при нем публиковались относительно сжатые Стратегические обзоры (стоящие во французской иерархии документов ниже, чем полноценные Белые книги (Buffotot, 2018)), в которых предыдущие установки не пересматриваются полностью, а лишь повторно подтверждаются в текущих международных реалиях при корректировке нюансов. Таким образом Макрон поступил на старте своего первого президентского срока, когда был издан Обзор 2017 г., аналогичная ситуация наблюдалась и пять лет спустя. В документе 2022 г. отдельно отмечалось, что «ориентиры, определенные в 2013 и 2017 гг., остаются всецело актуальными и их непосредственное претворение в жизнь должно быть продолжено и ускорено»¹⁴; ниже следовала отсылка к Белой книге 2008 г., когда был утвержден «сохранивший актуальность»¹⁵ круг функций вооруженных сил. В этой связи, по мнению французских экспертов Э. Тенанбома, Т. Варма и И. Дюфур, опубликованный в начале второго срока Э. Макрона текст оказался по большому счету лишен оригинальности¹⁶.

И действительно, если рассмотреть содержание Обзора 2022 г. несколько подробнее, то можно заметить, что многие из представленных в нем положений уже были характерны для военной политики Франции на предыдущих этапах или, по крайней мере, звучали в многочисленных выступлениях Э. Макрона. Во-первых, как и в документе 2017 года, в Обзоре 2022 г. отмечается вновь набирающая обороты международная «стратегическая конкуренция» (франц. *"compétition stratégique"*), заметная практически во всех сферах и регионах. Ключевыми факторами нестабильности предсказуемо и в соответствии с вышедшими в том же году Стратегическим компасом ЕС и Стратегической

¹⁴ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 19.

¹⁵ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 21.

¹⁶ Le Collimateur (2022) Quelle est la stratégie de la France? Available at: https://podcasts.nu/avsnitt/le-collimateur/quelle-est-la-strategie-de-la-france--qWcXCfQV_ (accessed 12 June 2024).

концепцией НАТО названы Россия и КНР; с первой Запад перешел к открытой конфронтации, со второй – ко все более и более обостряющейся конкуренции (актуальной в первую очередь для США). По оценкам французской стороны, Россия использует против коллективного Запада «непрямой подход» (информационную войну, вмешательство во внутренние дела, попытки нарушить трансатлантическое единство)¹⁷, а также намеренно обращается к «ядерной риторике в наступательных целях»¹⁸. В свою очередь, Китай стремится «еще более ослабить» лидирующие позиции Запада в мировом порядке, ведя «пропагандистские кампании» о его «упадке», формируя альтернативные международные площадки, модернизируя собственные вооруженные силы и наращивая ядерный арсенал¹⁹. К этому добавляются многочисленные вызовы на региональных театрах – в Сахаро-Сахеле, в Индийском и Тихом океанах (называемых в документе единым Индо-Тихоокеанским пространством), Арктике, на Ближнем Востоке и др. Остается на повестке дня террористическая опасность, хотя главные факторы нестабильности, насколько можно судить по тексту, лежат все же в плоскости межгосударственного соперничества – ядерная многополярность, которая может принять более нерегулируемую форму, возвращение конфликтов высокой интенсивности, расширение использования гибридных стратегий²⁰.

Во-вторых, неизменным остался круг государств, которые Пятая республика, как можно предполагать, считает для себя дружественными на европейском континенте. Прежде всего речь идет о членах Европейского союза: подтверждены задача «конкретизировать европейский суверенитет», стремление играть решающую роль в обеспечении технологической самостоятельности ЕС и строительстве общего военно-промышленного комплекса (ВПК), намерение придать Евросоюзу реальный потенциал для действий «на земле»²¹. Провозглашена полная поддержка всех инструментов оборонной интеграции, появившихся с 2017 г., включая программу Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*), а также выдвинутую самим же Э. Макроном Европейскую инициативу вмешательства (*E2I*)²². Приоритетными «собеседниками» в данном отношении названы ФРГ, Италия и Испания (с каждой из которых Пятую республику связывает «большой» двусторонний

¹⁷ SGDSN (2022). SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 9.

¹⁸ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 11.

¹⁹ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 10.

²⁰ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 11–12.

²¹ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 41–42.

²² SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 14, 42.

договор), Бельгия, Хорватия и Греция (импортеры французских вооружений), а из непосредственных соседей по внешнему контуру ЕС – Великобритания как еще один стратегический партнер; Украина, Молдавия и Грузия – как страны, которым Франция готова оказывать военную и экономическую помощь (особенно в случае Киева). При этом, как и прежде, подчеркивается, что становление европейской автономии не вступает в противоречие с соображениями трансатлантической солидарности и любые инициативы на уровне ЕС служат лишь укреплению западного единства. Отводя себе роль связующего звена (франц. *“moteur de la coopération”*) между ЕС и НАТО, в самом Североатлантическом альянсе Париж рассчитывает выступать в качестве «образцового союзника» (франц. *“allié exemplaire”*) и, в терминологии НАТО, «рамочной нации» (франц. *“nation-cadre”*, для руководства контингентами на восточном фланге), рассматривая данную организацию в качестве «ключевой» с точки зрения обеспечения безопасности европейских государств²³. К слову, на первый взгляд, столь явный атлантизм можно было бы считать новацией и разрывом с голлистско-миттерановской традицией соблюдения определенной дистанции от НАТО – если не брать в расчет тот факт, что на самом деле Париж начал постепенный дрейф в сторону западных структур еще задолго до Э. Макрона (Обичкина, 2022: 168), только ускорившийся с возвращением в военную компоненту Североатлантического альянса в 2009 г. За пределами же Евроатлантики в тексте документа подчеркнут особый интерес к отдельным государствам – Японии, Австралии (глобальным партнерам НАТО), Индии, а также членам АСЕАН. Характерный перечень союзников и упор на Россию и КНР в качестве противников позволяет автору сделать вывод, что Париж будет поддерживать дальнейшую гармонизацию подходов НАТО, ЕС и отдельных стран-членов, приведение угроз к единому знаменателю и выработку общей стратегической культуры, способной стать основой для последующих шагов (в том числе для совместного создания вооружений под общие угрозы и страновой специализации внутри этого процесса).

В-третьих, авторы Обзора косвенно подтвердили приверженность принципу, известному еще с голлистских времен, согласно которому Франция должна сохранять свободу принятия решений и действий в любой ситуации, чтобы оставаться значимой на международной арене. Для этого необходимы поддержание эффективности работы дипломатической сети и разведывательного сообщества; модернизация и защита космической группировки²⁴; выработка национальной и европейской системы кибербезопасности;

²³ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 39–40.

²⁴ С 2020 по 2024 гг. французская группировка спутников военного назначения увеличилась в два раза – с 7 до 14 аппаратов (некоторые находятся в совместном использовании с Великобританией и Италией). См.: IISS (2020) The Military Balance 2020. Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/military-balance-2020-book/> (accessed 5 September 2024); IISS (2024) The Military Balance 2024. Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (accessed 5 September 2024).

развертывание полноценной стратегии информационного противоборства, существующей у Франции с 2021 г.²⁵ Однако краеугольными камнями оборонной отрасли названы два традиционных компонента – ядерный арсенал и обычные вооруженные силы.

Так, в Обзоре подчеркивается, что французские силы ядерного сдерживания сохраняют автономный характер, по-прежнему будут включать в себя две компоненты (тактическую – авиационную, стратегическую – морскую) и проходить своевременную модернизацию при соблюдении «строгой достаточности» в размерах. Последняя оговорка, традиционная для французской ядерной доктрины, по мнению аналитика Б. Тертре, означает, что ядерный арсенал должен быть относительно небольшим по размеру (т.е. не создающим чрезмерную нагрузку на бюджет), но одновременно достаточно мощным, чтобы «приниматься всерьез» любым потенциальным противником²⁶. Вместе с тем – и эта новация стала едва ли не центральной во всем документе – признается, что жизненные интересы Франции, нарушение которых может повлечь за собой использование стратегических ядерных сил (СЯС), в нынешних условиях имеют «европейское измерение»²⁷. Примечательно, что ту же самую формулировку использовал Э. Макрон в своей речи о ядерной доктрине в феврале 2020 г.²⁸, повторив ее и четыре года спустя по ходу визита в Швецию²⁹. Данное словосочетание ни разу не конкретизировалось, ограничиваясь лишь приглашением европейских стран к дискуссии по ракетно-ядерной проблематике и расплывчатыми рассуждениями об особой ответственности Франции в обеспечении безопасности континента. По мнению эксперта Э. Фэйе, тезис о «европейском измерении» отнюдь не означает стремления Елисейского дворца разделить контроль над национальным ядерным арсеналом или частично рассредоточить его по территории других стран ЕС. Однако в перспективе за ним могут последовать допуск иностранных представителей на учения, совместные программы подготовки пилотов истребителей-носителей тактического ЯО, попытки разделить финансовое бремя по содержанию СЯС³⁰.

²⁵ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 37–52.

²⁶ Tertrais B. (2022) La politique de dissuasion nucléaire française. *Vie publique*, 27 July. Available at: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/285856-la-politique-de-dissuasion-nucleaire-francaise-defense-budget> (accessed 22 September 2024).

²⁷ SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 31.

²⁸ Elysée (2020) Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'Ecole de guerre. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (accessed 12 June 2024).

²⁹ Elysée (2024) Discours du Président de la République à la communauté de défense en Suède. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/01/30/visite-detat-en-suede-discours-a-la-communaute-de-defense> (accessed 10 October 2024).

³⁰ Fayet H. (2024) Pourquoi la France ne proposera pas de «parapluie nucléaire» à l'Europe. *Le Rubicon*, 6 March. Available at: <https://lerubicon.org/pourquoi-la-france-ne-proposera-pas-de-parapluie-nucleaire-a-leurope/> (accessed 12 June 2024).

В целом же, как в дальнейшем подчеркивал Э. Макрон, Франция продолжит следовать принципу «стратегической неопределенности»³¹ (франц. *"ambiguïté stratégique"*), намеренно не предупреждая другие стороны об ответных шагах (и, видимо, считая это лучшей гарантией сдерживания по сравнению с четкой системой сигналов, некогда принятой в российско-американском взаимном сдерживании). Применительно к ситуации вокруг конфликта на Украине такое соображение выглядело достаточно провокационным, однако для самой ядерной доктрины Франции, строящейся как раз на неопределенности основных понятий, было вполне привычным (Зубенко, 2023).

Положения об обычных вооруженных силах также носят консервативный характер: в Обзоре подтверждается, что их дальнейшее строительство будет продолжаться по т.н. комплексной модели (франц. *"modèle complet"*), унаследованной еще с голлистских времен и соблюдавшейся даже при кадровых и бюджетных сокращениях 1990–2000-х гг. Она подразумевает развитие вооруженных сил Пятой республики на равномерной основе, без перекосов в сторону какого-то одного вида или рода войск. С точки зрения поставленных задач это означает способность одновременно выполнять пять «стратегических функций» (сбор и анализ информации, ядерное сдерживание, защита государственной территории, предупреждение конфликтов, проведение операций за рубежом) при добавлении шестой – влияния³². В промышленном плане комплексная модель подразумевает способность обеспечить государство всей необходимой номенклатурой национального производства – от атомных подлодок до пехотного снаряжения (что, впрочем, не исключает сотрудничества внутри ЕС по многим позициям).

Таким образом, кроме еще более акцентированной ставки на союзнические связи с западными странами и пока не приобретшей внятные контуры эволюции ядерной доктрины, видимых изменений в оборонной политике Франции на доктринальном уровне не наблюдается. Вместе с тем примечательно, что наряду с общей предсказуемостью Обзора именно сохранение комплексной модели армии вызвало наибольшую критику среди специалистов. Ряд французских политических деятелей³³, исследователей³⁴

³¹ Elysée (2024) 20h: l'interview du Président Emmanuel Macron sur TF1 et France 2. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/03/14/20h-linterview-du-president-emmanuel-macron-sur-tf1-et-france-2-1> (accessed 12 June 2024).

³² SGDSN (2022) Revue nationale stratégique. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (accessed 12 June 2024). P. 21.

³³ Cornut-Gentille F. (2022) Notre modèle d'armée soi-disant complet est surtout obsolète. *La Revue Parlementaire*. Available at: <https://www.larevueparlementaire.fr/articles-revue-parlementaire/3995-francois-cornut-gentille-notre-modele-d-armee-soi-disant-complet-est-surtout-obsolete> (accessed 12 June 2024).

³⁴ La Dépêche (2022) Défense: La France a évolué avec une armée au modèle "bonsai"... nous avons de tout, mais un peu. Available at: <https://www.ladepeche.fr/2022/08/22/defense-la-france-a-evolue-avec-une-armee-au-modele-bonsai-nous-avons-de-tout-mais-un-peu-10494872.php> (accessed 12 June 2024); Bellais R. (2023) Au-delà du budget de la défense: comment renforcer l'influence de la France. *Fondation Jean Jaurès*, 4 May. Available at: <https://www.jean-jaures.org/publication/au-dela-du-budget-de-la-defense-comment-renforcer-linfluence-de-la-france/> (accessed 12 June 2024).

и журналистов (Merchet, 2024) отмечает, что основная проблема данного подхода кроется в распределении бюджетного «пирога» слишком мелкими долями: армии, ВМС и ВКС финансов хватает лишь на удовлетворение текущих нужд, но не на наращивание возможностей в абсолютных значениях.

Вместе с тем комплексная модель основывается не только на известной силе инерции, но и на некоторых рациональных соображениях. Во-первых, она позволяет на протяжении долгих лет поддерживать на плаву широкий спектр оборонных производств, сохраняя в стране научно-технические компетенции и кадры. Во-вторых, можно предположить, что такой подход служит основой компромисса в Министерстве вооруженных сил, минимизируя или, по крайней мере, не выводя в публичное пространство «внутрикорпоративные» споры (между армией и флотом, флотом и авиацией и др.). Наконец, четкая иерархия приоритетов военной политики затруднительна в силу географического положения страны³⁵. Вероятно, руководствуясь этими соображениями, представители истеблишмента предпочли не только закрепить преемственность модели в Обзоре 2022 г., но и перевести ее на язык цифр и конкретных военно-технических программ во втором важнейшем для оборонной отрасли документе – Законе о военном планировании (далее – *LPM*).

Материально-техническое обеспечение: рост без резких изменений

Подготовка рамочного документа с определением оборонных расходов на несколько лет вперед является для законодательной и исполнительной власти Пятой республики даже более частой практикой, чем опубликование Белых книг или Обзоров. Так, первый *LPM* появился еще в декабре 1960 г., а общее же их количество на сегодняшний день составляет пятнадцать. Истоки, опять же, лежат во взглядах Ш. де Голля, считавшего, что приоритеты военного строительства должны быть предметом не ситуативных межпартийных договоренностей³⁶, а последовательной, ритмичной работы, не зависящей от политического календаря. Все последующие президенты разделяли этот подход, притом сроки действия *LPM* задавались таким образом, чтобы новый глава государства сначала «подхватывал» утвержденный при предыдущей власти закон и лишь на второй-третий год правления принимал бы свой текст. Первым исключением из данной традиции стала середина 1990-х гг., когда Ж. Ширак вместо исполнения *LPM*, утвержденного в самом конце президентства Ф. Миттерана, посчитал необходимым принять качественно иной документ для перевода армии на контрактную основу (David,

³⁵ Континентального положения основной части французской территории при наличии широкого выхода к морю и второй в мире исключительной экономической зоны за счет заморских департаментов. См.: Servière S.-F. (2022) Non à la spécialisation de la Défense! *Fondation iFRAP*, 17 May. Available at: <https://www.ifrap.org/etat-et-collectivites/non-la-specialisation-de-la-defense> (accessed 12 June 2024).

³⁶ В январе 1946 г. генерал оставил пост председателя Временного правительства как раз из-за разногласий с парламентскими фракциями об оборонном бюджете.

2023). Новые прецеденты создал Э. Макрон, сначала не дождавшийся окончания «олландовского» *LPM* 2014–2019 гг., а затем ускоривший принятие бюджетной перспективы до 2030 г.

Разбор *LPM* на 2019–2025 гг. – первого из двух принятых при Э. Макроне – уже был осуществлен автором настоящей статьи в более раннем исследовании (Чихачев, 2019). Имеет смысл лишь напомнить, что в нем закладывалось сохранение комплексной модели вооруженных сил, а также намечалась постепенная модернизация парка техники с поставкой новых образцов строго взамен устаревающих, без количественного наращивания сил и средств. Для *LPM* оказался характерен акцент на «человеческом» измерении оборонной политики, подразумевавшем улучшение бытовых условий военнослужащих и обновление инфраструктуры (что, по идее, должно было повысить привлекательность армейской службы для молодежи по сравнению с гражданскими профессиями). При этом ряд других системных проблем вроде отсутствия второго авианосца, стратегической транспортной авиации, эшелонированной системы противовоздушной обороны, ударных беспилотных летательных аппаратов (БЛА) собственного производства остались без решения. Основные количественные параметры закона приведены в таблице 1.

Таблица 1. Основные количественные параметры *LPM* 2019–2025 гг.³⁷
Table 1. Key figures from Military Planning Law 2019–2025

Параметр	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Военный бюджет, млрд евро ³⁸	35,9	37,6	39,3	41,0	44,0	47,0	50,0
Финансирование военных операций, млрд евро	0,85	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1
Прирост кадрового состава Министерства вооруженных сил, чел.	450	300	300	450	1500	1500	1500

Действующий *LPM* принимался с несколько большими сложностями, чем предыдущий: если в 2018 г. пропрезидентские силы занимали в Национальном собрании более 60% мест, из-за чего утверждение закона на 2019–2025 гг. прошло относительно гладко, то после очередных парламентских выборов, состоявшихся летом 2022 г., абсолютное большинство сторонников Э. Макрона превратилось в относительное. Это создало необходимость внимательнее прислушиваться к пожеланиям других политических сил, прежде всего правоцентристских «Республиканцев» и умеренных левых. Кроме того, сохранился невыгодный для президента расклад сил в Сенате, где доминировали те же правоцентристы. Именно этот орган сумел существенно пере-

³⁷ Источник: *Légifrance* (2018) LOI № 2018-607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037192797/> (accessed 13 June 2024).

³⁸ Без учета денежного довольствия и пенсий.

работать законопроект, прежде всего – в части ежегодного распределения средств. На фоне украинского конфликта в истеблишменте Франции звучали полярные оценки суммы, необходимой на нужды обороны: от консервативного варианта минэкономики (377 млрд евро, +28% по сравнению с предыдущим периодом) до максималистских требований Генштаба (по меньшей мере 425 млрд, +44%)³⁹. В итоге, как было упомянуто, возобладала компромиссная цифра в 413 млрд, отстаивавшаяся министерством вооруженных сил и включавшая в себя два компонента, – 400 млрд бюджетных расходов плюс 13 млрд внебюджетных средств, заложенных на помощь Украине.

Как преподносил Э. Макрон, оба вышедших при нем *LPM* следует рассматривать как единый цикл «восстановления» вооруженных сил, плавно переходящий в их «трансформацию»⁴⁰. Основным аргументом властей служило продолжение сквозного роста оборонных расходов, в годовом выражении увеличивающихся почти в два раза (если взять за точку отсчета 2019 г.). Между тем сравнение с первым текстом позволяет выявить и некоторые нюансы. В частности, если в первом *LPM* наибольшее увеличение трат закладывалось на последний отрезок, то в актуальном тексте повышение происходит более равномерно (по 3,2–3,5 млрд – см. Таблицу 2); именно этого и добивался Сенат на стадии обсуждения. В самом начале текста (ст. 3) указано, что достижение ориентира в 2% ВВП ожидается не позднее 2027 года⁴¹. В свете неудачно завершившейся операции «Бархан» сократился бюджет на внешние операции и внутренние миссии, из чего можно сделать предположение о том, что новая, сопоставимая по масштабам, кампания в обозримой перспективе не планируется французским истеблишментом (что не мешает на регулярной основе участвовать в учениях – см. ниже); механизм «межминистерской солидарности» остается в силе. Вновь ожидается увеличение численности персонала минобороны, притом целевой ориентир остался тем же самым (275 тыс.); следовательно, в прошлом периоде достигнуть его так и не удалось. Дополнительно поставлена задача более активного рекрутирования резервистов: от примерно 40 тыс. в течение года с момента вступления закона в силу до 80 тыс. к концу его действия и 105 тыс. – к середине 2030-х гг. (по пропорции «двое солдат – один резервист»).

³⁹ *Zone militaire* (2023) La France pourrait augmenter ses dépenses militaires d'environ 30% sur la période 2024–31. Available at: <https://www.opex360.com/2022/09/28/la-france-pourrait-augmenter-ses-depenses-militaires-denviron-30-sur-la-periode-2024-31/> (accessed 13 June 2024).

⁴⁰ *Elysée* (2023) Transformer nos armées: le Président de la République présente le nouveau projet de loi de programmation militaire. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/01/20/transformer-nos-armees-le-president-de-la-republique-presente-le-nouveau-projet-de-loi-de-programmation-militaire> (accessed 13 June 2024).

⁴¹ *Légifrance* (2023) LOI N° 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

Таблица 2. Основные количественные параметры *LPM* 2024–2030 гг.⁴²
Table 2. Key figures from Military Planning Law 2024–2030

Параметр	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Военный бюджет, млрд евро ⁴³	47,2	50,5	53,7	56,9	60,4	63,9	67,4
Финансирование военных операций, млрд евро	0,80	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75	0,75
Прирост кадрового состава Министерства вооруженных сил, чел.	700	700	800	900	1000	1000	1200

Не будет преувеличением заметить, что именно обновление СЯС во многом обусловило рост оборонного бюджета по действующему *LPM*. При этом важно учитывать, что для Франции оно являлось само по себе назревшим в силу возраста некоторых вооружений (в 2030 г. головной подлодке *Triomphant* исполнится 36 лет со спуска на воду) и не было однозначно привязано к каким-либо международным событиям. В остальном же картина вполне отражает политическую преемственность, несмотря на рассуждения президента о переходе к «военной экономике». Практически по всем видам военной техники продолжается развитие тех же программ, что уже были известны ранее, и с тем же подходом – поставкой новых образцов исключительно взамен устаревших (теперь не только утилизируемых, но и отправляемых ВСУ) без радикального увеличения возможностей. По ряду статей (*VBAE*, *LRU*, *Rafale*) заметно, что основные усилия запланированы на 2030–2035 гг., когда действующий документ утратит силу, из-за чего указанные ориентиры рискуют оказаться невыполненными. Наряду с узкими местами в части стратегической авиации и БЛА остается нерешенной проблема наличия лишь одного авианосца. На этапе обсуждения в Национальном собрании – и это стало одной из ключевых уступок депутатам – была принята поправка лишь об изучении самой возможности строительства второго корабля. Недостаточно очевидно прослеживается в законе и курс на европеизацию оборонных производств, настойчиво продвигаемый Э. Макроном в ЕС: к 2030 г. планируется иметь лишь один перспективный франко-германский истребитель *SCAF*, и тот – как демонстрационный образец.

Сквозное сопоставление по отдельным видам техники между запланированными показателями, которые правительство ожидало иметь к концу каждого из последних *LPM*, и реально существовавшим парком свидетельствует о медленных темпах модернизации (см. Таблицу 3). При этом отличительной чертой военного строительства стал упор на технологичность и универсальность новой техники. Например, сокращение количества фрегатов компенсировалось изменением оперативного подхода к боевым кораблям, которые

⁴² Источник: *Légifrance* (2023) LOI N° 2023–703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

⁴³ Без учета денежного довольствия и пенсий.

теперь должны выступать средствами против всего спектра угроз (обладая системами радиоэлектронной борьбы, противовоздушной обороны, противокорабельным и противолодочным вооружением). Выпуск бронетехники продолжается в рамках программы *SCORPION*, запущенной во Франции еще в 2010-х гг. и предполагающей модернизацию всей военной системы для ведения сетцентричных боевых действий и ряд технических нововведений (взаимозаменяемость запчастей для разных машин; возможность передачи в режиме реального времени сигнала со спутника на технику и др.). Вместе с тем ни в одном *LPM* формально указанное количество той или иной техники, имевшейся в наличии, еще не означало ее готовности в полном объеме быть использованной по назначению (вследствие ремонта, нехватки комплектующих, боеприпасов и т.п.).

Таблица 3. Обеспечение вооруженных сил Франции некоторыми видами техники согласно *LPM* 2014–2019, 2018–2025, 2024–2030 гг.⁴⁴

Table 3: Selected arms procurement for French Army according to Military Planning Laws 2019–2025, 2019–2025, 2024–2030

Техника	План к концу <i>LPM</i> 2014–2019 гг.	Имелось к началу <i>LPM</i> 2019–2025 гг.	План к концу <i>LPM</i> 2019–2025 гг.	Имелось к началу <i>LPM</i> 2024–2030 гг.	План к концу <i>LPM</i> 2024–2030 гг.
Танки <i>Leclerc</i> (в т.ч. модернизированные)	254 (200)	241 (0)	200 (122)	200 (19)	200 (160)
БМП <i>VBCI</i>	630	629	629	628	628
БТР <i>Griffon</i>	92	3	936	575	1437
БМП <i>Jaguar</i>	–	0	150	60	238
БТР <i>Serval</i>	–	0	489+200 ⁴⁵	189	1405
Эсминцы (<i>DDGHH</i>) + фрегаты различных типов (<i>FFGHH</i>)	2+14	2+15	2+15	2+13	2+13
Многоцелевые АПЛ	6	6	6	6	6
Истребители	247	111 <i>Mirage</i> 2000 +143 <i>Rafale</i>	55 <i>Mirage</i> 2000 (мод.) +171 <i>Rafale</i>	36 <i>Mirage</i> 2000 (мод.) +141 <i>Rafale</i>	48 <i>Mirage</i> 2000 (мод.) +178 <i>Rafale</i>

На основе этих данных представляется возможным ответить в отрицательном ключе и на второй исходный вопрос исследования: рост оборонного бюджета и ряд нововведений качественного характера имеют место,

⁴⁴ Источники: *Légifrance* (2013) LOI n° 2013-1168 du 18 décembre 2013 relative à la programmation militaire pour les années 2014 à 2019 et portant diverses dispositions concernant la défense et la sécurité nationale. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000028338825/> (accessed 4 September 2024); *Légifrance* (2018) LOI N° 2018-607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaire pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037192797/> (accessed 13 June 2024); *Légifrance* (2023) LOI N° 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

⁴⁵ В обычном варианте + интегрированные в систему *SCORPION*.

но радикального количественного расширения кадровых и материально-технических возможностей не запланировано. Хотя законом на 2024–2030 гг. установлено, что к концу десятилетия французские ВС должны нарастить парк техники по многим позициям, важно еще раз сделать оговорку, что постановка на вооружение новых образцов будет производиться примерно в тех же объемах, что и списание старых. Практика прошлых лет показывает, что в ряде случаев целевые ориентиры достигаются с опозданием в один, если не два, *LPM*, что во многом диктуется спецификой отрасли: долгосрочностью проектов, невозможностью быстро изменить номенклатуру строящихся образцов. Соответственно, это позволяет более осторожно воспринимать заявленные планы на 2024–2030 гг. при их соотнесении с реальным положением дел на начало периода.

К сказанному выше следует добавить, что радикальных перемен не заметно и с точки зрения управления оборонной отраслью. Так, должность министра вооруженных сил в мае 2022 г. занял С. Лекорню – гражданское лицо (что является характерным для большинства западных стран), в прошлом специалист по массовым коммуникациям, ранее даже не работавший в оборонном секторе. Своим чередом продолжились рутинные кадровые ротации в высшем офицерском корпусе (начальник личного штаба президента, Генштаб, штабы отдельных видов ВС). Глава внешней разведки сменился в 2024 г. скорее из-за текущих неудач (Сахель, Украина), чем вследствие структурных перемен. За исключением создания нового агентства (*DID*, упомянутого во введении), само оборонное ведомство не претерпело коренной реорганизации. Не последовало каких-либо экстраординарных мер в отношении военно-промышленного комплекса: ни национализации предприятий, ни массовой мобилизации трудовых ресурсов (в *LPM* упомянута возможность отправки всего 2 тыс. резервистов на предприятия в случае конфликта высокой интенсивности⁴⁶), ни лавинообразной смены кадров в топ-менеджменте и т.п. Несмотря на подчеркнутое внимание государства к малым и средним фирмам (коих в оборонной отрасли Франции работает порядка 4 тыс.)⁴⁷, основными бенефициарами растущих ассигнований остались устоявшиеся лидеры, такие как *Airbus*, *Dassault*, *Nexter*, *Thales*, *Naval Group*⁴⁸.

Иными словами, в развитии «военной экономики» французское правительство предпочло пойти интенсивным, а не экстенсивным путем, сделав ставку на отдельные «истории успеха». В частности, в октябре 2023 г. С. Лекорню

⁴⁶ *Légifrance* (2023) LOI N° 2023–703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

⁴⁷ *Ministère des Armées* (n.d.) Comment l'industrie de défense s'est mise en ordre de marche. Available at: https://www.defense.gouv.fr/economie-guerre-produire-plus-plus-vite-defi/comment-lindustrie-defense-sest-mise-en-order-marche#_ftn2 (accessed 14 June 2024).

⁴⁸ *Assemblée nationale* (2023) Rapport d'information sur l'économie de guerre. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_fin/116b1023_rapport-information# (accessed 14 June 2024).

объявил, что объем выпуска орудий *CAESAR* удалось нарастить с 2 до 6 единиц в месяц при двукратном ускорении производственного процесса (с 30 до 15 месяцев)⁴⁹; сборочную линию ныне планируется открыть и на территории Украины. В 2023–2024 гг. сообщалось об успешных испытаниях баллистической ракеты M51.3, ракеты средней дальности «воздух–земля» *ASMP-A*. Пороховой завод в Бержераке, заложенный при участии президента, должен вернуть из Швеции на территорию Франции некогда утраченное производство, что обеспечит страну до 1,2 тыс. тонн пороха в год. Расширяется и портфель зарубежных заказов для национального ВПК. По оценке Стокгольмского института исследования проблем мира, за счет ряда крупных сделок по истребителям *Rafale* (с Индией, ОАЭ и др.) Франция сравнялась с Россией по доле вооружений, представленных на мировом рынке (11%, хотя достоверность и полнота данных, имеющихся у этой организации по российскому экспорту, вызывают сомнения) (Wezeman et al., 2024).

Тем не менее многие эксперты отмечают, что этих шагов все еще недостаточно: подлинная трансформация вооруженных сил с учетом новых реалий потребовала бы гораздо больших финансовых вливаний (еще 50–100 млрд евро) (Léquire..., 2023) и более широких общественных обсуждений⁵⁰. С учетом сохраняющейся ограниченности сил и средств возникал вопрос, насколько существенным окажется влияние *LPM* на оперативное измерение французской военной политики – присутствие в различных регионах мира.

Оперативное измерение: поддержание широкого присутствия по миру

Ни Обзор 2022 г., ни *LPM* 2024–2030 гг. не содержали каких-либо революционных с точки зрения оперативного искусства положений. Однако некоторые детали все же обращали на себя внимание. В первом документе приводились тезисы о расширении сфер противоборства (включая космос и киберсферу); о неразрывной связи между боеспособностью армии и состоянием общества в целом; о способности дать адекватный ответ на любые гибридные угрозы вне зависимости от сферы их распространения⁵¹. Цитировался принцип, восходящий еще к Сунь Цзы и введенный для французских вооруженных сил начальником Генштаба Т. Бюркаром в 2021 г.⁵², – необходимо «выиграть войну еще до ее начала» (франц. *“gagner la guerre avant la guerre”*). В свою очередь, в *LPM* приводились данные о том,

⁴⁹ *Ministère des Armées* (2023) Canon Caesar: Sébastien Lecornu salue la hausse de la production et la réduction des délais. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/canon-caesar-sebastien-lecornu-salue-hausse-production-reduction-delaix> (accessed 14 June 2024).

⁵⁰ Cazeneuve B., Baverez N., Meunier M. (2023) La loi de programmation militaire 2024–2030, loi de réparation mais non de réarmement. *Institut Montaigne*, 12 July. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/expressions/la-loi-de-programmation-militaire-2024-2030-loi-de-reparation-mais-non-de-rearmement> (accessed 4 September 2024).

⁵¹ *SGDSN* (2022) Op. cit. P. 21–24, 33–34, 48–49.

⁵² *Ministère des Armées* (2021) Op. cit.

что в случае крупномасштабного противостояния (франц. *"engagement majeur"*) Франция сможет выставить на поле боя две тяжеловооруженные бригады (всего 10–15 тыс. человек) с поддержкой одной авианосной группы и в общей сложности 70 истребителей (30 – с борта авианосца и 40 – с авиабаз)⁵³. Однако помимо того, что подобные силы сами по себе невелики в сравнении с группировками, задействованными Россией и Украиной после февраля 2022 г., их еще и планируется полностью подготовить к ведению боевых действий в режиме высокой интенсивности лишь к концу десятилетия. В иных же случаях предполагается задействовать: для быстрого реагирования – шесть тактических межвидовых групп (*"groupement tactiques interarmes", GTIA*) (четыре GTIA в составе одной бригады плюс еще две GTIA, все с поддержкой авиации и флота), развертываемых в течение месяца; для операций на удаленных театрах – одну бригаду.

Характерно, что практически такой же масштаб сил и средств фигурировал во французском оперативном планировании даже задолго до актуального витка международной напряженности – в Белой книге 2013 года⁵⁴. Далее по плану *«Во взаимодействии»* (франц. *"Au contact"*), принятому вскоре после террористических атак в Париже 2015 г., власти намеревались довести этот показатель до 77 тыс. В действующей открытой документации он напрямую не упоминался, но сама по себе эта цифра с учетом суммарного числа военнослужащих в сухопутных силах (114,8 тыс.) означала, что на решение оперативных задач отводится до 80% личного состава.

В этой связи основным форматом развертывания французских вооруженных сил на сегодняшний день остаются многочисленные малые контингенты, рассеянные по нескольким регионам мира. Как известно из данных Министерства ВС, по состоянию на июль 2023 г. во всех операциях и миссиях было задействовано 30 тыс. военнослужащих, из них 6 тыс. – на европейской территории Франции (операция по охране правопорядка «Часовой»), 7,3 тыс. – на заморских территориях; остальные распределились по африканским странам, Ближнему Востоку и Европе⁵⁵. В отношении соединений за пределами европейской территории Франции можно было говорить о следующих тенденциях, заметных на протяжении 2022 – первой половины 2024 гг.

⁵³ *Légifrance* (2023) LOI N° 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000047914986/> (accessed 13 June 2024).

⁵⁴ В ней пояснялось, что, помимо двух бригад, первыми вступающих в столкновение с противником, по ходу боевых действий будут развернуты еще пять аналогичных соединений, всего – 66 тыс. человек. См.: *Ministère de la Défense* (2013) Livre blanc Défense et sécurité nationale 2013. P. 92, 94–95. Available at: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale-2013-2.pdf> (accessed 14 June 2024).

⁵⁵ *Ministère des Armées* (2023) Projet de loi des finances des Armées 2024 – LPM année 1. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/ministere/politique-defense/loi-programmation-militaire-2024-2030/projet-loi-finances-armees-2024-lpm-annee-1> (accessed 14 June 2024).

Наибольшие сдвиги наметились на африканском направлении: после завершения операции «Бархан» французское руководство объявило о грядущем переформатировании оставшихся сил в Западной Африке. По словам Э. Макрона, военные базы Пятой республики в Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Габоне и Чаде (каждая насчитывает от 0.3 до 1 тыс. человек) должны превратиться в своего рода учебные центры, которыми могли бы свободно пользоваться и местные вооруженные силы⁵⁶. При такой модели французская армия сохраняла бы свое присутствие лишь при условии официальной, добровольной просьбы со стороны принимающего государства и выполняла бы преимущественно разведывательные функции. Тем самым предполагается сделать пребывание на континенте менее заметным и снизить уровень критики за «неоколониальное» вмешательство в дела соответствующих государств. Конкретные параметры данного процесса поручено определить специальному представителю президента Ж.-М. Бокелю, начавшему работу в феврале 2024 г. На момент завершения настоящего исследования результаты его работы еще не были представлены общественности, но из интервью для французских СМИ было очевидно, что речь идет о смене функционала, но не о полном сворачивании сил⁵⁷. По мнению российского эксперта С.М. Федорова, одним из вариантов для Франции могло бы стать заимствование позитивного опыта частных военных компаний (Федоров, 2024: 33). Впрочем, как отмечает исследователь Н. Багайоко, операция «Бархан» продемонстрировала, что перед нововведениями «на земле» Парижу еще предстоит выработать новые концептуальные рамки для действий в Африке, прежде всего – внятную политическую цель (Bagayoko, 2024).

Параллельно с началом переформатирования контингентов на африканском театре наблюдается активизация французских войск на европейском векторе. Во-первых, после февраля 2022 г. было продлено на неопределенный срок и даже усилено дополнительной техникой участие Пятой республики в программе Расширенного передового присутствия НАТО. В Эстонии французские военнослужащие (более 300 человек) продолжили участвовать в мультинациональном батальоне под командованием Великобритании (миссия «Рысь»); в Румынии (500 человек) они появились впервые, став ядром такого батальона (миссия «Орел»). Во-вторых, продолжили курсировать вдоль восточных рубежей Альянса французские истребители (над странами Балтии и Польшей в рамках инициативы НАТО по воздушному патрулированию). Наконец, в 2022–2024 гг. Франция выступала непременной участницей всех крупных

⁵⁶ *Elysée* (2023) Le Partenariat Afrique-France: discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale> (accessed 14 June 2024).

⁵⁷ *L'Asace* (2024) Jean-Marie Bockel lève un coin de voile sur sa mission africaine. Available at: <https://www.lalsace.fr/defense-guerre-conflit/2024/05/05/jean-marie-bockel-leve-un-coin-de-voile-sur-sa-mission-africaine> (accessed 14 June 2024).

учений западных союзников на Балтике и в приарктической зоне – *Steadfast Defender*, *BALTOPS*, *Brilliant Jump*, *Cold Response*, отправляя на них не только сухопутные войска и авиацию, но и по несколько вымпелов военно-морских сил (классом, как правило, вплоть до фрегата) (Chikhachev, 2023). Дополнили картину такие факты, как отправка трех ПЛАРБ на патрулирование (вместо привычной одной) (Зубенко, 2023) и проведение крупнейших за тридцать лет многосторонних учений на собственной территории (*Orion*, весна 2023 г.). Важно подчеркнуть, что в рамках учений *Orion* отрабатывалось взаимодействие всех видов ВС в условиях конфликта высокой интенсивности, что вновь свидетельствует о смене приоритетов в оперативной подготовке войск – подготовке к крупномасштабному межгосударственному противостоянию вместо антитеррора или операций по поддержанию мира. По мнению аналитика *IFRI* Г. Гарнье, следует ожидать дальнейшего расширения вовлеченности Парижа в военную активность в Европе и его особого внимания к союзникам в юго-восточной части континента – не только к Румынии, но и к Хорватии и Греции, закупившим истребители *Rafale* (Garnier, 2023).

Кроме того, вопросом особого внимания для Парижа осталась безопасность на пространствах Индийского и Тихого океанов, где французская дипломатия отводила себе роль своеобразной «третьей силы» между США и КНР (или, в терминах Обзора 2022 г., «державы равновесия» – франц. *“puissance d’équilibre”*) (Pajon, 2023). Несмотря на скандал вокруг отказа Австралии от французских подлодок, явно продемонстрировавший несоответствие между амбициями и реальными возможностями Пятой республики, та продолжила расширять военно-технические и военно-политические контакты по всему региону (с Индией, Японией, государствами ACEAN) (Bachelier & Pajon, 2023). Значимым направлением деятельности осталось участие в многосторонних учениях с флотами перечисленных стран, а также США и Великобритании, в частности, в Бенгальском заливе (*La Pérouse*), у берегов Новой Каледонии (*Croix du Sud*). В регулярную практику вошли дальние походы французских кораблей из Средиземного моря до Японии, пролеты авиагрупп (*Pégase* – с участием ФРГ и Испании, с которыми Франция сотрудничает по разработке истребителя следующего поколения). Вместе с тем силы, расположенные здесь на постоянной основе, оставались пригодны в лучшем случае для борьбы с последствиями стихийных бедствий и береговой охраны: около 8 тыс. военнослужащих, четыре малых фрегата *Floréal*, несколько патрульных катеров, вертолетов и транспортных самолетов. Важно подчеркнуть, что крупный транш по *LPM*, направленный на укрепление оборонной инфраструктуры заморских территорий, не подразумевал количественного расширения сил в Индийском и Тихом океанах, как и ускоренных поставок новой техники (кроме еще нескольких патрульных катеров взамен устаревших – то же самое касается и владений Парижа в Карибском море). Впрочем,

как оценивал ситуацию Генштаб в мае 2023 г., принципиального увеличения возможностей и не требуется, поскольку прямой угрозы иностранного вторжения во Французскую Полинезию или Новую Каледонию не прослеживается⁵⁸.

Не претерпел существенных изменений и формат военного присутствия Франции на Ближнем Востоке: операции «Шаммаль» (около 600 человек в Ираке и Иордании) и «Даман» (700 солдат и офицеров, Ливан), постоянная база в ОАЭ, координирование европейской военно-морской миссии «Агенор» в Персидском заливе. Необходимо особенно подчеркнуть, что за исследуемый период французские войска остались в стороне практически от всех происходивших в регионе событий, включая палестино-израильский конфликт или начало действий американской коалиции в Красном море – за исключением краткосрочной эвакуации гражданских лиц из Судана в апреле 2023 г. Париж присоединился к военно-морской миссии Евросоюза *EUNAVFOR Aspides*, отправив в Красное море эсминец *Horizon*⁵⁹, который участвовал в перехвате ракет, но не в нанесении ударов. По мнению эксперта *IFRI* Э. Фэйе, установившаяся «пассивность» Парижа в военной сфере во многом связана с тем, что в основе ее стратегии лежала борьба с терроризмом, которая в изменившихся условиях уже не может быть единственно значимым приоритетом (Fayet, 2022). Соответственно, как и на африканском векторе, пребывание французских войск на Ближнем Востоке нуждается в переосмыслении своих задач, выработке новой концепции взамен исчерпавшей себя. Но осуществить это достаточно сложно, поскольку с конца 2010-х гг. в идейном тупике находится вся внешняя политика Франции в регионе. Неэффективное участие в урегулировании сирийского и ливийского конфликтов привели к тому, что Пятая республика перестала быть востребованной в качестве поставщика безопасности и столкнулась с системным ослаблением своих позиций в Большом Средиземноморье (Чернега, 2022).

Обобщая ситуацию на всех перечисленных направлениях, можно заключить, что профиль французского военного присутствия по миру остался в целом неизменным. После 2022 г. пока не произошло ни полного сворачивания сил на каком-либо из направлений, ни, напротив, быстрого наращивания возможностей на отдельно взятом театре. Во всех указанных регионах французское военно-политическое руководство продолжает использовать комплексную модель армии, стремясь задействовать в операциях и миссиях все три вида ВС. Вместе с тем в каждом случае, включая сценарий с боевыми действиями высокой интенсивности, французские силы в абсолютных значениях оказываются невелики, что лишь подтверждает главный изъян данной

⁵⁸ *Sénat* (2023) Comptes rendus de la Commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées. Available at: <https://www.senat.fr/compte-rendu-commissions/20230529/etr.html#toc3> (accessed 14 June 2024).

⁵⁹ *Met et Marine* (2024) Un frégate de défense aérienne française intègre l'opération européenne Aspides. 4 June. Available at: <https://www.meretmarine.com/fr/defense/une-fregate-de-defense-aerienne-francaise-integre-l-operation-europeenne-aspidess> (accessed 4 September 2024).

модели – распыление военного потенциала. Между тем нельзя не отметить постепенный крен в сторону европейского направления в свете конфликта на Украине, де-факто совпадающий по времени с сокращением / перестройкой контингентов в Африке. Представляется, что данные процессы тем не менее не имеют прямой связи между собой, поскольку поражение в Сахеле назревало еще до перехода украинского конфликта в актуальное состояние (Сидоров, 2022). Своеобразие африканского направления для Франции подчеркивает то обстоятельство, что именно там она готова передавать вопросы безопасности на «аутсорсинг» местным государствам, тогда как в других зонах (даже на Украине, учитывая риторику Э. Макрона в 2024 г.) все еще не исключает собственного вмешательства, тем более в коалициях с союзниками.

Заключение

Несмотря на риторику французского руководства о вступлении оборонной политики в новый период, в нынешнем виде политика Пятой республики в области обороны характеризуется преемственностью. Безусловно, утверждать, будто данная отрасль полностью законсервирована в том же состоянии, что и до 2022 г., было бы преувеличением: некоторые сдвиги заметны на трех уровнях – в доктринальном, в военно-техническом и в оперативном аспектах. Так, в доктринальном измерении взят курс на еще большее сближение с ЕС и НАТО, формирование общей стратегической культуры, повышение готовности к конфликтам высокой степени интенсивности. Впервые за долгое время наметилось изменение в ядерной стратегии – упоминание в Стратегическом обзоре 2022 г. «европейского измерения» жизненных интересов Франции (при этом остается неясным субстантивное наполнение этой концепции). В военно-техническом измерении наблюдается увеличение оборонного бюджета и кадрового резерва, ускорение производственных процессов по отдельным видам техники, расширение промышленных мощностей (прежде всего, в отрасли боеприпасов), ставка на улучшение оперативной подготовки войск, надежность и технологичность средств ведения боя. В оперативном отношении стоит отметить, в частности, повышение боеготовности в свете общих установок НАТО, расширение географии учений и отработку сценариев с конфликтами высокой интенсивности, ставку на взаимодействие с союзниками и многозадачность используемой техники. Совокупность этих сдвигов позволяет заключить, что в военной политике Франции развернулись процессы разносторонней адаптации к ухудшающейся геополитической обстановке.

Тем не менее автор полагает, что вышеперечисленные перемены все же вписываются в логику преемственного развития оборонной политики Франции, поскольку чаще всего являются закономерным развитием уже установленных ранее приоритетов. В частности, дрейф Франции в сторону более глубокой кооперации с членами ЕС и НАТО начался вовсе не в 2022 г., а гораздо раньше, как и последовательный отказ от голлистского наследия во внешней политике. Акцент на качественное, а не количественное

укрепление вооруженных сил характерен для французского оборонного строительства как минимум с конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда состоялся переход на полностью контрактную основу комплектования армии. Ряд военно-технических проектов, вышедших на первый план на современном этапе, был инициирован еще при предшественниках Э. Макрона – прежде всего, программа *SCORPION*, восходящая к президентству Ф. Олланда. Наиболее же существенным является то, что без изменений остается сам облик вооруженных сил, которые, как и ранее, развиваются в соответствии с комплексной моделью, т.е. относительно равномерно по всем видам ВС при общей компактности в количественном соотношении. Используя яркий тезис Э. Макрона о переходе к «военной экономике», правительство де-факто занялось восполнением лакун, накопившихся с прошлых лет.

Перспективным с точки зрения дальнейшей академической дискуссии по данной теме представляется вопрос о причинах, побудивших руководство Пятой республики занять такую позицию. В качестве вариантов ответа представляется возможным наметить несколько факторов. Во-первых, как и во многих других странах, во Франции оборонная отрасль традиционно подвержена высокой степени инерции: быстро изменить в ней все хозяйственные процессы тяжело даже при наличии политической воли. Во-вторых, далеко не факт, что эта воля на самом деле была, ведь для управленческого стиля Э. Макрона в принципе характерно использование громких лозунгов, за которыми впоследствии следует скромное практическое содержание. В-третьих, коренное переосмысление военного строительства, действительно, потребовало бы от власти еще больших бюджетных расходов, в то время как французские ресурсы не безграничны, а в стране накопилась масса социально-экономических проблем. В итоге президент Э. Макрон был вынужден преподнести хотя бы даже нынешнее (недостаточное) увеличение ассигнований на оборону в привлекательной «обертке», чтобы убедить в его необходимости общественность внутри страны и продемонстрировать союзникам за рубежом, что Франция не выбивается из общего ряда. Вполне вероятно, что все три причины так или иначе сработали одновременно.

Оценивая перспективы дальнейшей эволюции оборонной политики Пятой республики, можно предположить, что на ближайшие годы ее главным ориентиром останется укрепление союзнических связей внутри западного лагеря – развитие военно-политической интеграции в ЕС как второй опоры НАТО, соблюдение трансатлантической дисциплины. Несмотря на ядерный статус, в современных реалиях Франция уже не является достаточно крупной военной величиной, в одиночку сопоставимой по потенциалу с США, Россией или КНР. Как следствие, Франция продолжит курс на мультипликацию мощи через коллективные институты и форматы, «вписывание» своих возможностей в совокупный потенциал Запада, а значит, будет вынуждена учитывать коллективные установки – прежде всего, на военно-промышленную подготовку к конфликтам высокой интенсивности, втягивание в долгосрочное противостояние с Россией. В этом отношении перемен не следует ожидать в свете

внутриполитических событий 2024 г., связанных с проведением досрочных парламентских выборов и потерей пропрезидентскими силами даже относительного большинства. В соответствии с Конституцией 1958 г. оборона и внешняя политика относятся к исключительной компетенции главы государства. Поэтому более существенное значение для эволюции военной политики будет иметь президентская кампания (очередная – в 2027 г.), а также актуальный на тот момент международный контекст.

Список литературы

1. Белухин Н.Е., Воротников В.В., Дианина С.Ю. (2022) Концепция «тотальной обороны» как отражение стратегической культуры Швеции. *Вестник МГИМО-Университета* 15 (6): 135–165. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165.
2. Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. (2013) *Мысль и меч: эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.* Москва: МБА. 248 с.
3. Громыко Ал.А. (2023) Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в Евро-Атлантике. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»* 4: 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27.
4. Еремина Н.В., Чихачев А.Ю. (2020) Сравнительный анализ британских и французских стратегий в области обороны и безопасности. *Сравнительная политика* 11 (1): 16–31. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10002.
5. Зубенко А.С. (2023) Роль ядерного оружия в современной стратегической культуре Франции. *Индекс безопасности – научные записки ПИР-Центра* 2. Available at: <https://pircenter.org/editions/2-45-2023-rol-jadernogo-oruzhija-v-sovremennoj-strategicheskoy-kulture-francii/> (дата обращения: 09.06.2024).
6. Зуева К.П., Тимофеев П.П. (2023) Французская защита: внешняя политика Франции Э. Макрона в 2022–2023 гг. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН* 3: 62–78. DOI: 10.20542/afij-2023-3-62-78.
7. Нарочницкая Е.А., Федоров С.М. (2023) Новые контуры партийно-политической системы Франции. В: Громыко Ал.А. (ред.) *Европа в глобальной пересборке*. Москва: Издательство «Весь Мир». с. 42–69.8.
8. Обичкина Е.О. (2022) Франция – ЕС – США: взаимодействие и противоречия. В: Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. (ред.) *Современная Франция: между тревогами и надеждами*. Москва: ИМЭМО РАН. с. 168–181.
9. Сидоров А.С. (2023) *Военно-политическое измерение европейской интеграции: позиция Франции (от де Голля до наших дней)*. Москва: ИНИОН РАН. 296 с.
10. Сидоров А.С. (2022) Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД. *Актуальные проблемы Европы*. 4: 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.
11. Соколов А.П. (2023) Quo vadis, Germania? *Россия в глобальной политике* 21 (4): 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149.
12. Тебин П.Ю. (2024) Прогноз изменения военных расходов Великобритании. *Мировая экономика и международные отношения* 68 (3): 46–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-46-58.
13. Федоров С.М. (отв. ред.) (2024) *Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»*. Москва: Издательство «Весь Мир». 40 с.
14. Филиппов В.Р. (2023) *Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.)*. Москва: Институт Африки РАН. 214 с.
15. Чернега В.Н. (2022) Сирия и Ливия в «державной» политике Франции. *Актуальные проблемы Европы* 4: 109–133. DOI: 10.31249/ape/2022.04.05.

16. Чихачев А.Ю. (2023) Военная политика Франции: «Коперниканская революция» или сохранение преемственности? *Современная Европа* 2: 87-99. DOI: 10.31857/S0201708323020079.
17. Чихачев А.Ю. (2019) Военная политика Франции при Эммануэле Макроне: основные тенденции. *Мировая экономика и международные отношения* 63 (8): 82-90. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90.
18. Шкробтак И.О. (2023) Перспективы оборонной политики Великобритании в 2020-2030 гг. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения* 16 (1): 67-82. DOI: 10.21638/spbu06.2023.104.
19. Arnold S., Major C. (2024) *France's Disruptive Zeitenwende*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. 8 p.
20. Bachelier J., Pajon C. (2023) *France in the Indo-Pacific: The Need for a Pragmatic Strategic Posture*. Paris: Institut français des relations internationales. 84 p.
21. Bagayoko N. (2024) L'armée française au Sahel: un corpus doctrinal à l'épreuve. *Politique étrangère* 1: 121-136. DOI: 10.3917/pe.241.0121.
22. Bourreau P. (2022) Vous avez bien dit «économie de guerre»? *Revue Défense Nationale* 854: 39-43.
23. Buffotot P. (2018) La Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017 et le projet de Loi de programmation militaire 2019-2025. *Paix et sécurité européenne et internationale* 9.
24. Chikhachev A.Y. (2023) France's Strategy in the Baltic Region: Military and Political Aspects. *Baltic Region* 15 (1): 4-17. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-1.
25. David C. (2023) Histoire des Lois de programmation militaire (LPM). *Cahier de la RDN* September: 191-208.
26. Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?* Paris: Institut français des relations internationales. 100 p.
27. Garnier G. (2023) *France's Place Within NATO: Toward a Strategic Aggiornamento?* Paris: Institut français des relations internationales. 72 p.
28. L'équipe de la Fondation iFRAP (2023) *Programmation militaire 2024-2030: encore insuffisant*. Paris: Fondation iFRAP. 19 p.
29. Merchet J.-D. (2024) *Sommes-nous prêts pour la guerre?* Paris: Robert Laffont. 224 p.
30. Pajon C. (2023) France in the Indo-Pacific: From a Balancing Power to a Constructive Stakeholder. *Asia Policy* 18 (3): 69-81. DOI: 10.1353/asp.2023.a903865.
31. Śledź P. (2024) The restructuring process of the Polish defence industry in the twenty-first century: doing more of the same while expecting different results. *Defense & Security Analysis* 1-20. DOI: 10.1080/14751798.2024.2334127.
32. Tenenbaum E. (2023) *Armées françaises: les limites de la stratégie de club*. Paris: Institut français des relations internationales. 5 p.
33. Tenenbaum E., Péria-Peigné L. (2022) *Zeitenwende: The Bundeswehr's Paradigm Shift*. Paris: Institut français des relations internationales. 88 p.
34. Wezeman P., et al. (2024) *Trends in International Arms Transfers, 2023*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. 12 p.

FRENCH DEFENSE POLICY IN 2022–2024: CHANGES WITHIN CONTINUITY

Dr. Aleksei Yu. CHIKHACHEV –Senior Lecturer, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg University (SPbU).

ORCID: 0000-0002-7648-8087. E-mail: alexchikhachev@gmail.com

7-9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034.

Received June 16, 2024 Accepted September 16, 2024

Acknowledgments: This research was supported by the grant of Russian Science Foundation № 22-78-00198 “The military policy of modern France: the main directions, trends, challenges for Russia.”

Abstract: This article delves into French contemporary defense policy beginning with the President Emmanuel Macron’s 2022 statements about transitioning to a so-called “military economy.” Since then, the French government has indeed put defense at the top of its priorities taking various steps both within the national borders and in the international arena. The research aims to identify the main characteristics of French defense policy at this stage. Relying on strategic documents and statistical data, the author analyzes the extent of the shifts in three dimensions, including doctrinal, industrial, and operational. Specifically, the study has established that neither the 2022 Strategic Review nor the 2024–2030 Military Planning Law demonstrates any intention to abandon the complex armed forces model despite its shortcomings, or to revise the spectrum of allied partnerships. The increase in the defense budget (doubling in annual terms, accounting for the 2019–2025 law also) is mainly explained by preparations for the planned modernization of the nuclear arsenal. At the same time, French conventional forces will not experience a significant increase, either in personnel numbers or in arms and equipment. Finally, since 2022, there has been no fundamental revision of the military presence in various regions of the world. In the Middle East and the Asia-Pacific, the presence of French forces remains at its previous level; in Western Africa, a reassessment of functions for the deployed contingents is underway without any intention to leave the continent at all. On the European theater there is a gradual buildup of capabilities, which is not so substantial in absolute terms and implemented in correspondence with NATO’s general guidelines. As a result, the article concludes that, despite all the slogans about a new «military economy,» there is still a strong continuity in France’s defense policy; some new features do take place, but the model of military development itself has remained unchanged. The most likely prospect is the continuation of this course, including the deepening of Paris’ ties with partners in the framework of NATO and its global partners, at least until the next presidential elections in 2027.

Keywords: France, defence policy, military doctrine, Strategic Review, Military Planning Law, defence technological and industrial base, nuclear deterrence, overseas operations.

References:

1. Arnold S., Major C. (2024) *France's Disruptive Zeitenwende*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. 8 p.
2. Bachelier J., Pajon C. (2023) *France in the Indo-Pacific: The Need for a Pragmatic Strategic Posture*. Paris: Institut français des relations internationales. 84 p.
3. Bagayoko N. (2024) L'armée française au Sahel: un corpus doctrinal à l'épreuve. *Politique étrangère* 1: 121-136. DOI: 10.3917/pe.241.0121.
4. Belukhin N.E., Vorotnikov V.V., Dianina S.Y. (2022) Kontseptsiya «total'noi oborony» kak otrazhenie strategicheskoi kul'tury Shvetsii [The Total Defense Concept as the Embodiment of Sweden's Strategic Culture]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 15 (6): 135-165. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165. (In Russian).
5. Bourreau P. (2022) Vous avez bien dit «économie de guerre»? *Revue Défense Naionale* 854: 39-43.
6. Buffotot P. (2018) La Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017 et le projet de Loi de programmation militaire 2019-2025. *Paix et sécurité européenne et internationale* 9.
7. Chernega V.N. (2022) Siriya i Liviya v «derzhavnoi» politike Frantsii [Assertive policy of France in Syria and Libya]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* 4: 109-133. DOI: 10.31249/ape/2022.04.05. (In Russian).
8. Chikhachev A.Y. (2023) France's Strategy in the Baltic Region: Military and Political Aspects. *Baltic Region* 15 (1): 4-17. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-1-1.
9. Chikhachev A.Y. (2023) Voennaya politika Frantsii: «Kopernikanskaya revolyutsiya» ili sokhranenie preemstvennosti? [France's Defense Policy: "The Copernican Revolution" or Business as Usual?] *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 2: 87-99. DOI: 10.31857/S0201708323020079. (In Russian).
10. Chikhachev A.Y. (2019) Voennaya politika Frantsii pri Emmanuele Makrone: osnovnye tendentsii [French Defense Policy under President Emmanuel Macron: Major Trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]* 63 (8): 82-90. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90. (In Russian).
11. David C. (2023) Histoire des Lois de programmation militaire (LPM). *Cahier de la RDN* September: 191-208.
12. Eremina N.V., Chikhachev A.Y. (2020) Sravnitel'nyi analiz britanskikh i frantsuzskikh strategii v oblasti oborony i bezopasnosti [Comparative Analysis of British and French Strategies in the Sphere of Defence and Security]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]* 11 (1): 16-31. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10002. (In Russian).
13. Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?* Paris: Institut français des relations internationales. 100 p.
14. Fedorov S.M. (ed.) (2024) *Afrikanskii vektor vneshnei politiki Frantsii: trudnoe rasstavanie s «Fransafrik» [African Vector of French Foreign Policy: A Difficult Farewell with Françafrique]*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 40 p. (In Russian).
15. Filippov V.R. (2023) *Afrikanskaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: khronika deistvii i evolyutsiya idei (2017-2022 gg.) [African Policy of French President Emmanuel Macron: The Chronicles of Actions and Evolution of Ideas (2017-2022)]*. Moscow: Institute for African Studies RAS. 214 p. (In Russian).
16. Garnier G. (2023) *France's Place Within NATO: Toward a Strategic Aggiornamento?* Paris: Institut français des relations internationales. 72 p.
17. Gromyko A.I.A. (2023) Geopolitizatsiya Evrosoyuza v svete pereraspredeleniya bremini bezopasnosti v Euro-Atlantike [Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya" [RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series]* 4: 10-27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27. (In Russian).

18. L'équipe de la Fondation iFRAP (2023) *Programmation militaire 2024-2030: encore insuffisant*. Paris: Fondation iFRAP. 19 p.
19. Merchet J.-D. (2024) *Sommes-nous prêts pour la guerre?* Paris: Robert Laffont. 224 p.
20. Narochitskaya E.A., Fedorov S.M. (2023) Novye kontury partiino-politicheskoi sistemy Frantsii [New Outlines of Party and Political System of France]. In: Gromyko A.I. (ed.) *Evropa v global'noi peresborke [Europe in a Global Reorganization]*. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". P. 42–69. (In Russian).
21. Obichkina E.O. (2022) Frantsiya – ES – SShA: vzaimodeistvie i protivorechiya [France – EU – USA: interaction and contradictions]. In: Klinova M.V., Kudriavtsev A.K., Timofeev P.P. (eds.) *Sovremennaya Frantsiya: mezhdru trevogami i nadezhdami [Contemporary France: between worries and hopes]*. Moscow: IMEMO RAS. P. 168–181. (In Russian).
22. Pajon C. (2023) France in the Indo-Pacific: From a Balancing Power to a Constructive Stakeholder. *Asia Policy* 18 (3): 69–81. DOI: 10.1353/asp.2023.a903865.
23. Shkrobtak I.O. (2023) Perspektivy oboronnoi politiki Velikobritanii v 2020–2030 gg. [Perspectives of Great Britain's defense policy in 2020–2030s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]* 16 (1): 67–82. DOI: 10.21638/spbu06.2023.104. (In Russian).
24. Sidorov A.S. (2023) *Voенно-politicheskoe izmerenie evropeiskoi integratsii: pozitsiya Frantsii (ot de Gollya do nashikh dnei) [The Military-Political Dimension of European Integration: Position of France (from Charles de Gaulle up to nowadays)]*. Moscow: INION RAS. 296 p. (In Russian).
25. Sidorov A.S. (2022) Voенно-politicheskii balans vozmozhnostei Frantsii v Sakhele: etapy i mekhanizmy vykhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* 4: 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04. (In Russian).
26. Śledź P. (2024) The restructuring process of the Polish defence industry in the twenty-first century: doing more of the same while expecting different results. *Defense & Security Analysis* 1–20. DOI: 10.1080/14751798.2024.2334127.
27. Sokolov A.P. (2023) Quo vadis, Germania? *Rossiya v global'noi politike [Russia in Global Affairs]* 21 (4): 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149. (In Russian).
28. Tebin P.Y. (2024) Prognoz izmeneniya voennykh raskhodov Velikobritanii [Forecast of Changes in the UK's Military Expenditures]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]* 68 (3): 46–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-46-58. (In Russian).
29. Tenenbaum E. (2023) *Armées françaises: les limites de la stratégie de club*. Paris: Institut français des relations internationales. 5 p.
30. Tenenbaum E., Péria-Peigné L. (2022) *Zeitenwende: The Bundeswehr's Paradigm Shift*. Paris: Institut français des relations internationales. 88 p.
31. Vlasov N.A., Malygina A.A., Pavlov A.Y. (2013) *Mysl' i mekh: evolyutsiya oboronnoi politiki stran Zapadnoi Evropy i razvitie voennykh tekhnologii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv. [Thought and Blade: the Change of Western Europe Defense Policy and Military Technologies during late XX – early XXI centuries]*. Moscow: MBA. 248 p. (In Russian).
32. Wezeman P., et al. (2024) *Trends in International Arms Transfers, 2023*. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. 12 p.
33. Zubenko A.S. (2023) Rol' yadernogo oruzhiya v sovremennoi strategicheskoi kul'ture Frantsii [The Role of Nuclear Weapons in Strategic Culture of Contemporary France]. *Indeks bezopasnosti – nauchnye zapiski PIR-Tsentra [Security Index – Occasional Papers of PIR Center]* 2. Available at: <https://pircenter.org/editions/2-45-2023-rol-yadernogo-oruzhiya-v-sovremennoj-strategicheskoy-kul'ture-francii/> (accessed 9 June 2024). (In Russian).
34. Zueva K.P., Timofeev P.P. (2023) Frantsuzskaya zashchita: vneshnyaya politika Frantsii E. Makrona v 2022–2023 gg. [The French Defense: Macron's Foreign Policy in 2022–2023]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]* 3: 62–78. DOI: 10.20542/afij-2023-3-62-78. (In Russian).

О ДИЛЕММЕ БЕЗОПАСНОСТИ И УГРОЗАХ ЭСКАЛАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ К НАТО

Константин БОГДАНОВ, Дмитрий СТЕФАНОВИЧ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Целью статьи является исследование тенденций в сфере военной безопасности на «северном фланге» противостояния России и коллективного Запада. Актуальность данной работы обусловлена дальнейшим расширением НАТО на Восток, выразившимся в присоединении Финляндии и Швеции к альянсу и, соответственно, формированием новых угроз. В условиях продолжения вооруженного конфликта высокой интенсивности в середине Европы действия НАТО можно рассматривать как часть мероприятий по навязыванию Российской Федерации издержек и растягиванию периметра ее потенциалов сдерживания. В статье также рассматривается проблема материализации воспринимаемых угроз в виде практических шагов в области военного строительства, ведущих к «воронке эскалации», а также предлагаются направления возможной минимизации негативных последствий действий со стороны Североатлантического альянса для национальной и международной безопасности. При выработке мер реагирования предлагается учитывать ограниченность ресурсов, в первую очередь мобилизационных и военно-технических (в настоящее время более необходимых для выполнения задач специальной военной операции), а также купировать угрозы эскалации при формировании предпосылок для интенсивной реализации дилеммы безопасности.

Ключевые слова: военное строительство, дилемма безопасности, эскалация, расширение НАТО, нестратегическое ядерное оружие, украинский конфликт

Константин Вадимович Богданов – кандидат технических наук, заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-5922-0791. E-mail: cbogdanov@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Дмитрий Викторович Стефанович – научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-8694-8040, E-mail: stefanovich@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 10.08.2024

Принята к публикации: 02.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Введение

После начала СВО в феврале 2022 г. вновь активизировался процесс расширения НАТО: по состоянию на лето 2024 г. к альянсу присоединились Швеция и Финляндия, что значительно удлинило линию непосредственного контакта между Российской Федерацией и территориями стран альянса. Представляется целесообразным глубокое научно-обоснованное изучение военно-технического и военно-стратегического измерений рассматриваемой проблемы. В рамках данного исследования использован системно-исторический подход с элементами научного прогнозирования, а также метод экспертных оценок. Применение сравнительного анализа к изменениям военно-политической ситуации на северном фланге НАТО в ходе и после холодной войны позволяет подчеркнуть сходства и установить различия с предыдущим периодом обострения отношений в Европе (1940-е – 1980-е гг.).

Северный фланг: каркас и тренды

Исключительное военно-стратегическое значение северного фланга, под которым авторами предлагается понимать условный участок соприкосновения Российской Федерации и стран так называемого коллективного Запада от Балтийского моря до Северного полюса, исследовалось и подчеркивалось на Западе на протяжении десятилетий, причем интерес не снижался ни во время холодной войны, ни после ее окончания (Bitzinger, 1989; Nieminen, 1991; Børresen, 2011; Dyndal, 2011; Cameron, 2024). Российская исследовательская традиция также проявляла четко определенный интерес к северному флангу как к региону с особой проблематикой в разрезе безопасности и военно-стратегического значения (Голошубов, 1974; Воронов, 1997; Северная Европа, 2008; Грибанова & Косов, 2018; Загорский, 2019). Обострение отношений с НАТО и включение Швеции и Финляндии в состав альянса актуализировало поиск гражданскими (Гудев, 2023; Маркушина, 2023; Чеков и др., 2023) и военными (Морозов и др., 2022) специалистами новых оценок характера угроз безопасности России на северном фланге.

Ядерное измерение присутствовало в регионе с момента возникновения противостояния НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Например, Норвегия на протяжении всей холодной войны отказывалась от размещения американского ядерного оружия на своей территории; однако в тот период вопрос размещения данного вида вооружений ставился по-другому – на что бы это повлияло при ведении советских операций против противолодочных сил США, которые там все-таки находились? В этом же ракурсе следует рассматривать и многолетнюю амбивалентную политику Норвегии в двухтрековой концепции «сдерживание – убеждение» (англ. *"deterrence – reassurance"*), согласно которой укрепление потенциала сдерживания через членство в НАТО не должно превращать страну в плацдарм для подготовки нападения на СССР (Holst, 1966).

Северная Европа регулярно попадала между молотом и наковальней стратегического мышления противостоящих лагерей. Исследуя возможные операции в большой войне НАТО и ОВД, многие западные специалисты приходили к выводу о том, что СССР, даже не имея прямой задачи взятия под контроль стран Скандинавии, может пойти на их захват (главным образом, северной Норвегии и зоны Датских проливов) с целью повысить устойчивость операций Северного и Балтийского флотов, а также действий сухопутных войск и авиации в северной Германии (см., например, Sullivan, 1979; Terry, 1988).

В советской военной мысли сложившаяся ситуация ставила вопрос: пойдет ли НАТО на упреждающее усиление северного фланга путем доразвертывания сил в Норвегии и ввода их в Швецию? Подобная вероятность существовала (хотя бы в виде регулярно высказываемых озабоченностей потенциальным советским продвижением в Скандинавии), и она должна была вызывать соответствующее внимание советских органов военного управления с точки зрения выработки мер противодействия. Ориентация же советской военной мысли после Великой Отечественной войны на упреждение превосходящего противника неуклонно сохранялась в течение всей холодной войны в качестве стержневой военно-стратегической концепции (см., например, Кокошин, 1995; История военной стратегии России, 2000; Гриневский, 2004).

Этот пример демонстрирует длительное историческое существование на североевропейском театре военных действий эскалационных детонаторов даже не на политическом, а на оперативно-стратегическом уровне. Значение этого факта возрастает всякий раз, когда уровень военно-политического противоборства в Евроатлантическом регионе накаляется до опасного предела. В текущих условиях при вхождении в состав НАТО Швеции и Финляндии стимулы к упреждающим действиям на театре могут вырасти еще больше, а цена неверной интерпретации действий оппонента возрасти.

Возможное целеполагание НАТО

Авторы полагают, что на данный момент основным намерением НАТО при укреплении северного фланга является не создание непосредственных военных угроз России, а ее провоцирование на реактивное поведение в виде вынужденной затраты материальных, политических, кадровых и управленческих ресурсов путем минимальных соответствующих затрат со стороны Запада. Целью таких провоцирующих действий может быть «растяжение» оборонительного периметра, отвлечение и «распыление» российских сил на второстепенные направления. Это вполне может восприниматься руководством альянса в качестве продуктивного результата стратегии перенапряжения в условиях установки Запада на продолжение затяжных боевых действий в ходе украинского конфликта.

Вероятным ходом в этой стратегии для НАТО может стать развертывание высокоточных ракетных систем средней дальности (в т.ч. гиперзвуковых) в неядерном оснащении, что создаст существенный потенциал

разоружающего удара¹ в отношении объектов на северо-западе России. Такое развитие событий может привести к усилению акцента на нестратегическое ядерное оружие в российском региональном сдерживании, что уже в дальнейшем может привести и к появлению в регионе американского тактического ядерного оружия. Это, в свою очередь, может привести к новому витку эскалации в ходе реализации Россией вынужденных контрмер, направленных на купирование этой угрозы в плотно соприкасающихся и сравнительно ограниченных районах базирования своих вооруженных сил в регионе.

Заметим, что если в холодную войну Норвегия не разрешала развертывать ядерное оружие на своей территории, то позиция новых членов НАТО в этом отношении на данный момент куда более уклончива. Шведское правительство прямо заявило, что «в военное время» готово рассмотреть вопрос о развертывании на своей территории американского ядерного оружия². В Финляндии указали на то, что страна будет участвовать в Группе ядерного планирования НАТО, но необходимости в размещении ядерного оружия на территории Финляндии нет³. Однако после 2022 г. в стране начались дискуссии о необходимости «рекалибровать» многолетнюю национальную политику, носившую откровенно антиядерный и разоруженческий характер, на более «нюансированную» (см., например, Pesu & Juntunen, 2023).

Таким образом, ядерный фактор на северном фланге играет роль в первую очередь в связи с общим повышением роли нестратегического ядерного оружия как сдерживающего средства России против НАТО. Вместе с тем следует отметить, что географически плотное взаимное размещение региональных потенциалов уже сейчас создает опасное переплетение со стратегическими ядерными силами (СЯС) России, чей морской компонент и часть инфраструктуры раннего предупреждения о ракетном нападении базируется в регионе.

Этим ситуация отличается от противостояния на границе двух Германий в ходе холодной войны, где ядерное оружие театра военных действий было с географической и оперативной точек зрения отделено от проблематики стратегического применения ядерного оружия, поскольку районы базирования соответствующих сил были существенно разнесены в пространстве. При этом по сравнению с периодом холодной войны на текущем этапе угрозы могут восприниматься российской стороной как более выраженные в силу куда

¹ Разоружающим ударом именуется упреждающее нанесение массированного удара по военным объектам противника с целью максимально сократить его наступательный потенциал и тем самым ограничить масштабы ответных действий. Понятие чаще всего применяется при анализе сценариев в ядерной стратегии и оценке устойчивости ядерного сдерживания.

² Szumski C. (2024) Swedish PM Open to Hosting Nuclear Weapons on Home Soil in Case of War. *Euractiv*, May 14. Available at: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/swedish-pm-open-to-hosting-nuclear-weapons-on-home-soil-in-case-of-war/> (accessed 31 August 2024).

³ *Finland and NATO – FAQ* (2024) Finland Abroad. Available at: <https://finlandabroad.fi/web/nato/frequently-asked-questions#Will%20NATO%20membership%20bring%20nuclear%20weapons%20or%20NATO%20bases%20to%20Finland?> (accessed 31 August 2024).

менее благоприятного баланса по силам общего назначения, сдвига границ линии соприкосновения на северном фланге на Восток и ее существенного удлинения за счет включения в состав НАТО Швеции и Финляндии.

Карта угроз

Наиболее чувствительные угрозы могут быть созданы в отношении Северного флота ВМФ России, являющегося не только наиболее сильным по корабельному составу как в части надводных, так и подводных сил, но и включающего в себя значительную долю морской составляющей стратегических ядерных сил (Ведерников, 2005; Вызовы и угрозы, 2017: 19–24). На Северном флоте базируются носители новейшего гиперзвукового оружия (фрегаты проекта 22350). Кроме того, в регионе находятся значительные мощности военного кораблестроения и судоремонта. Помимо этого Северный флот ВМФ России обеспечивает безопасность на Северном морском пути, превращающемся во все более важную транспортную артерию глобального значения.

Северо-западный регион России – место развёртывания двух ключевых радиолокационных станций (РЛС) системы предупреждения о ракетном нападении (под Оленегорском и в Печоре). Особое стратегическое значение этих РЛС обусловлено географией театра и характером предполагаемого способа ведения боевых действий в условиях применения стратегических ядерных сил. Арктический регион (с уклоном в северо-западное направление) находится в точности под проекцией основной массы траекторий ракет при нанесении стратегических ударов с территории США. При этом Норвежское и Северное моря считаются вероятными районами скрытого развёртывания американских стратегических лодок-ракетоносцев⁴ при подготовке к нанесению удара крылатыми и баллистическими ракетами с коротким полётом⁵. В этих условиях значение региональных станций предупреждения, чьи сектора развернуты в северном и северо-западном направлении, крайне велико. Внимание к предотвращению этих сценариев показывает, например, история «норвежского ракетного инцидента» января 1995 г., спровоцировавшего тревогу на высшем уровне военно-политического руководства России (Pry, 1999: 214–227).

⁴ Расчет соответствующих схем применения см.: в (Gronlund, Wright, 1992). Из последних сообщений можно отметить совместные учения в Норвежском море летом 2024 г., в которых участвовала американская лодка-ракетоносец *Tennessee* и самолет связи и боевого управления ядерными силами *E-6B*. См. Trevithick J. (2024) U.S. Ballistic Missile Submarine, 'Doomsday Plane' Take Part In Rare Show Of Force Off Norway. *The War Zone*, June 25. Available at: <https://www.twz.com/air/u-s-ballistic-missile-submarine-doomsday-plane-take-part-in-rare-show-of-force-off-norway> (accessed 31 August 2024).

⁵ Временем от старта до поражения цели. Для иллюстрации: межконтинентальная баллистическая ракета, запущенная с территории США, достигает Московского промышленно-административного района примерно через 25–30 минут после старта, в то время как баллистическая ракета, запущенная с подводной лодки из района Норвежского моря, делает это примерно за 10–12 минут.

В регионе находятся объекты, играющие незаменимую роль в реализации программ развития ракетного, космического, противоракетного и противокосмического оружия, такие как космодром Плесецк и полигон Чижо, что делает их приоритетными целями для разведывательной активности вероятного противника, которая будет только нарастать.

В условиях значительного обострения отношений между Россией и так называемым коллективным Западом, а также резкого увеличения протяженности линий потенциального боевого соприкосновения старые угрозы со стороны НАТО на северном фланге способны обрести новое качество. Например, Финляндия обладает национальным потенциалом «конвенционального сдерживания» в сфере высокоточного оружия большой дальности как крылатыми ракетами (*JASSM*), так и тактическими баллистическими (*ATACMS*), а также противокорабельными ракетами (*Gabriel-V*). Не исключены и поставки более совершенного оружия — американского или иного производства. Дополнительную угрозу представляют и ударные самолеты *F-35A*. В свою очередь Швеция демонстрирует готовность предоставлять национальную территорию для пролетов и базирования американских бомбардировщиков-ракетоносцев⁶.

Дополнительные угрозы также создаются на Балтике. Российский Балтийский флот традиционно находится в уязвимой позиции, которая дополнительно усугубляется активными инвестициями стран НАТО в береговые ракетные комплексы, в первую очередь Эстонии (сингапурско-израильский комплекс *Blue Spear*) и Польши (норвежская система *Naval Strike Missile*). В настоящее время на вооружении Швеции и Финляндии имеются шведские противокорабельные ракеты малой дальности семейства *RBS-15*, в т.ч. в варианте берегового базирования. Можно также предположить в недалеком будущем запуск совместных программ по их модернизации. В подобной ситуации под непосредственной угрозой оказываются Санкт-Петербург и Калининградская область. При этом одновременно с различных направлений под ударом может оказаться паромная линия, соединяющая основную территорию России с калининградским полуэксклавом, а также воздушные транспортные коридоры над Балтикой.

Относительно уязвимая с географической точки зрения позиция России в Балтийско-Арктическом регионе стимулирует агрессивную риторику со стороны приграничных стран-членов НАТО⁷, что, в свою очередь, может

⁶ *Swedish Armed Forces* (2024) 'US bombers over central Stockholm and Uppsala', 6 March. Available at: <https://www.forsvarsmakten.se/en/news/2024/03/us-bombers-over-central-stockholm-and- uppsala/> (accessed 31 August 2024); Stefano D'Urso (2024) 'U.S. B-1B Bombers Arrive In Sweden For Bomber Task Force 24-2', *The Aviationist*, 26 February 26. Available at: <https://theaviationist.com/2024/02/26/u-s-b-1b-bombers-arrive-in-sweden-for-bomber-task-force-24-2/> (accessed 31 August 2024).

⁷ Так, например, генерал Мартин Херем (на тот момент — командующий Силами обороны Эстонии), в 2022–2024 гг. неоднократно заявлял в прессе о наличии у НАТО возможности блокировать российскую часть Балтийского моря и о том, что в ряде случаев это должно быть сделано. Подобный же тезис был включен им в официальное издание Министерства обороны Эстонии. См.: *Estonian Defense Forces Annual Review 2023*. P. 4. Available at: https://issuu.com/sodur/docs/annual_review_23 (accessed 31 August 2024).

привести к непреднамеренной или случайной эскалации из-за повышенной чувствительности вопроса о нормальном функционировании Калининградской области как субъекта Российской Федерации.

Неоднозначна и роль Белоруссии как ближайшего военного союзника России, занимающего важное стратегическое положение в контексте развертывания сил на западном направлении, в том числе при обеспечении военной безопасности Калининградской области. С одной стороны, встраивание страны в единую оборонительную систему Союзного государства позволяет отнести вперед передовые рубежи развертывания. С другой – вооруженные силы Республики Беларусь в настоящее время не обладают достаточной мощностью, укомплектованностью и мобилизационным потенциалом, что в условиях полномасштабного вооруженного конфликта потребует привлечение российских вооруженных сил для нужд обороны территории союзника.

Имеет значение в ситуации и фактор региональной противоракетной обороны (ПРО). Завершено развертывание объекта *Aegis Ashore* в Редзиково (Польша), и, с учетом активного обсуждения создания интегрированной системы ПВО/ПРО в Европе (*IAMDS*), возможно появление ее новых эшелонов. Влияние американской системы ПРО на потенциал ответного удара российских СЯС остается ограниченным и весьма сомнительным (Стерлин, Протасов & Крейдин, 2019), однако в любом случае это ведет к необходимости выделять дополнительный наряд сил и средств на поражение и этих объектов.

Все страны региона потенциально могут стать площадками для размещения американских ракет средней дальности, хотя в настоящее время соответствующих дискуссий не ведется. При этом повторенное решение в июле 2024 г. о развертывании соответствующих вооружений в Германии начиная с 2026 г.⁸ также не сопровождалось особыми дискуссиями.⁹

Следует отметить, что НАТО открыто заявляет о базировании «сдерживания и обороны» на трех основных и двух дополнительных элементах: «надлежащем сочетании ядерных и обычных сил и средств, а также сил и средств противоракетной обороны, дополненных космическими и кибернетическими средствами»¹⁰.

С учетом относительно небольших расстояний между странами любая эскалация может включать в себя активный обмен ударами с применением средств воздушно-космического нападения на всю глубину вовлеченных участников. При этом именно развертывание ракетного вооружения представляет особую эскалационную угрозу само по себе (Богданов & Стефанович, 2022).

⁸ *The White House* (2024) Joint Statement from United States and Germany on Long-Range Fires Deployment in Germany, 10 July. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/07/10/joint-statement-from-united-states-and-germany-on-long-range-fires-deployment-in-germany/> (accessed 31 August 2024).

⁹ Напомним, что оно впервые было публично сделано еще в 2021 г., то есть до начала острой фазы украинского кризиса, а на саммите 2024 г. было лишь конкретизировано по этапам и срокам.

¹⁰ *NATO* (2024) Washington Summit Declaration. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed 31 August 2024).

Ядерный фактор в ландшафте севера Европы

Наращивание военных угроз на западном направлении имеет связь с ядерной сферой. С одной стороны, подобным образом создается потенциал подрыва устойчивости российских стратегических ядерных сил как через возможность упреждающего удара¹¹, так и через насыщение региона средствами ПВО/ПРО. В таких условиях возможна корректировка российской ядерной доктрины со смещением приоритета с ответно-встречного на упреждающий удар¹².

Кроме того, количественное, а по ряду направлений и качественное превосходство объединенных сил НАТО (Boston et al., 2018; Ознобищев & Богданов, 2019b: 658) поднимает рост значимости для России нестратегического ядерного оружия в случае прямого военного столкновения с Западом. При этом повышении роли ядерного компонента в задачах стратегического сдерживания в условиях задействования значительной части сил общего назначения и повышенного расхода стратегического неядерного высокоточного оружия в боевых действиях на Украине не является неожиданностью.

Ядерный компонент следует рассматривать как фактор сдерживания, а не непосредственных боевых действий. Применение ядерного оружия на поле боя сопряжено с серьезными последствиями в части усложнения операций собственных войск, перехода на более высокие ступени эскалации вплоть до полномасштабного обмена стратегическими ударами, а также политическими последствиям в сфере отношений с третьими странами¹³.

Перспективы развития ситуации

Наблюдается тенденция к дальнейшей эскалации военно-политического противостояния в Северной Европе. Растущая конфронтация материализуется на наших глазах в виде выстраивания многоуровневых оборонительных структур вдоль всей новой линии соприкосновения. После завершения Специальной военной операции России на Украине и достижения Россией

¹¹ Упреждающим ударом называется схема применения вооруженных сил, при которой они упреждают противника в его планах напасть первым (пусть даже эти планы существуют только в виде предположения).

¹² Подобная оценка уже делалась бывшим начальником главного штаба ВВС В.И. Есиным, см.: Одноколенко О. (2018) Генерал-полковник Виктор Есин: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». *Звезда*, 8 ноября. Available at: <https://zvezdaweekly.ru/news/2018117102-0iaAI.html> (дата обращения: 31.08.2024). Уже в ходе СВО президент России В. Путин высказывался о возможности рассмотреть подобные доктринальные изменения: *Президент России* (2022) Пресс-конференция по итогам визита в Киргизию, 09.12.2022. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70061> (дата обращения: 31.08.2024), хотя позднее он отметил, что в таких действиях пока нет необходимости, см. *Президент России* (2024) Ответы на вопросы российских журналистов, 20.05.2024. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/74357> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³ Подробнее см.: Аналитический доклад ИМЭМО РАН «Ядерный фактор в украинском конфликте» (2022) Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/analiticheskiy-doklad-imemo-ran-yaderniy-faktor-v-ukrainskom-konflikte> (дата обращения: 31.08.2024).

поставленных задач будут сформированы новые границы (или хотя бы «линии разделения»), на основе которых даже без формального их признания может вестись военное планирование и в России, и в НАТО.

Это открыто утверждается и в НАТО: в июле 2024 г. командующий вооруженными силами Альянса генерал К. Каволи прямо заявил, что в будущем «будет ситуация, когда Россия восстанавливает свои силы, находится на границах НАТО, возглавляется в основном теми же людьми, что и сейчас, убеждена, что мы являемся противником, и очень, очень зла»¹⁴.

В определенном смысле эта реакция уже наблюдается. Так, Россия пошла на разделение Западного военного округа на Московский и Ленинградский, при этом первый явно ориентирован на выполнение задач сдерживания на западном направлении, а второй – на интересующем нас северном фланге.

На сегодняшний день в противостоянии России и возглавляемой США коалиции наблюдается цикл действий и реагирования в военно-технической сфере, который, не исключено, далек от достижения пика. Уже сейчас перед нами ярчайший пример дилеммы безопасности: любые действия одной из сторон по укреплению собственной безопасности другой стороной воспринимается как угроза уже ее безопасности. Соответственно, любые действия сторон необходимо оценивать не только с точки зрения эффективности купирования имеющихся угроз, но также в свете оптимального реагирования на угрозы, возникающие или условно предчувствуемые (в т.ч. те из них, что являются мнимыми или возникли в результате ошибочной оценки обстановки и намерений оппонента).

Эскалационный потенциал возможного военно-политического обострения на северном фланге в фазе активного противоборства сторон оценивается авторами как чрезвычайно высокий, причем в сравнении с временами холодной войны он только вырос. Таким образом, управление военно-стратегическим балансом возможностей (потенциалов) и угроз в регионе превращается для противоборствующих сторон в деликатную задачу, опасность просчетов в которой является высокой. С одной стороны, обе стороны видят необходимость обеспечить эффективное сдерживание оппонента и надежную защиту критически важных участков территории, военных объектов, сил и средств исключительного значения. С другой стороны, при принятии подобных мер необходимо жестко придерживаться принципов реалистичной соразмерности, оставляя пространство для деэскалации эксцессов и подавая четко воспринимаемый сопредельной стороной сигнал об ограниченном (политическом) характере взаимного маневрирования потенциалами.

¹⁴ Garamone J. (2024) NATO Nations Face Challenges to Defend the Alliance, Cavoli Says. *U.S. Department of Defense*, July 18. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3843391/nato-nations-face-challenges-to-defend-the-alliance-cavoli-says/> (accessed 31 August 2024).

Географико-логистический фактор и характер развертывания стратегически значимых сил и средств делает проблему более остро воспринимаемой для России, но это одновременно означает, что последствия возможной гиперреакции со стороны России будут носить дестабилизирующий характер уже для НАТО. В регионе складываются основания для «пробуждения» дилеммы безопасности, прежде находившейся в «дремлющем» состоянии.

При этом высокая нагрузка на вооруженные силы России, вовлеченные в активное проведение СВО, потребует выверенной системы приоритетов и точного балансирования ресурсов между задачами усиления украинского направления и укрепления сдерживания на северном фланге в зоне соприкосновения с НАТО. С учетом очевидной ориентации НАТО на сценарий с перенапряжением Россией сил продуктивно выглядит опора на потенциалы регионального сдерживания без втягивания в симметричную гонку сил и средств, с отказом от навязываемой Западом затратной эскалации на второстепенном (в настоящее время) направлении. В этом смысле оптимальное решение могло бы лежать в области контрбалансирования фактических угроз, формирующихся в Балто-Арктическом регионе вследствие присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, за счет потенциалов, которые либо не задействованы непосредственно в проведении СВО, либо могут легко использоваться на обоих направлениях там при постоянном базировании в северо-западном регионе.

Дополнительно следует отметить, что взаимное сдерживание исключительно на основе наращивания своего оборонительного потенциала не ведет и не может вести к формированию устойчивой архитектуры безопасности. Таким образом, важнейшей задачей остается формирование «надстройки» в виде мер снижения рисков, доверия и безопасности, а в перспективе и восстановления полноценной системы контроля над вооружениями в Европе (Ознобищев & Богданов, 2019а).

Список литературы

1. Богданов К.В., Стефанович Д.В. (2022) Мировое ракетное распространение: вызовы и решения. *Общественные науки и современность* (2): 63–77. DOI: 10.31857/S0869049922020058.
2. Ведерников Ю.В. (2005) *Сравнительный анализ создания и развития морских стратегических ядерных сил СССР и США*. Владивосток: Искусство.
3. Воронов К.В. (1997) Россия в североатлантическом регионе: цена сближения. *Мировая экономика и международные отношения* (7): 28–49. DOI: 10.20542/0131-2227-1997-7-28-39.
4. Голошубов Ю.И. (1974) *Скандинавия и проблемы послевоенной Европы*. Москва: Мысль.
5. Грибанова Г.И., Косов Ю.В. (2018) Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты. *Балтийский регион* 10(1): 56–72. DOI: 10.5922/2074-9848-2018-1-4.
6. Гриневский О.А. (2004) *Перелом. От Брежнева к Горбачеву*. Москва: Олма-медиа.
7. Гудев П.А. (2023) Свобода судоходства на Балтике (Риски и вызовы для Российской Федерации). *Современная Европа* 7: 98–110. DOI: 10.31857/S0201708323070082.

8. Дерябин Ю.С., Антюшиной Н.М. (ред.) (2008) *Северная Европа. Регион нового развития*. Москва: Весь Мир.
9. Загорский А.В. (2019) *Безопасность в Арктике*. Москва: ИМЭМО РАН.
10. Золотарев В.А. (ред.) (2000) *История военной стратегии России*. Москва: Кучково поле.
11. Кокошин А.А. (1995) *Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы*. Москва: «Международные отношения».
12. Маркушина Н.Ю. (2023) *Меняющиеся контуры безопасности и баланс сил в Балтийском регионе: значение для России*. Рабочая тетрадь РСМД № 76/2023. Москва: РСМД.
13. Морозов А.В., Зубарев А.А., Хряпов А.Д. (2022) Современные вызовы военной безопасности Российской Федерации в Арктике. *Военная мысль* (12): 6–11.
14. Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2019a) Высокоточное оружие большой дальности в Европе: проблемы ограничения и контроля. *Мировая экономика и международные отношения* 63(9): 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13.
15. Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2019b) НАТО и Россия: есть ли признаки стабилизации отношений? В: *Ежегодник СИПРИ 2018: Вооружения, разоружение и международная безопасность*. Москва: ИМЭМО РАН, с. 652–664.
16. Селин В.С., Скуфына Т.П. (ред.) (2017) *Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике*. Апатиты: Кольский научный центр РАН.
17. Стерлин А.Е., Протасов А.А., Крейдин С.В. (2019) Современные трансформации концепций и силовых инструментов стратегического сдерживания. *Военная мысль* (8): 7–16.
18. Стефанович Д.В. (2021) Вечно сегодняшние. *Россия в глобальной политике* 19(6): 61–74. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-61-74.
19. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. (2023) Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России. *Мировая экономика и международные отношения* 67(10): 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.
20. Bitzinger R. (1989) *Denmark, Norway, and NATO: Constraints and Challenges*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
21. Børresen J. (2011) Alliance Naval Strategies and Norway in the Final Years of the Cold War. *Naval War College Review* 64(2): 97–116.
22. Boston S., Johnson M., Beauchamp Mustafaga N., Crane Y. (2018) *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe: Implications for Countering Russian Local Superiority*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
23. Cameron J. (2024) Deterrence, Reassurance and Strategic Stability: The Enduring Relevance of Johan Jørgen Holst. *Journal of Strategic Studies* 47(3): 363–386. DOI: 10.1080/01402390.2024.2321135.
24. Dyndal G. (2011) How the High North became Central in NATO Strategy: Revelations from the NATO Archives. *Journal of Strategic Studies* 34(4): 557–585. DOI: 10.1080/01402390.2011.561094.
25. Gronlund L., Wright D. (1992) Depressed trajectory SLBMs: A technical evaluation and arms control possibilities. *Science & Global Security* 3(1–2): 101–159.
26. Holst J. (1966) Norwegian Security Policy: The Strategic Context. *Cooperation and Conflict* 1(4): 64–79.
27. Nieminen T. (1991) *Flank or Front? An Assessment of Military-Political Developments in the High North*. Helsinki: War College.
28. Pesu M., Juntunen T. (2023) *Finland in a Nuclear Alliance. Recalibrating the Dual-Track Mindset on Deterrence and Arms Control*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs.
29. Pry P. (1999) *War scare: Russia and America on the Nuclear Brink*. New York: Praeger.
30. Sullivan W. (1979) Soviet Strategy and NATO's Northern Flank. *Naval War College Review* 32(4): 26–38.

31. Terry J. (1988) *A-10 Operations and the Battle for North Norway*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.

* *Распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации № 1618-р от 06.12.2023 в соответствии с решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21.11.2023 RAND Corporation (США) включена в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.*

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-4

ON THE SECURITY DILEMMA AND THREATS OF ESCALATION IN THE CONTEXT OF FINLAND'S AND SWEDEN'S JOINING TO NATO

Dr. Konstantin V. BOGDANOV — Head of Section of Strategic Analysis and Forecasting, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0002-5922-0791, E-mail: cbogdanov@imemo.ru.
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Dmitry V. STEFANOVICH — Research Fellow, Section of Military Economy and Innovations, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

ORCID: 0000-0002-8694-8040, E-mail: stefanovich@imemo.ru.
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Received August 10, 2024

Accepted September 2, 2024

Abstract: The aim of the article is to study the military security trends on the 'northern flank' of the confrontation between Russia and the collective West. The relevance of this work is due to the further expansion of NATO to the East, expressed in the accession of Finland and Sweden to the alliance and, accordingly, the creation of new threats. In the conditions of continuing high-intensity armed conflict in the middle of Europe, NATO's actions can be seen as part of the measures to impose costs on the Russian Federation and stretch the perimeter of its deterrence capabilities. The article also considers the problem of materialisation of perceived threats in the form of practical steps in the field of military development leading to an 'escalation vortex', and suggests directions of possible negative consequences minimisation for national and international security because of NATO actions. For response measures, it is proposed to take into account the limited (primarily mobilisation and military-technical) resources (currently more crucial to fulfill the tasks of the Special Military Operation), as well as to limit escalation threats under the situation of intensive security dilemma implementation.

Keywords: military buildup, security dilemma, escalation, NATO enlargement, non-strategic nuclear weapons, Ukrainian conflict

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

References:

1. Bitzinger R. (1989) *Denmark, Norway, and NATO: Constraints and Challenges*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.
2. Bogdanov K.V., Stefanovich D.V. (2022) Mirovye raketnoye rasprostraneniye: vyzovy i resheniya. [World Missile Proliferation: Challenges and Solutions] *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]* (2): 63–77. DOI 10.31857/S0869049922020058. (In Russian).
3. Børresen J. (2011) Alliance Naval Strategies and Norway in the Final Years of the Cold War. *Naval War College Review* 64(2): 97–116.
4. Boston S., Johnson M., Beauchamp Mustafaga N., Crane Y. (2018) *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe: Implications for Countering Russian Local Superiority*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
5. Cameron J. (2024) Deterrence, Reassurance and Strategic Stability: The Enduring Relevance of Johan Jørgen Holst. *Journal of Strategic Studies* 47(3): 363–386. DOI: 10.1080/01402390.2024.2321135.
6. Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov F.L., Yakutova U.V. (2023) Posledstviya vstupleniya Finlandii i Shvetsii d NATO dlya natsionalnoy bezopasnosti Rossii. [Finland and Sweden Joining NATO: Consequences for Russia's National Security] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 67(10): 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29. (In Russian).
7. Deryabin Yu.S., Antyushina N.M. (eds.) (2008) *Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe. Region of the New Development]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
8. Dyndal G. (2011) How the High North became Central in NATO Strategy: Revelations from the NATO Archives. *Journal of Strategic Studies* 34(4): 557–585. DOI: 10.1080/01402390.2011.561094.
9. Goloshubov Yu.I. (1974) *Skandinaviya i problemy poslevoennoy Evropy [Scandinavia and the Problems of Post-war Europe]*. Moscow: Mysl. (In Russian).
10. Gribanova G.I., Kosov Yu.V. (2018) Politika NATO na Baltike – tseli i priority. [NATO Baltic Policy: Goals and Priorities] *Baltiiskiy region [The Baltic Region]* 10(1): 56–72. DOI: 10.5922/2074-9848-2018-1-4. (In Russian).
11. Grinevskii O.A. (2004) *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu. [The Breakdown: From Brezhnev to Gorbachev]* Moscow: Olma-media. (In Russian).
12. Gronlund L., Wright D. (1992) Depressed trajectory SLBMs: A technical evaluation and arms control possibilities. *Science & Global Security* 3(1–2): 101–159.
13. Gudev P.A. (2023) Svoboda sudokhodstva na Baltike (Riski i vyzovy dlya Rossiiskoi Federatsii). [Freedom of Navigation in the Baltics (Risks and Challenges for Russian Federation)] *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 7:98–110. DOI: 10.31857/S0201708323070082. (In Russian).
14. Holst J. (1966) Norwegian Security Policy: The Strategic Context. *Cooperation and Conflict* 1(4): 64–79.
15. Kokoshin A.A. (1995) *Armii i politika. Sovetskaya voenno-politicheskaya i voenno-strategicheskaya mysl', 1918–1991 gody. [The Army and the Politics. Soviet Politico-Military and Strategic Thought, 1918–1991]* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).

16. Markushina N.Yu. (2023) *Menyayushchiesya kontury bezopasnosti i balans sil v Baltiskom regione: znachenie dlya Rossii* [The Changing Security Configuration and Balance of Power in the Baltic Region: Implications for Russia]. RIAC Working Paper No. 76/2023. Moscow: RIAC.
17. Morozov A.V., Zubarev A.A., Khryapov A.D. (2022) Sovremennye vyzovy voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v Arktike [The Recent Challenges to Military Security of Russian Federation in the Arctic]. *Voennaia mysl'* [Military Thought] (8): 6–11. (In Russian).
18. Nieminen T. (1991) *Flank or Front? An Assessment of Military-Political Developments in the High North*. Helsinki: War College.
19. Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2019a) Vysokotochnoe oruzhie bol'shoi dal'nosti v Evrope: problemy ogranicheniia i kontrolya. [Precision-Guided Long-Range Weapons in Europe: Problems of Limitation and Control] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations] 63(9): 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13. (In Russian).
20. Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2019b) NATO i Rossiia: est' li priznaki stabilizatsii otnoshenii? [NATO–Russia Relations: Any Signs of Stabilization?] In: *Ezhegodnik SIPRI 2018: Vooruzheniia, razoruzhenie i mezhdunarodnaia bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security]. Moscow: IMEMO RAS, pp. 652–664. (In Russian).
21. Pesu M., Juntunen T. (2023) *Finland in a Nuclear Alliance. Recalibrating the Dual-Track Mindset on Deterrence and Arms Control*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs.
22. Pry P. (1999) *War scare: Russia and America on the Nuclear Brink*. New York: Praeger.
23. Selin V.S., Skuf'ina T.P. (eds.) (2017) *Vyzovy i ugrozy natsionalnoi bezopasnosti v Rossiiskoi Arktike* [National Security in Russian Arctic: Challenges and Threats]. Apatity: Kola Scientific Center of RAS. (In Russian).
24. Stefanovich D.V. (2021) Vечно segodniashnie. [Always Today's] *Rossiia v globalnoi politike* [Russia in Global Affairs] 19(6): 61–74. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-61-74. (In Russian).
25. Sterlin A.E., Protasov A.A., Kreidin S.V. (2019) Sovremennye transformatssii kontseptssii i silovykh instrumentov strategicheskogo sderzhivaniia. [Current Transformations in the Concepts and Force Tools of Strategic Deterrence] *Voennaia mysl'* [Military Thought] (8): 7–16. (In Russian).
26. Sullivan W. (1979) Soviet Strategy and NATO's Northern Flank. *Naval War College Review* 32(4): 26–38.
27. Terry J. (1988) *A-10 Operations and the Battle for North Norway*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.
28. Vedernikov Yu.V. (2005) *Sravnitelnyi analiz sozdaniia i razvitiia morskikh strategicheskikh yadernykh sil SSSR i SshA* [A Comparative Analysis of Development of Naval Strategic Nuclear forces of the U.S.S.R and U.S.A.] Vladivostok: Iskustvo. (In Russian).
29. Voronov K.V. (1997) Rossiya v severoatlanticheskom regione: tsena sblizheniya. [Russia in the North Atlantic Region: the Price of Rapprochement] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations] (7): 28–39. DOI: 10.20542/0131-2227-1997-7-28-39. (In Russian).
30. Zagorsky A.V. (2019) *Bezopasnost' v Arktike* [The Arctic Security]. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
31. Zolotarev V.A. (ed.) (2000) *Istoriia voennoi strategii Rossii*. [History of Russian Military Strategy]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

* By Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 1618-r from December 6, 2023 in accordance with the decision of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation from November 21, 2023 RAND Corporation (USA) is included in the list of foreign and international non-governmental organizations whose activities are recognized as undesirable on the territory of the Russian Federation.

НОВЫЕ ФОРМАТЫ ЯДЕРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Роман УСТИНОВ

Постоянное Представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене

Аннотация: В данной статье проводится анализ влияния на международный режим ядерного нераспространения, сформированный Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), новых форматов ядерного сотрудничества, осуществляемых Соединенными Штатами Америки со своими союзниками. В качестве примеров рассматриваются запущенное в 2021 г. партнерство Австралии, Великобритании и США *AUKUS*, в рамках которого планируется передача Канберре высокообогащенного ядерного материала в ядерных силовых установках субмарин, а также анонсированная США в 2024 г. политика «расширенного сдерживания» с Республикой Корея. В материале предоставлен обзор того, как подобные инициативы соотносятся с ДНЯО и какие проблемные элементы для него представляют. Из проведенного анализа следует, что указанные инициированные Соединенными Штатами форматы подтачивают режим ДНЯО, размывая его значение. Из Договора выхолащивается уникальный международно-правовой инструментарий, который позволял на протяжении более полувека останавливать распространение ядерного оружия, а также «выбиваются» те нормы, которые лежали в основе его существования. Подобные тенденции формируют совершенно новую международную среду и неизбежно сказываются и на соображениях безопасности других государств-участников ДНЯО. На этом фоне нельзя исключать сценарий дальнейшего снижения политического веса Договора и его роли в поддержании международной безопасности и стабильности. Такие трансформации могут потребовать совершенно иного взгляда и подхода к международному режиму нераспространения ядерного оружия в будущем.

Ключевые слова: США, Великобритания, Австралия, Республика Корея, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ядерное нераспространение, совместные ядерные миссии, НАТО, *AUKUS*, ядерное государство, неядерное государство, расширенное сдерживание, Корейский полуостров

Роман Андреевич Устинов – заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при международных организациях в Вене

E-mail: raustinov@yandex.ru

Эрцгерцог Карл Штрассе 182, 1220, Вена, Австрия

Поступила в редакцию: 12.09.2024

Принята к публикации: 25.09.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Можно без преувеличения сказать, что подписанный в 1968 г. и вступивший в силу двумя годами позднее, в 1970 г., Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по настоящий момент остается одним из наиболее успешных международных многосторонних правовых инструментов – в особенности принимая во внимание чувствительность той области, которую он регулирует. ДНЯО за более чем полвека своего существования в целом продемонстрировал эффективность, остановив процесс распространения ядерного оружия¹, и пока продолжает этому препятствовать – вопреки турбулентной международной обстановке в разные периоды XX и XXI вв.

В чем же причина этого результата? Этому вопросу посвящено немало отечественных и зарубежных исследований² (Тимербаев, 1999; Антонов, 2012; Грэм, 2002; Шакер, 1980). В первую очередь, это выверенный политико-правовой инструментарий, заложенный в основу Договора. Во-вторых, именно благодаря ДНЯО удалось сформировать такую уникальную среду международной безопасности, такой режим, которые позволяют практически всем государствам мира оставаться в Договоре даже в условиях трансформирующегося международного порядка и изменения баланса сил на мировой арене.

Однако для международного режима ядерного нераспространения, установленного ДНЯО, не чужды кризисные тенденции, которые в настоящий момент приобретают в некоторой степени беспрецедентный характер. Катализатором этих тенденций в большинстве своем становится ядерная политика США – которые не только являются участником Договора с момента его заключения, но и его депозитарием (наряду с Россией и Великобританией).

Важно отметить, что существование Договора о нераспространении ядерного оружия, бесспорно, отвечает интересам Соединенных Штатов – однако поддержание собственного геополитического превосходства на международной арене оказывается куда важнее. Впрочем, баланс между этими приоритетами американской политики тоже не всегда был одинаковым. В отдельные периоды акцент делался именно на укреплении многосторонних основ ядерного нераспространения. Однако в последние десять-пятнадцать лет крен в сторону собственных эгоистических интересов начал явно преобладать.

В качестве наиболее яркого тому подтверждения можно привести так называемые совместные ядерные миссии, которые уже более полувека проводятся в рамках НАТО, открыто позиционирующей себя как «ядерный

¹ Тимербаев Р.М. (2017) «Основная задача ДНЯО – не допустить распространения ядерного оружия – в целом выполнена». *Журнал «Ядерный клуб»*, №1-2. Available at: http://ceness-russia.org/conf2017/Amb_Timerbaev_Interview_NPT_The_First_50_Years.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

² См., в том числе, Тимербаев Р.М. (1999) *Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968*. – М.: Наука, С. 349–353.

альянс». В ходе совместных ядерных миссий военнослужащие из неядерных³ государств-членов обучаются навыкам применения ядерного оружия и участвуют в процессе ядерного планирования.

Более систематически эти негативные по отношению к ДНЯО тенденции начали проявляться в ходе обзорного цикла Договора 2010–2015 гг. (в частности, отказ США в 2012 г. провести Конференцию по зоне, свободной от ядерного и других видов ОМУ, на Ближнем Востоке⁴) и вылились в блокирование США, Великобританией и Канадой Итогового документа Обзорной конференции по ДНЯО 2015 г. только в силу того, что некоторые его положения по ближневосточной проблематике ставили в неудобное положение Израиль⁵. Среди других существенных примеров можно привести односторонний выход Соединенных Штатов из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе в 2018 г.⁶ и официально заявленный в том же 2018 г. и, по сути, продолжающийся до сих пор курс на отказ от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний⁷.

В итоге своими действиями США – не целенаправленно, но в качестве сопутствующего, хотя и полностью осознаваемого и просчитанного, ущерба – постепенно, но последовательно «вынимают» из ДНЯО его уникальный стержень, выхолащивая тем самым значение этого ключевого международно-правового инструмента для государств-участников. Складывается достаточно очевидная ситуация: все страны-участники Договора должны выполнять его положения и неукоснительно находиться в сформированном в его рамках режиме. Однако для самих США, а с ними и их ближайших союзников существуют особые привилегированные условия в зависимости от конкретных геополитических задач и интересов Вашингтона.

В последние годы США пошли дальше и активизировали работу по развитию и углублению новых форматов ядерного сотрудничества. В данной статье речь пойдет о двух примерах такого рода взаимодействия: партнерстве

³ Статья IX ДНЯО гласит, что «для целей настоящего Договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.». Остальные страны в контексте ДНЯО трактуются как государства, не обладающие ядерным оружием. *ООН* (б.д.) Договор о нераспространении ядерного оружия. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 19.09.2024).

⁴ *U.S. State Department* (2012) 2012 Conference on a Middle East Zone Free of Weapons of Mass Destruction (MEWMDZF), Press-Statement by the State Department Spokesperson V.Nuland, November 23. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/11/200987.htm> (accessed 19 September 2024).

⁵ Rauf T. (2015) The 2015 NPT Review Conference: setting the record straight, *Stockholm International Peace Research Institute*, 24 June. Available at: <https://www.sipri.org/node/384#:~:text=In%20the%20late%20evening%20of,misery%20to%20the%20relief%20of> (accessed 19 September 2024).

⁶ The White House (2018) Ceasing U.S. Participation in the JCPOA and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon, 8 May. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/ceasing-u-s-participation-jcpoa-taking-additional-action-counter-irans-malign-influence-deny-iran-paths-nuclear-weapon/> (accessed 19 September 2024).

⁷ *The U.S. Department of Defense* (2018) Nuclear Posture Review, 5 February. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 19 September 2024).

Австралии, Великобритании и США, получившем название *AUKUS*, в рамках которого планируется передача Канберре высокообогащенного ядерного материала в ядерных силовых установках субмарин, а также политике «расширенного сдерживания» с Республикой Корея. В результате неядерные по смыслу ДНЯО государства оказываются в своего рода «серой зоне» Договора: одни получают чувствительные ядерные материалы и технологии, а другие – существенную роль в планировании и даже принятии решений в отношении стратегических сил ядерной державы.

Для целей данной статьи в обоих случаях будет представлена краткая история вопроса и сущность каждого из данных форматов, а также подсвечены непосредственно те элементы, которые напрямую относятся к ДНЯО и являются наиболее проблематичными для международно-правового режима, который устанавливает Договор.

Партнерство *AUKUS* и передача Австралии от США и Великобритании подводных лодок с ядерными силовыми установками

15 сентября 2021 г. Австралия, Великобритания и США объявили о формировании партнерства *AUKUS*⁸. Среди главных задач лидерами трех стран были названы сотрудничество в области кибербезопасности, квантовых технологий, искусственного интеллекта и создание дополнительных возможностей на море. Однако флагманским проектом участников «тройки» *AUKUS* стали планы по получению Австралией с помощью своих партнеров к 2040 г. восьми подводных лодок на ядерных силовых установках *SSN-AUKUS*. Причем субмарины *SSN-AUKUS* будут работать на ядерном топливе, в котором будет использоваться обогащенный свыше 90% уран. До этого, в соответствии с договоренностями трех стран, к 2030 г. Австралия получит от США три подводных лодки класса "*Virginia*"⁹.

Стоит подчеркнуть, что Договор о нераспространении ядерного оружия не запрещает использование ядерных материалов для топлива в двигателях подлодок¹⁰. Однако в данном случае речь идет о том, что впервые в истории ДНЯО неядерное по смыслу Договора государство получит от двух ядерных

⁸ *The White House* (2021) Joint Leaders Statement on AUKUS, 15 September. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 19 September 2024).

⁹ *The White House* (2023) Joint Leaders Statement on AUKUS, 13 March. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/> (accessed 19 September 2024).

¹⁰ Согласно Статье 14 типового Соглашения о гарантиях с МАГАТЭ в связи с ДНЯО, неядерное государство-член МАГАТЭ имеет право на вывод ядерного материала из-под гарантий в незапрещенных военных целях (*non-proscribed military use*), но обязуется при этом информировать Агентство о своих планах и вступить с ним в переговоры для выработки соответствующей договоренности. МАГАТЭ (б.д.) Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия, апрель 1975. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/infocirc153_rus.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

держав несколько тонн высокообогащенного урана (ВОУ)¹¹ оружейного качества, а вместе с этим и чувствительные технологии и инфраструктуру для сооружения, размещения и обслуживания упомянутых субмарин.

До этого ни одно неядерное государство-участник ДНЯО не продвигалось настолько в освоении указанных технологий: Канада совместно с Великобританией начинала соответствующий проект в 1980-х гг., но в итоге отказалась от его реализации¹². Разработка соответствующей программы Бразилией ведется уже достаточно давно, но пока тоже далека от завершения¹³. При этом Бразилия опирается на самостоятельное производство, а не на получение ядерных материалов и технологий от других стран, также в бразильских подлодках предполагается использование низкообогащенного урана.

Первый крайне проблемный элемент «лодочного» проекта *AUKUS* для режима ядерного нераспространения заключается в том, что участники партнерства заявляют, что будущие субмарины будут оснащены обычными вооружениями, а не ядерными. Тем не менее никаких оснований принимать эти слова на веру нет. Подводные лодки с ядерными силовыми установками могут нести вооружения не только в неядерном, но и в ядерном оснащении, и именно в таком качестве они на протяжении многих лет рассматривались в стратегических расчетах государств-обладателей подобных технологий. Так и будущие подлодки *SSN-AUKUS* в США открыто рассматриваются как потенциальные носители стратегических боезарядов¹⁴. В качестве дополнительного аргумента стоит также упомянуть и то, что в настоящий момент в США ведется разработка новой крылатой ракеты морского базирования в ядерном оснащении для потенциального использования на подводных лодках класса *Virginia*¹⁵. Как уже упоминалось, именно такого типа субмарины Австралия получит в качестве первого этапа реализации «лодочного» проекта *AUKUS*. Таким образом, если даже в настоящий момент участники партнерства и не планируют оснащать субмарины ядерным оружием, это не значит, что их позиция не изменится в будущем. И с технической точки зрения сделать это можно будет достаточно легко, поскольку вся необходимая инфраструктура для данных целей в Австралии уже будет сооружена.

¹¹ Обогащенный уран, содержащий 20% или более в весовых процентах изотопа ²³⁵U. Источник: *Глоссарий по гарантиям МАГАТЭ* (2022). Available at: https://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/PUB2003R_web.pdf (дата обращения 19.04.2024)

¹² Desjardins M.-F., Rauf, T. (1988) Opening Pandora's Box: Nuclear-powered submarines and the spread of nuclear weapons, *The Canadian Centre for Arms Control and Disarmament*, Aurora Papers 8. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350017528_Opening_Pandora's_Box_Nuclear_Powered_Submarines_and_the_Spread_of_Nuclear_Weapons_The_Canadian_Centre_for_Arms_Control_and_Disarmament_Aurora_Papers_8_1988 (accessed 19 September 2024).

¹³ Ruy de Almeida Silva A., Abreu de Moura J.A. (2018) The Long History of Brazil's Nuclear Submarine Program, *The Wilson Center*, January 16. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/the-long-history-brazils-nuclear-submarine-program> (accessed 19 September 2024).

¹⁴ Lopez T.C. (2024) U.S. Needs Sea-Based Nuclear Capability to Ensure Second-Strike Capability, *U.S. Department of Defense*, 23 May. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3786326/us-needs-sea-based-nuclear-capability-to-ensure-second-strike-capability/> (accessed 19 September 2024).

¹⁵ *Congressional Research Service* (2024) Nuclear-Armed Sea-Launched Cruise Missile (SLCM-N), 19 July. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12084> (accessed 19 September 2024).

«Лодочный» проект *AUKUS* регулируется заключенным в августе 2024 г. между Австралией, Великобританией и США Соглашением о сотрудничестве в области ядерных силовых установок морских судов¹⁶. Оно, помимо прочего, подразумевает серьезные ограничения на предоставление информации Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ)¹⁷, являющееся ключевым механизмом проверки нераспространенческих обязательств ДНЯО.

В публичном пространстве США, Австралия и Великобритания обосновывают свое сотрудничество «безупречным послужным списком» Канберры в области ядерного нераспространения¹⁸. В качестве одного из основных аргументов участников партнерства используется тот факт, что в настоящий момент Австралия имеет действующее Соглашение о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ¹⁹ и Дополнительный протокол к нему, что устанавливает наиболее высокий возможный уровень проверочной деятельности со стороны Агентства в интересах обеспечения того, что ядерная программа указанного государства носит исключительно мирный характер. Однако не стоит забывать, что в XX веке австралийцы трижды пытались приступить к освоению военной ядерной программы – в 1950-х и второй половине 1960-х гг. (Хлопков, 2009: 34–36)

Принципиальный момент в данном случае состоит и в том, что Великобритания и США, как уже упоминалось, по смыслу ДНЯО являются государствами, обладающими ядерным оружием. Австралия, в свою очередь, является государством, не обладающим ядерным оружием, и поэтому порядок взаимодействия последней с МАГАТЭ в части проверочной деятельности выглядит

¹⁶ *Australian Submarine Agency* (2024) Agreement Between the Government of Australia, the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the United States of America for Cooperation Related to Naval Nuclear Propulsion. Available at: [https://www.asa.gov.au/sites/default/files/2024-08/Agreement among the Governments of Australia UK and US for cooperation related to naval nuclear propulsion v2.pdf](https://www.asa.gov.au/sites/default/files/2024-08/Agreement%20among%20the%20Governments%20of%20Australia%20UK%20and%20US%20for%20cooperation%20related%20to%20naval%20nuclear%20propulsion%20v2.pdf) (accessed 19 September 2024).

¹⁷ В частности, в Статье VII п.Ф Соглашения указывается, что Стороны соглашаются защищать информацию, связанную с ядерными силовыми установками морских судов, от раскрытия МАГАТЭ.

¹⁸ *Australian Submarine Agency* (2023) AUKUS and Non-Proliferation, Available at: <https://www.asa.gov.au/sites/default/files/2023-06/NonProliferation-Factsheet.pdf> (accessed 19 September 2024); *U.S. Permanent Mission to the International Organizations in Vienna* (2021) Non-Paper on AUKUS, November 26, Available at: <https://vienna.usmission.gov/non-paper-on-nuclear-propulsion-cooperation-under-aukus/> (accessed 19 September 2024).

¹⁹ Соглашение, заключенное в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), по которому государство обязуется принять, а МАГАТЭ имеет право и обязано применять гарантии ко всему исходному материалу или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пределах его территорий, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было, исключительно с целью проверки того, чтобы такой материал не переключался на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. См. *МАГАТЭ* (б.д.) Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия, апрель 1975. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/infocirc153_rus.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

совершенно иначе, нежели для ее партнеров²⁰. Таким образом, «лодочный» проект *AUKUS* носит беспрецедентный характер, в том числе с точки зрения применения к нему гарантий Агентства в рамках уже упомянутого Соглашения о всеобъемлющих гарантиях между Австралией и МАГАТЭ и Дополнительного протокола к нему²¹.

Более того, с учетом элемента передачи Австралии высокообогащенного ядерного материала проверочная деятельность в его отношении неминуемо должна затрагивать не только получателя, но и поставщиков – Великобританию и Соединенные Штаты. Однако нет никакой гарантии, что две ядерные державы будут готовы предоставить инспекторам МАГАТЭ необходимые возможности для осуществления мер учета и контроля к ВОУ перед отправкой в Австралию, которая получит его в запаянных энергоблоках без непосредственного доступа к материалу²².

Другим немаловажным аспектом является тот факт, что планы *AUKUS* свидетельствуют о развороте США на 180 градусов в отношении проводимой ими последние десятилетия и даже навязываемой другим странам, в том числе по линии МАГАТЭ, политики минимизации использования высокообогащенного урана. Как на протяжении многих лет заявлялось американским руководством²³, минимизация ВОУ должна была привести к постепенному искоренению использования высокообогащенного материала государствами в неоружейных целях. Теперь с передачей Австралии ВОУ в таком объеме об этом не может быть и речи.

Одновременно с этим в преломлении к ДНЯО реализация «лодочного» проекта *AUKUS* вызывает вопросы относительно добросовестности Австралии как участника Договора о создании безъядерной зоны в Южной части Тихого океана (Договор Раротонга). Размещение военнослужащих, инфраструктуры и вооружений ядерных государств на австралийской территории

²⁰ Для пяти ядерных по смыслу ДНЯО государств вместо Соглашения о всеобъемлющих гарантиях действуют Соглашения о добровольной постановке под гарантии (СДП). Государства, обладающие ядерным оружием, не обязаны принимать гарантии МАГАТЭ на основании ДНЯО, но могут добровольно предложить сделать это. По такому соглашению государство предлагает МАГАТЭ на выбор для применения гарантий, частично или полностью, ядерный материал и/или установки в своем гражданском ядерном топливном цикле. СДП в целом соответствует структуре Соглашения о всеобъемлющих гарантиях, но сфера применения ограничивается ядерным материалом и установками в гражданской деятельности, предложенными государством для применения гарантий МАГАТЭ. См., например, *МАГАТЭ* (б.д.) Текст соглашения от 21 февраля 1985 г. между СССР и Агентством о применении гарантий в СССР. Информационный циркуляр, июль 1985 г. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc327_rus.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

²¹ См., в том числе, *CENESS* (2023) *The AUKUS Submarine Deal: Risks for the Nuclear Nonproliferation Regime and Global Security*, Center for Energy and Security Studies, China Arms Control and Disarmament Association, 2 August, Available at: http://ceness-russia.org/data/doc/AUKUS_Report_Final-CACDA_and_CENESS.pdf (accessed 19 September 2024)

²² *МАГАТЭ* (2022) Доклад Генерального Директора МАГАТЭ «Гарантии МАГАТЭ в связи с AUKUS». 13 сентября. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/22/09/govinf2022-20_rus.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

²³ См., например, *The White House* (2016) *FACT SHEET: Highly Enriched Uranium Minimization Activities since March 2014*, 1 April, Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/04/01/fact-sheet-highly-enriched-uranium-minimization-activities-march-2014> (Accessed 19 September 2024)

ставит под сомнение приверженность Канберры букве и духу упомянутого Договора, а также фактически подрывает не только доверие к самой идее создания безъядерных зон, но и гарантии безопасности, которые ядерные державы дают государствам-участникам таких зон²⁴. К тому же упомянутое Соглашение трех стран о сотрудничестве в области ядерных силовых установок морских судов подразумевает, что Австралия будет нести ответственность за обращение с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами после вывода из эксплуатации субмарин²⁵. В то же время Договор Раротонга запрещает²⁶ захоронение таких отходов в море в пределах зоны.

Таким образом, пагубное воздействие «лодочный» проект *AUKUS* на режим нераспространения и ДНЯО оказывает по целому ряду аспектов – начиная с факта передачи высокообогащенного ядерного материала двумя ядерными государствами одному неядерному и получения последним технологий и инфраструктуры, которые могут быть потенциально использованы для оснащения будущих субмарин стратегическими вооружениями, и заканчивая подрывом таких критически важных для Договора элементов, как зоны, свободные от ядерного оружия. В целом многолетняя практика совместных ядерных миссий НАТО вынуждает учитывать реальный риск потенциального распространения таких действий и на Австралию.

«Расширенное ядерное сдерживание» США и Республики Корея

Идея разработки собственной военной ядерной программы является часто появляющимся в политическом дискурсе внутри Республики Корея сюжетом. Согласно результатам опросов Чикагского совета по международным отношениям, опубликованным в 2022 г., 71% южнокорейцев поддержали бы «ядерный выбор» страны²⁷. На волне очередного всплеска такой дискуссии²⁸

²⁴ Каждый из существующих договоров о создании ЗСЯО предусматривает Дополнительные протоколы к нему, где, в частности, государства, обладающие ядерным оружием, дают гарантии неприменения ядерного оружия в отношении государств, не обладающих ядерным оружием, являющихся участниками той или иной ЗСЯО. В упомянутом Договоре Раротонга о создании безъядерной зоны в Южной части Тихого океана таковым является Дополнительный протокол II. *UN Disarmament Treaties Database* (n.d.) Protocol II to the South Pacific Nuclear Free Zone Treaty. Available at: https://treaties.unoda.org/t/rarotonga_p2 (Accessed 19 September 2024).

²⁵ См. статью IV.D. *Australian Submarine Agency* (2024) Agreement Between the Government of Australia, the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the United States of America for Cooperation Related to Naval Nuclear Propulsion. Available at: [https://www.asa.gov.au/sites/default/files/2024-08/Agreement among the Governments of Australia UK and US for cooperation related to naval nuclear propulsion v2.pdf](https://www.asa.gov.au/sites/default/files/2024-08/Agreement%20among%20the%20Governments%20of%20Australia%20UK%20and%20US%20for%20cooperation%20related%20to%20naval%20nuclear%20propulsion%20v2.pdf) (accessed 19 September 2024).

²⁶ В соответствии со Статьей 7 Договора Раротонга, стороны обязуются «не захоронять радиоактивные отходы и другие радиоактивные вещества в море где-либо в пределах безъядерной зоны южной части Тихого океана». ООН (б.д.) Договор о безъядерной зоне южной части Тихого океана. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_free_pacific.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

²⁷ *The Chicago Council on Global Affairs* (2022) Thinking Nuclear: South Korean Attitudes on Nuclear Weapons, 21 February. Available at: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/thinking-nuclear-south-korean-attitudes-nuclear-weapons> (accessed 19 September 2024).

²⁸ Sang-Hun C. (2023) In a First, South Korea Declares Nuclear Weapons a Policy Option. *The New York Times*, 21 January. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/world/asia/south-korea-nuclear-weapons.html> (accessed 19 September 2024).

по случаю 70-летия альянса двух стран 26 апреля 2023 г. президенты США и Республики Корея Дж. Байден и Юн Сок Ёль подписали Вашингтонскую декларацию²⁹.

Главным элементом данного документа стало распространение на Республику Корея «расширенного сдерживания»³⁰ США. В декларации фиксируется приверженность Вашингтона консультироваться с Сеулом относительно любого развертывания ядерных вооружений на Корейском полуострове. Помимо этого, заявляется о коллективном принятии решений в отношении ядерного сдерживания, в том числе путем углубленного диалога и обмена информацией. Вашингтонской декларацией также была запущена Консультативная ядерная группа двух стран для укрепления «расширенного сдерживания» и обсуждения ядерного и стратегического планирования. Трудно не заметить, что данная Группа смоделирована по образу и подобию существующих механизмов НАТО.

Как отмечается в официальных источниках³¹, запуск данного формата призван укрепить сдерживание и потенциал реагирования на Корейском полуострове, в том числе путем выработки протоколов по безопасности и обмену информацией; механизмов консультаций и коммуникации в кризисных ситуациях; координации и развития соответствующего планирования, операций, учений, симуляций, тренингов и др. Помимо этого на повестке дня Группы находится определение способов повышения видимости размещения стратегических объектов США на Корейском полуострове.

«Повышение видимости» обеспечивается (но очевидно этим ограничено не будет) также тем, что с момента запуска работы Группы американские атомные подводные лодки уже дважды заходили в южнокорейские порты (июль и декабрь 2023 г.) – впервые за последние 40 лет. На одну из авиационных баз Республики Корея приземлился стратегический бомбардировщик B-52 ВВС США (октябрь 2023 г.). В августе 2024 г. были проведены масштабные совместные военные учения *Ulchi Freedom Shield*, в рамках которых была предусмотрена отработка мер ответного ядерного реагирования³², а в сентябре – штабное учение-симуляция³³. В июле 2024 г. Соединенные Штаты

²⁹ *The White House* (2023) Washington Declaration, 26 April. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/washington-declaration-2/> (accessed 19 September 2024).

³⁰ Суть прямого сдерживания заключается в усилиях государства по предотвращению нападений на свою собственную территорию в пределах национальных границ. Целью расширенного сдерживания является защита третьих стран (своих партнеров или союзников) и территорий от нападения, в отличие от предотвращения прямой атаки на собственную территорию. См. Huth, P. K. (1988). Extended Deterrence and the Outbreak of War. *The American Political Science Review* 82(2): 423–443.

³¹ *The White House* (2023) Joint Readout of the Inaugural U.S.-ROK Nuclear Consultative Group Meeting. 18 July. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/18/joint-readout-of-the-inaugural-u-s-rok-nuclear-consultative-group-meeting/> (accessed 19 September 2024).

³² *Yonhap News* (2024) S. Korea, U.S. launch key summertime military exercise, 19 August. Available at: <https://m-en.yna.co.kr/view/AEN20240819000900315?section=nk/nk> (accessed 19 September 2024).

³³ *U.S. Department of Defense* (2024) Joint Statement on the U.S.-ROK Nuclear Consultative Group Simulation, 6 September. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3898151/joint-statement-on-the-us-rok-nuclear-consultative-group-simulation/> (accessed 19 September 2024).

и Республика Корея объявили о завершении разработки руководящих принципов «расширенного сдерживания» и ядерных операций на Корейском полуострове³⁴, содержание которых не раскрывается.

Иными словами, неядерное по смыслу ДНЯО государство получает существенную роль в планировании и принятии решений в контексте стратегических сил ядерной державы. Данный шаг не просто содержит в себе элемент совместных ядерных миссий, которые США осуществляют со своими союзниками по НАТО: «расширенное сдерживание» с Республикой Корея выводит взаимодействие на новый уровень – в том числе политический. Причем впервые в истории режима ядерного нераспространения это выносится в Азиатско-Тихоокеанский регион и, в частности, на Корейский полуостров, что чревато серьезной эскалацией³⁵.

Несмотря на то, что США и Республика Корея заявляют, что их новое углубленное сотрудничество в ядерной военной сфере осуществляется в полном соответствии с обязательствами Сеула по ДНЯО, это еще один случай, когда неядерное по смыслу ДНЯО государство оказывается де-факто в «серой зоне» Договора. Такое взаимодействие порождает целый ряд вопросов, которые потенциально могут оказать негативное воздействие на международный режим ядерного нераспространения. Даже если в прямом смысле контроль над ядерным оружием, как заявляют стороны, не передается, как трактовать участие в процессе принятия решений? Как расценивать передачу знаний и обмен опытом в области стратегических вооружений, проведение совместных учений и мероприятий по наращиванию потенциала? «Расширенное сдерживание» США и Республики Корея является очередным расшатыванием основ ДНЯО, на которых Договор зиждется уже более пятидесяти лет.

В качестве концептуального подкрепления вышеизложенного можно привести замечания специального помощника действующего президента США и старшего директора по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению в Совете национальной безопасности США П. Вадди. Его выступление летом 2024 г. под названием *«Адаптация подходов США к контролю над вооружениями и нераспространению в новую эпоху»*³⁶ достаточно хорошо характеризует мыслительный процесс в рамках американской системы подготовки и принятия решений. П. Вадди отмечает, что одним из фокусов внимания администрации его страны является противодействие

³⁴ U.S. Department of Defense (2024) Joint Press Statement on the Signing of the Nuclear Consultative Group Guidelines, 11 July. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3835633/joint-press-statement-on-the-signing-of-the-nuclear-consultative-group-guidelin/> (accessed 19 September 2024).

³⁵ Стефанович Д.В. (2023) «Ядерная пятёрка»: состояние дел и перспективы российского председательства, *Клуб «Валдай»*, 30 августа. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yadernaya-pyatyerka-sostoyanie-del/> (дата обращения: 19.09.2024).

³⁶ Arms Control Association (2024) Adapting the U.S. Approach to Arms Control and Nonproliferation to a New Era. Remarks from Pranay Vaddi, Special Assistant to the President and Senior Director for Arms Control, Disarmament, and Nonproliferation at the National Security Council, 7 June. Available at: <https://www.armscontrol.org/2024AnnualMeeting/Pranay-Vaddi-remarks> (accessed 19 September 2024).

распространению ядерного оружия и других стратегических потенциалов путем укрепления глобального режима нераспространения. Однако в качестве главных инструментов достижения этой цели назван не ДНЯО, а именно расширенное сдерживание, которое, как подчеркивает П. Вадди, стало одним из крупнейших вкладов в режим ядерного нераспространения.

Выводы

Было бы аналитически неверным утверждать, что США не заинтересованы в сохранении ДНЯО и ведут целенаправленную линию на его дезинтеграцию. Вместе с тем очевидно и то, что первостепенным для Вашингтона являются собственные геополитические интересы и инструменты достижения своих целей, и если они ведут к подтачиванию и размыванию сути ДНЯО и всего международного режима нераспространения, постепенно делая его нерелевантным, то, в понимании теоретиков и практиков американской внешней политики, так тому и быть. Как это было и в случае с совместными ядерными миссиями НАТО, партнерство *AUKUS* и «расширенное ядерное сдерживание» с Республикой Корея свидетельствуют о том, что США в открытую стремятся укрепить собственную безопасность за счет безопасности других. В отношении Австралии и Республики Корея Соединенные Штаты идут еще дальше, по сути, подводя два неядерных по смыслу ДНЯО государства к опасной черте своих обязательств по Договору.

В последние годы в западном экспертном сообществе открыто начал циркулировать тезис о т.н. *обусловленном распространении* (англ. *conditional proliferation*)³⁷ – стратегии, которая подразумевает передачу США чувствительных технологий и поддержку ее приобретения союзниками в целях укрепления совместного потенциала сдерживания. Оба упомянутых в данной статье примера наглядно подтверждают, что именно по этому пути и движутся Соединенные Штаты.

Все это видят и анализируют другие страны, соблюдающие свои обязательства по ДНЯО, и делают, может, пока еще не воплощенные в политические решения, но вполне конкретные выводы. Речь при этом идет как о неядерных, так и ядерных государствах-участниках Договора. Пренебрежительное отношение к ДНЯО и установленному им режиму со стороны Соединенных Штатов неизбежно сказывается на соображениях безопасности других стран. Деструктивные действия США и невосприимчивость к многолетним призывам пересмотреть целый ряд аспектов своей политики в области ядерного нераспространения вынудили Российскую Федерацию предпринять необходимые с точки зрения собственной безопасности шаги. Именно с этим связаны

³⁷ Alberque W., Schreer B. (2021) *AUKUS, US allies and the age of conditional proliferation*. //SS, 29 October. <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2021/10/aucus-us-allies-and-the-age-of-conditional-proliferation/> (accessed 19 September 2024).

отзыв ратификации ДВЗЯИ и запуск российско-белорусского сотрудничества в ядерной сфере в рамках единого оборонного пространства Союзного государства³⁸.

В любом случае результат обозначенных в данной статье тенденций один – размываются те нормы, которые лежали в основе ДНЯО на протяжении более полувека его существования. На этом фоне нельзя исключать сценарий дальнейшего снижения политического веса Договора и его роли в поддержании международной безопасности и стабильности. Такие трансформации потребуют совершенно иного взгляда и подхода к международному режиму нераспространения ядерного оружия.

Список литературы

1. Антонов А.И. (2012) *Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), ПИР-Центр.
2. Тимербаев Р.М. (1999) *Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968*. М.: Наука.
3. Хлопков А.В. (2009) Военная ядерная программа Австралии. *Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр.
4. Desjardins M.-F., Rauf T. (1988) Opening Pandora's Box: Nuclear-powered submarines and the spread of nuclear weapons. *The Canadian Centre for Arms Control and Disarmament, Aurora Papers* 8.
5. Graham T. (2002). *Disarmament Sketches: Three Decades of Arms Control and International Law*. University of Washington Press, 406 p.
6. Huth P. K. (1988) Extended Deterrence and the Outbreak of War. *The American Political Science Review* 82(2): 423–443.
7. Shaker M. I. (1980) *The nuclear non-proliferation treaty: origin and implementation, 1959–1979*. Oceana Publications.

³⁸ Министерство иностранных дел России (2023) Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с выражением рядом стран Запада озабоченности относительно российско-белорусского взаимодействия в ядерной сфере, 27 марта 2023, Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1859880/ (дата обращения 19.09.2024); Министерство иностранных дел России (2023) Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, 5 апреля, Available at: https://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings/1862066/ (дата обращения 19.09.2024).

NEW FORMATS OF U.S. NUCLEAR ALLIANCES AND THEIR IMPACT ON THE TREATY ON THE NON-PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS

Roman A. USTINOV – Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the International Organizations in Vienna.

E-mail: raustinov@yandex.ru

Erzherzog-Karl-Strasse 182, 1220, Vienna, Austria

Received September 12, 2024 Accepted September 25, 2024

Abstract: This article examines the impact of new formats of nuclear cooperation launched by the United States with its allies on the international nonproliferation regime established by the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). The two examples of such cooperation outlined in this article are the AUKUS partnership between Australia, United Kingdom and United States that involves transfer to Canberra of a large amount of highly-enriched uranium for use in nuclear-powered submarines, as well as the extended deterrence between the United States and the Republic of Korea. This material presents the analysis of how (if at all) these initiatives are compatible with the NPT and what the most problematic elements are in each case in relation to the Treaty and its regime. It derives from the research that has been conducted that the new formats of United States' nuclear cooperation are undermining the NPT regime and its international standing. As a result of such cooperation the NPT loses its unique international legal core that for more than half a century has allowed to stop proliferation of nuclear weapons. The norms that lied in the basis of the Treaty are also being eroded. Such tendencies create a completely new environment and inevitably affect security calculus of other States Parties to the NPT. Against this backdrop further decrease of the political weight of the Treaty cannot be excluded, together with its role in upholding international peace and stability. Such transformations may require a brand new look at and approach to the international nonproliferation regime in the future.

Keywords: USA, United Kingdom, Australia, Republic of Korea, Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT), nuclear nonproliferation, nuclear sharing, NATO, AUKUS, nuclear-weapon state, non-nuclear-weapon state, extended deterrence, Korean Peninsula

References:

1. Antonov A.I. (2012) *Kontrol nad voruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms Control: History, Status, Prospects]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), PIR Center.
2. Timerbaev R.M. (1999) *Rossiya i yadernoe nerasprostranenie. 1945–1968* [Russia and Nuclear Nonproliferation. 1945–1968]. Moscow: Nauka.
3. Khlopkov A.V. (2009) *Voennaya yadernaya programma Avstralii. Yadernoe nerasprostranenie: Kratkaya enciklopediya* [Australia's Military Nuclear Program. Nuclear Non-Proliferation: A Brief Encyclopedia]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); PIR Center.

4. Desjardins M.-F., Rauf T. (1988) Opening Pandora's Box: Nuclear-powered submarines and the spread of nuclear weapons. *The Canadian Centre for Arms Control and Disarmament*, Aurora Papers 8.
5. Graham T. (2002). Disarmament Sketches: *Three Decades of Arms Control and International Law*. University of Washington Press, 406 p.
6. Huth P. K. (1988) Extended Deterrence and the Outbreak of War. *The American Political Science Review* 82(2): 423–443.
7. Shaker M. I. (1980) *The nuclear non-proliferation treaty: origin and implementation, 1959–1979*. Oceana Publications.

ДИСКУССИЯ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ФРГ ДО И ПОСЛЕ «СМЕНЫ ЭПОХ»: ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Александр ДАВЫДОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Объявленная канцлером Олафом Шольцем в 2022 г. «смена эпох» внесла существенные изменения в немецкую внутриполитическую дискуссию. Впервые после окончания холодной войны немецкие политики стали выдвигать вопрос обороноспособности страны как одну из центральных тем дебатов, а также учитывать военный аспект при формировании своего партийного имиджа. Перемены позволяют по-новому взглянуть на актуальные тенденции политического ландшафта Германии, меняющуюся расстановку сил и приоритетность различных тем во внутренней политике. В настоящей статье автор ставит цель определить место дебатов по военно-политическим вопросам внутри общего дискуссионного пространства ФРГ. Первой задачей статьи является рассмотрение эволюции немецкого общественного дискурса вокруг военных вопросов, с акцентом на его ограниченность и маргинальность. Вторая задача заключается в исследовании развития дискуссии после объявления «смены эпох» в 2022 г. Особое внимание уделяется намеренной политизации и фрагментации этого вопроса ведущими немецкими партиями, которые впервые за последние десятилетия вынуждены искать в военной политике собственную нишу. В первой части статьи ретроспективный анализ военной стратегии Германии представлен на основе российских и западных научных исследований. Последние изменения, произошедшие после февраля 2022 г., рассмотрены через призму ключевых партийных документов и правительственных постановлений, а также заявлений и публикаций ведущих политиков. Автор оценивает позицию отдельных игроков и степень их влияния на политические процессы. Такой подход позволяет, с одной стороны, встроить исследование в существующий массив публикаций по данной тематике, а с другой — добавить новизну благодаря анализу актуальных документов и выступлений. В результате автор демонстрирует, как военная стратегия ФРГ, став одной из центральных тем современной немецкой политики, превратилась в «разменную монету» в спорах между партиями.

Ключевые слова: внутренняя политика ФРГ, внешняя политика Германии, «смена эпох», партии ФРГ, бундестаг, российско-германские отношения, европейская безопасность

Александр Дмитриевич Давыдов – научный сотрудник, Центр европейских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-4382-6799. E-mail: a.davydov@inno.mgimo.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01501 «Трансформация военно-политической стратегии ФРГ как угроза безопасности Российской Федерации» (<https://rscf.ru/project/23-28-01501/>).

Поступила в редакцию: 21.09.2024

Принята к публикации: 03.11.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Как отмечается в научных исследованиях, для Берлина ключевыми факторами в развитии собственной армии являются ограничения, обусловленные исторической ответственностью за развязывание Второй мировой войны, а также предписания договора об окончательном урегулировании в отношении Германии (Трунов, 2021). В первые десятилетия XXI в. эти особенности сдерживали ФРГ от укрепления военной мощи, а укоренившиеся нормы антимилитаризма и внешняя политика, основанная на ценностном подходе, ограничивали возможности действовать на мировой арене в роли «великой державы» (Crawford, Olsen, 2017). Исследователи заключают, что сформировавшаяся после Второй мировой войны стратегическая культура Германии, ориентированная на союзников и предпочитающая политическую роль бундесвера военной, сохраняет серьезные ограничения на более активное использование военных инструментов на международной арене (Longhurst, 2018).

Подходы Германии к военной силе постепенно менялись по мере повышения ее вовлеченности в вооруженные конфликты. Например, участие ФРГ в югославском конфликте в 1999 г. рассматривается в немецкой литературе как событие, положившее начало новому этапу во внешней политике страны (Hyde-Price, 2001). Оценивая участие бундесвера в конфликте в Афганистане и других вооруженных противостояниях, исследователи сходятся во мнении, что отрицательный и/или недостаточный опыт должен был побудить немецкое руководство пересмотреть подход к применению силы (Hein, 2011; Noetzel & Schreier, 2008; Хришкевич, 2016; Павлов & Хдери, 2020; Власов, 2016; Трунов, 2018).

Как отмечают исследователи, с 2010-х гг. Германия постепенно движется в направлении укрепления обороноспособности и расширения участия в военных операциях (Синдеев, 2014; Рустамова, 2021). Реформы бундесвера были направлены на постепенное закрепление за Германией статуса державы, способной действовать глобально и использовать вооруженные силы в широком спектре операций, что нашло отражение в принятом в 2018 г. документе «Профиль возможностей бундесвера» (Dyson, 2011; Егоров, 2012; Трунов, 2022). Кроме того, уже более десяти лет отмечается, что усиление антироссийской риторики и создание искусственного образа врага в виде Москвы были направлены на «преодоление излишнего пацифизма» (Меден, 2015).

Военное развитие как фактор внутренней политики ФРГ

В первые два десятилетия XXI в. среди экспертов укрепилось мнение, что сформированная в ФРГ после Второй мировой войны устойчивая «антимилитаристская политическая культура» ограничивает поле дискуссии о военной силе. Так, Р. Бауман и Г. Гельман пришли к заключению, что как в политической сфере, так и в обществе в целом преобладает образ Германии как «гражданской силы», а выражением общественного антимилитаризма стала «культура сдержанности» (Baumann & Hellmann, 2001). Немцы воспринимают свою страну как «большую Швейцарию», где отсутствуют «настоящие стратегические

дебаты о политике безопасности»¹. При этом в немецком общественном дискурсе зачастую сознательно пренебрегают обсуждением вопросов внешней политики и политики безопасности, выдвигая на обсуждение менее значимые темы (Maull, 2003).

На внутривластную дискуссию не повлияли и заявления ведущих политиков. Например, ситуация осталась неизменной даже после «мюнхенского консенсуса» 2014 г., когда президент Й. Гаук, министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер и министр обороны У. фон дер Ляйен заявили о готовности Германии взять на себя большую ответственность в вопросах международной безопасности (Белов, 2021). Несмотря на эти утверждения, немецкое население продолжало скептически относиться к более активной политике в области безопасности и обороны, выражением которой стали бы расширенные обязательства и возросшая ответственность за решение международных проблем (Giegerich & Terhalle, 2016).

В принятых в 2016–2018 гг. «Белой книге», «Всеобъемлющей концепции модернизации бундесвера» и правительственном документе «Предотвращение кризисов и укрепление мира» Германия расширила рамки деятельности бундесвера за рубежом, что теоретически должно было усилить роль армии во внешней политике (Басов и др., 2018; Glatz et al., 2018). Однако публикация этих документов также не привела к активизации политической дискуссии в стране.

На самостоятельность Германии в вопросах обороны не повлияли противоречия в отношениях с союзниками. Представители администраций Б. Обамы и Д. Трампа неоднократно упрекали Берлин в том, что он пользуется благами НАТО, не внося достаточного финансового вклада в организацию (Dorn, Potrafke & Schlepper, 2022). Между тем в Германии, напротив, призывали к увеличению численности американских войск на своей территории, сокращая при этом собственные расходы на оборону (Истомин & Соколов, 2021). Несмотря на декларативные заявления официальных лиц ФРГ о намерении усилить оборонный потенциал ЕС, германские политики испытывают затруднения в поиске альтернатив американским гарантиям безопасности (Соколов, 2019).

Перед выборами в бундестаг в 2021 г. военные вопросы оставались второстепенными в программах ведущих германских политических сил, так как не входили в число основных тем, волнующих избирателей². Даже ХДС, позиционирующая себя как «партия бундесвера», рассматривает вопросы военного развития исключительно с точки зрения выполнения ранее взятых обязательств (в частности, повышения военных расходов до целевого показателя НАТО – 2% от ВВП) и не выдвигает принципиально новые

¹ Müller N.M. (2019) Den Schuss nicht gehört. *Die Zeit*, 22 January. Available at: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2019-01/aussenpolitik-deutschland-europa-vereinte-nationen-internationale-verantwortung> (accessed 27 April 2024).

² Tagesschau (2021) Welche Themen entschieden die Wahl? Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/umfrage-wahlentscheidend.shtml> (accessed 27 April 2024).

предложения³. По другим вопросам, связанным с развитием армии, партии избегают конкретики и прибегают к расплывчатым формулировкам: например, «повышение обороноспособности страны», «улучшение технического оснащения бундесвера» или «повышение боевой готовности»⁴.

Внутриполитическая дискуссия в ФРГ и «смена эпох»

27 февраля 2022 г. канцлер ФРГ Олаф Шольц выступил в бундестаге с речью, которая положила начало «смене эпох»⁵. Шольц объявил, что Германия начнет выполнять обязательства перед НАТО и будет тратить на оборону не менее 2% ВВП, а также учредил специальный фонд в размере 100 млрд долларов для модернизации бундесвера. Эти меры, формально обусловленные реакцией на начало Специальной военной операции России на Украине, были направлены на достижение основной цели: создание в Германии самой сильной европейской неядерной армии⁶. Планы канцлера впервые привели к тому, что вопрос военного развития страны стал одним из центральных на повестке дня правительства. По мнению исследователей, такой подход к вопросам обороны спровоцировал «ренессанс обороны» – беспрецедентную дискуссию о будущем немецкой армии и ее боеготовности (Schwegmann, 2022).

Текущее правительство ФРГ, под управлением которого разработана и реализуется концепция «смены эпох», было сформировано 8 декабря 2021 г., спустя два месяца после выборов в бундестаг. В правящую коалицию вошли Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), партия «Союз 90 / Зеленые» и Свободная демократическая партия (СвДП).

В коалиционном договоре релевантные вопросы изложены в кратком одностороннем разделе «Оборона и бундесвер», в котором отсутствуют конкретные планы по развитию бундесвера за исключением обязательства по закупке боевого реактивного самолета *Tornado*⁷. Тема военного развития изначально несла конфликтный потенциал, особенно в отношении вопросов об обещанном увеличении оборонных расходов, будущем американского ядерного оружия на территории ФРГ и новых закупках вооружений у союзников⁸. Так, только ХДС прямо заявляла о поддержке «совместного использования ядерного оружия с союзниками», тогда как другие партии ссылались

³ Die CSU (2021) Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Available at: <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf> (accessed 27 April 2024).

⁴ Franke U. (2021) Foreign and defence policy in the German election. *European Council on Foreign Relations*, 16 September. Available at: <https://ecfr.eu/article/foreign-and-defence-policy-in-the-german-election/> (accessed 27 April 2024).

⁵ Bundesregierung (2022) Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (accessed 5 May 2024).

⁶ Bundesregierung (2022) Interview des Bundeskanzlers mit der Stuttgarter Zeitung. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/interview-bundeskanzler-2045212> (accessed 5 May 2024).

⁷ Die SPD (2021) Koalitionsvertrag 2021–2025. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (accessed 5 May 2024).

⁸ Franke U. (2021) Foreign and defence policy in the German election. *European Council on Foreign Relations*, 16 September. Available at: <https://ecfr.eu/article/foreign-and-defence-policy-in-the-german-election/> (accessed 27 April 2024).

исключительно на долгосрочную цель отказа от ядерного оружия всем мировым сообществом⁹. Разногласия по этим вопросам могли привести к серьезным спорам и усложнить формирование коалиции. Поэтому обтекаемые формулировки о важности «учета стратегических вызовов и угроз при определении задач бундесвера» были призваны обезопасить коалицию от конфликтов между различными ведомствами, которые возглавили представители трех партий.

Отсутствие ясного понимания того, как действовать в условиях возросшего значения военно-политического фактора в публичной дискуссии, стало одним из главных вызовов для правящей коалиции, препятствующим реализации планов в рамках «смены эпох». Так, межпартийные переговоры по подготовке Стратегии национальной безопасности затянулись на 15 месяцев¹⁰, а идея создания Совета национальной безопасности, который должен был координировать ключевые вопросы обороны, и вовсе провалилась из-за противоречий между Ведомством федерального канцлера и МИД ФРГ¹¹.

«Смена эпох» для немецких партий

Центральную роль в формировании и реализации концепции «смены эпох» сыграла Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), основным лидером которой является канцлер О. Шольц. На федеральном уровне ответственность за выполнение нового курса была возложена на Б. Писториуса, который через год после объявления этих планов сменил К. Ламбрехт на посту министра обороны. На партийном уровне курс поддержал председатель СДПГ Л. Клингбайль. Он продвигал новый нарратив партии – идею «реалистичной политики мира», предполагающую, что Германия должна рассматривать военную силу как «законное средство политики» в международных отношениях¹².

Тем не менее курс на создание сильной армии, объявленный О. Шольцем и поддержанный его сторонниками, за два года не привел к каким-либо значительным результатам, что подтверждается ежегодными докладами Уполномоченного бундестага по делам военнослужащих Е. Хегель¹³. В начале 2024 г. Хегель сделала вывод об «ограниченной боеготовности бундесвера», отметив отсутствие существенных улучшений в материально-техническом

⁹ CDU (2021) Ein guter Plan für Deutschland. Available at: <https://www.cdu.de/artikel/ein-guter-plan-fuer-deutschland> (accessed 5 May 2024).

¹⁰ Die Zeit (2023) Nationale Sicherheitsstrategie mit Lücken. Available at: <https://www.zeit.de/news/2023-06/14/deutschland-bekommt-erstmal-nationale-sicherheitsstrategie> (accessed 5 May 2024).

¹¹ Tagesspiegel (2023) Deutschland bekommt keinen Nationalen Sicherheitsrat. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/internationales/deutschland-bekommt-keinen-nationalen-sicherheitsrat-treueschwur-auf-das-resortdenken-9486446.html> (accessed 5 May 2024).

¹² Klingbeil L. (2022) Der Westen hat sich lange zu sicher gefühlt. *Ipg-Journal*, 22 June. Available at: <https://www.spd.de/aktuelles/detail/news/zeitenwende-der-beginn-einer-neuen-aea/22/06/2022> (accessed 5 May 2024).

¹³ Deutscher Bundestag (2023) Jahresbericht der Wehrbeauftragten im Parlament beraten. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw03-de-wehrbericht-2022-983206> (accessed 5 May 2024).

обеспечении и инфраструктуре¹⁴. По мнению военных экспертов, текущий уровень оборонных расходов может оказаться достаточным для поддержания коалиции до конца срока ее полномочий, но явно недостаточен для долгосрочного развития бундесвера¹⁵.

С начала 2022 г. наибольшие изменения произошли в партии «Союз 90/Зеленые», которая, отойдя от привычного пацифистского образа, стала главным сторонником ремилитаризации Германии и активной военной поддержки Украины. Эту позицию особенно активно продвигали министр иностранных дел А. Бербок и министр экономики и проблем климата Р. Хабек¹⁶. Партия пытается инструментализировать свой правозащитный и ценностный имидж с акцентом на экологическую тематику для оправдания увеличения военной мощи Германии и ее способности применять военную силу. При этом если в начале 2022 г. активная риторика и готовность к радикальным действиям поддерживались значительной частью населения, что положительно влияло на личные рейтинги Бербок и Хабек (весной 2022 г. они были самыми популярными политиками в ФРГ¹⁷), то уже с февраля 2023 г. отсутствие значимых результатов работы коалиции начали связывать с неэффективностью этих политиков, что привело к серьезному оттоку сторонников из рядов «Зеленых»¹⁸.

С другой стороны, на протяжении двух лет после объявленных перемен «Зеленые» проводят курс на максимальное размывание понятий «безопасность» и «оборона»: они стремятся рассматривать вопросы «смены эпох» не только с точки зрения обороноспособности, но и сочетать их с темами, казалось бы, не связанными с военной проблематикой. В 2022 г. МИД ФРГ опубликовал Стратегию феминистской внешней политики – документ, в котором феминизм рассматривается через призму «смены эпох» и как средство достижения внешнеполитических целей¹⁹. В опубликованной год спустя Стратегии национальной безопасности Бербок предложила рассматривать безопасность не только в рамках «вооруженных сил и дипломатии», но как «комплексную безопасность для всех сфер жизни»²⁰. В 2023 г. ведомство

¹⁴ *Vorwärts* (2024) Wehrbeauftragte Eva Högl: Wo die Zeitenwende mehr Tempo braucht. 12 March. Available at: <https://www.vorwaerts.de/inland/wehrbeauftragte-eva-hoegl-wo-die-zeitenwende-mehr-tempo-braucht> (accessed 5 May 2024).

¹⁵ *Tagesschau* (2024) Heftige Kritik am Verteidigungsetat. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/verteidigung-etat-bundeswehr-kritik-100.html> (accessed 15 July 2024).

¹⁶ *ZDF* (2024) Die Abkehr der Grünen. Available at: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/gruene-waffen-ruestung-partei-wandel-krieg-100.html> (accessed 15 May 2024).

¹⁷ *Ipsos* (2022) Baerbock und Habeck beliebteste Minister. Available at: <https://www.ipsos.com/de-de/baerbock-und-habeck-beliebteste-minister-ansehensverlust-fur-scholz-lauterbach-und-lambrecht> (accessed 15 July 2024).

¹⁸ *Tagesschau* (2023) Das Dilemma der Grünen. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-habeck-graichen-100.html> (accessed 15 July 2024).

¹⁹ *Das Auswärtige Amt* (2023) Shaping Feminist Foreign Policy. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2585076/4d2d295dad8fb1c41c6271d2c1a41d75/ffp-leitlinien-data.pdf> (accessed 5 May 2024).

²⁰ *Grüne Bundestag* (2023) Nationale Sicherheitsstrategie, 16 June. Available at: <https://www.gruene-bundestag.de/parlament/bundestagsreden/nationale-sicherheitsstrategie-2> (accessed 5 May 2024).

Хабека выпустило документ «Промышленная политика в «смену эпох»», где министр призывает использовать перемены для ускоренного перехода к климатической нейтральности и развитию возобновляемых источников энергии²¹.

Свободная демократическая партия (СвДП) также оказалась в сложной ситуации. Лидер партии К. Линднер, занявший после выборов пост министра финансов, столкнулся с трудностями в выполнении данных в коалиционном соглашении обещаний по поддержке военных проектов на фоне экономического спада²². Стремление Линднера к «смене эпох» в финансовой политике Германии не нашло поддержки в коалиции, а вопрос расходов на оборону стал основным камнем преткновения при формировании государственного бюджета на 2023, 2024 и 2025 гг., обострив конфликт между ведомствами²³. Увеличение финансирования армии требует перераспределения средств на других направлениях, прежде всего социальных, а также пересмотра налоговой и долговой политики²⁴, что осложняется на фоне прогнозируемого снижения экономики на 0,2% в 2024 г.²⁵

Таким образом, выступая в рамках «смены эпох» с конкурирующими позициями и акцентируя внимание на узких темах общей повестки дня, ключевые представители правящих партий усиливают конфликт в коалиции, обнажая проблему дефицита лидерства в современной германской политике. Быстро меняющиеся партийные установки ослабляют идейную основу всех трех правящих партий, негативно сказываясь на их общественном имидже. К осени 2024 г. уровень поддержки этих партий составил 28%²⁶. На этом фоне в коалиции сформировались отдельные межпартийные блоки, среди которых особое внимание привлекает «ястребиное крыло», представленное лидерами от каждой партии: от СДПГ – председатель комитета по внешней политике в бундестаге М. Рот, от «Зеленых» – председатель комитета по делам Европы А. Хофрайтер, от СвДП – председатель комитета по обороне М.-А. Штрак-Циммерман (с лета 2024 г. – депутат Европарламента)²⁷.

²¹ BMWK (2023) Industriepolitik in der Zeitenwende. Available at: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/industriepolitik-in-der-zeitenwende.pdf?__blob=publicationFile&v=16 (accessed 5 May 2024).

²² *Die Welt* (2023) Jeder zweite Deutsche fürchtet, seinen Lebensstandard nicht halten zu können. Available at: <https://www.welt.de/wirtschaft/article245492828/Jeder-zweite-Deutsche-fuerchtet-seinen-Lebensstandard-nicht-halten-zu-koennen.html> (accessed 12 May 2024).

²³ Lindner C. (2023) Finanzpolitische Zeitenwende. *Wirtschaftsdienst*. Available at: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2023/heft/8/beitrag/finanzpolitische-zeitenwende-das-fundament-fuer-wachstum-schaffen.html> (accessed 12 May 2024).

²⁴ *Spiegel* (2024) Das 28-Milliarden-Euro-Loch bei der Verteidigung. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-und-haushaltsstreit-das-28-milliarden-euro-loch-bei-der-verteidigung-a-fa424020-0f7d-497f-9b5a-8b52158c2b9d> (accessed 28 July 2024).

²⁵ *Tagesschau* (2024) Regierung rechnet auch 2024 mit Rezession. Available at: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/konjunktur/rezession-konjunktur-100.html> (accessed 11 October 2024).

²⁶ *Die Welt* (2023) Ampel auf Rekordtief. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article253435352/Umfragen-Ampel-auf-Rekordtief-FDP-faellt-auf-schlechtesten-Wert-seit-fast-zehn-Jahren.html> (accessed 6 September 2024).

²⁷ *Berliner Zeitung* (2023) Ampel-Parteien fordern mehr Waffen für die Ukraine. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/news/munition-munition-munition-ampel-parteien-marie-agnes-strack-zimmermann-anton-hofreiter-michael-roth-wuenschen-sich-mehr-waffen-fuer-die-ukraine-krieg-li.340947> (accessed 12 May 2024).

Благодаря их руководящим должностям и значительному влиянию в партиях, позиции этих политиков способствуют радикализации правительственного курса в военных вопросах.

Эти три политика являются основными сторонниками усиления военной поддержки Украины. В апреле 2022 г. они стали первыми высокопоставленными представителями правящей коалиции, посетившими Украину после начала Специальной военной операции (СВО)²⁸. Они особенно активно призывают к увеличению помощи Киеву²⁹, несмотря на то, что Германия уже является крупнейшим европейским донором украинского правительства³⁰.

Таким образом, вместо необходимой для коалиции лидерской роли «ястребиные» политики, напротив, ослабляют и без того хрупкий союз. Во-первых, они переходят «красные линии» в вопросах поддержки Украины, требуя от правительства шагов, которые еще несколько лет назад казались немыслимыми для немецкой политической дискуссии. Ярким примером стали требования Штрак-Циммерман и Хофрайтера о поставках Украине крылатых ракет *Taurus*, способных наносить удары в глубину российской территории и требующих управления со стороны немецких военнослужащих. И хотя большинство граждан Германии (61% опрошенных) выступают против поставок³¹, радикальные силы в бундестаге стремятся такими требованиями добиться еще большего вовлечения Германии в конфликт на Украине³².

Во-вторых, выдвигая непопулярные среди населения требования, политики все более явно демонстрируют, что действуют в интересах отдельных заинтересованных групп, а не избирателей. Особенно это заметно на примере Штрак-Циммерман, которая занимает ключевые позиции в нескольких структурах и организациях, входящих в оружейное лобби Германии, таких как «Германское общество оборонной техники» и «Организация поддержки германской армии»³³. Она также поддерживает тесные контакты с руководством *Rheinmetall* и других военных концернов страны³⁴. На этом фоне сама

²⁸ *Spiegel* (2022) Deutsche Ausschussvorsitzende auf dem Weg in die Ukraine. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-marie-agnes-strack-zimmermann-michael-roth-und-anton-hofreiter-auf-dem-weg-in-die-westukraine-a-f2953fa1-e8e4-4150-95a7-c3b283c52460> (accessed 12 May 2024).

²⁹ *Spiegel* (2022) Der Wunsch nach schweren Waffen wurde uns sehr klar vermittelt, 12 April. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/russland-ukraine-krieg-anton-hofreiter-marie-agnes-strack-zimmermann-michael-roth-in-lwiw-so-lief-es-a-2ad639ab-6b87-4aa0-8fd9-6a518906a4ef> (accessed 20 May 2024).

³⁰ *Statista* (2024) Ukraine-Krieg: Militärische, finanzielle und humanitäre Unterstützung ausgewählter Länder¹ für die Ukraine, 30 April. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1303434/umfrage/bilaterale-unterstuetzung-fuer-die-ukraine-im-ukraine-krieg/> (accessed 20 May 2024).

³¹ *Tagesschau* (2024) Mehrheit gegen "Taurus"-Lieferung an die Ukraine. Available at: <https://tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3416.html> (accessed 20 May 2024).

³² Enhi E. (2024) Mehrheit gegen "Taurus"-Lieferung an die Ukraine. *Tagesschau*, 7 March. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3416.html> (accessed 20 May 2024).

³³ *Neue Osnabrücker Zeitung* (2022) Verflechtungen mit der Rüstungsindustrie? Lobbycontrol kritisiert Strack-Zimmermann. Available at: <https://www.noz.de/deutschland-welt/politik/artikel/nah-an-ruestungsbranche-lobbycontrol-kritisiert-strack-zimmermann-40051162> (accessed 20 May 2024).

³⁴ *TAZ* (2023) Panzertante mit Haarhelm, 24 January. Available at: <https://taz.de/Die-Wahrheit/15907641/> (accessed 20 May 2024).

компания *Rheinmetall* демонстрирует рекордные показатели: в 2023 г. ее прибыль выросла на 19% и составила 918 млн евро³⁵.

Игнорирование мнения немецких избирателей может привести не только к новым внутрипартийным разногласиям, но и отчуждению инициаторов этих решений. Так, в марте 2024 г. М. Рот заявил, что после выборов 2025 г. намерен покинуть СДПГ, сравнив фракционные заседания с «пребыванием в холодильнике»³⁶.

Радикальные взгляды представителей правящей коалиции оказывают непосредственное влияние на реальные решения. Это подтверждают события конца мая 2024 г., когда правительство ФРГ допустило использование украинскими военными немецкого оружия для ударов по целям на территории России. Таким образом, идеи в военно-политической сфере, которые поначалу кажутся маргинальными, спустя короткий срок могут стать основой для решений, принимаемых правительством.

Главным бенефициаром правительственного кризиса является лидер оппозиции – союз ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз в Баварии). В вопросах военной политики христианские демократы по взглядам близки к «ястребиному крылу» коалиции. Так, в опубликованной в мае 2024 г. «Основополагающей программе ХДС» одной из приоритетных задач для правительства ФРГ называется «способность Германии к самообороне и боеспособность бундесвера»³⁷.

Наиболее активным сторонником курса на более агрессивную военную политику выступает глава ХДС Ф. Мерц, который использует милитаристские настроения для привлечения избирателей в преддверии выборов в бундестаг 2025 г. Помимо критики правительства практически по всем вопросам военной политики, включая финансирование реформы бундесвера и «недостаточную» военную поддержку Украины, Мерц также призывает к изменениям в немецком обществе, выступая за более активное участие граждан в военно-политической повестке. По его мнению, политика безопасности должна стать приоритетной для Германии, а само немецкое общество – более «оборонеспособным и устойчивым»³⁸.

Конкретный выход из сложившейся ситуации в ХДС видят в восстановлении обязательной военной службы. Соответствующее решение было закреплено на партийном съезде в мае 2024 г.³⁹ Хотя детали процесса призыва

³⁵ *Tagesschau* (2024) Rheinmetall profitiert vom Rüstungsboom, 14 March. Available at: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/unternehmen/rheinmetall-rekord-ruestungsboom-aktie-dividende-100.html> (accessed 20 May 2024).

³⁶ *Tagesschau* (2024) SPD-Außenpolitiker Roth will Politik verlassen, 26 March. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/roth-spd-verlaesst-politik-100.html> (accessed 26 May 2024).

³⁷ *CDU Deutschlands* (2024) Grundsatzprogramm der CDU Deutschlands. Available at: <https://www.grundsatzprogramm-cdu.de/> (accessed 26 May 2024).

³⁸ *Die CDU/CSU* (2024) Zeitenwende: „Nur Stärke schreckt ab“, 11 April. Available at: <https://www.cducusu.de/themen/zeitenwende-nur-staerke-schreckt-ab> (accessed 26 May 2024).

³⁹ *Die Zeit* (2024) CDU will Wehrpflicht schrittweise wieder einführen. Available at: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2024-05/cdu-parteitag-wehrpflicht-aussetzung-ruecknahme-bundeswehr-gesellschaftsjahr> (accessed 26 May 2024).

и прохождения военной службы пока не проработаны, это заявление свидетельствует о коренном изменении позиции партии, которая ранее, во времена А. Меркель, сама инициировала отмену обязательной службы в 2011 г.

Несмотря на то, что союз ХДС/ХСС на текущий момент считается главным соперником правящей коалиции, критика со стороны христианских демократов по-прежнему остается в рамках мейнстрима немецкой политики. Так, в 2024 г. именно парламентская группа ХДС/ХСС, критикуя правительство за «медлительность», первой призвала к поставкам Украине тяжелого вооружения⁴⁰, а позже выступила с резолюцией о передаче Киеву ракет *Taurus*⁴¹. Для создания боеготового бундесвера в ХДС/ХСС также считают необходимым сформировать «армию дронов», которая поддерживала бы как военно-воздушные силы, так и сухопутные войска и флот. Соответствующее предложение было отклонено в бундестаге силами правящей коалиции и «Левой»⁴².

Радикально иной взгляд на происходящее в бундесвере предлагают немейнстримные партии, среди которых выделяются прежде всего «Альтернатива для Германии» (в мае 2024 г. поддержка населения составляла 17%) и «Союз Сары Вагенкнехт» (7%)⁴³. Хотя отдельные представители этих партий стремятся представить альтернативное видение будущего бундесвера и военной поддержки Украины, давление со стороны мейнстримных СМИ и общественных организаций сдерживает развитие их потенциала. Поскольку эти партии пока остаются маргинальными на федеральном уровне, их влияние на политику официального Берлина носит ограниченный характер.

Заключение

Таким образом, отсутствие активной дискуссии о стратегическом военно-политическом развитии ФРГ и общая инерционность немецкого внешнеполитического мышления привели к тому, что накануне выборов в бундестаг 2021 г. ни одна из партий не представила четкую позицию по вопросу развития немецкой армии и выработанного подхода к использованию военной силы во внешней политике. В результате «смена эпох», объявленная в 2022 г., не привела к обещанному О. Шольцем развитию Германии как крупного европейского игрока с высоким военным потенциалом, а, напротив, стала вызовом для правительства страны.

⁴⁰ Bundestag (2022) Bundestag stimmt für Lieferung schwerer Waffen an die Ukraine. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw17-de-selbstverteidigung-ukraine-891272> (accessed 26 May 2024).

⁴¹ Bundestag (2024) Lieferung von Taurus-Marschflugkörpern an die Ukraine abgelehnt. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw11-de-ukraine-992936> (accessed 26 May 2024).

⁴² Deutscher Bundestag (2024) Keine Mehrheit für Antrag zum Aufbau einer Drohnenarmee. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw20-de-drohnenarmee-1002392> (accessed 26 May 2024).

⁴³ DAWUM (2024) Wahlumfrage zur Bundestagswahl von INSA. Available at: <https://dawum.de/Bundestag/INSA/2024-05-25/> (accessed 26 May 2024).

Предпочтение краткосрочного планирования, ограниченного временными рамками ближайших выборов, а также идеалистический и популистский подход большинства крупных политических сил к вопросам международной безопасности предрекают новые политические проблемы для правящей коалиции. Первым проявлением этих тенденций стали результаты выборов в Европарламент и земельные выборы в ландтаги Бранденбурга, Саксонии и Тюрингии, на которых еще острее, чем на выборах в бундестаг, проявилась глубокая поляризация немецкого общества.

Список литературы

1. Басов Ф.А., Кокеев А.М., Васильев В.И., Хорольская М.В. (2018) Немецкое представление о безопасности. *Международная жизнь* 10: 37–54.
2. Белов В.Б. Внешняя политика Германии в условиях актуальных вызовов. (2021) *Международная аналитика*. 12(3):38–58.
3. Власов Н.А. (2016) Уроки Гиндукуша: миссия Бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения* 3: 108–121. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.309.
4. Егоров А.И. (2012) Германский бундесвер: реформы и применение (1990 – 2003 гг.). *Via in tempore. История. Политология* 7 (126): 99–105.
5. Истомин И., Соколов А. (2021) Американский контингент в ФРГ: символ безопасности, гарант лояльности, предмет роскоши? *Мировая экономика и международные отношения* 65(3): 60–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72.
6. Меден Н.К. (2015) О некоторых тенденциях в оборонной политике Германии. *Вестник МГИМО-Университета* 2(41): 143–151. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-143-151.
7. Павлов Н.В., Хдери К.Ю. (2020) ФРГ и кризис в Сирии: активный посредник или пассивный наблюдатель? *Мировая экономика и международные отношения* 12(64): 78–86. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86.
8. Рустамова Л.Р. (2021) Реформирование бундесвера и будущее миротворчества ФРГ. *Мировая политика* 4: 29– 43. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.4.36992.
9. Синдеев А. (2015) Реформа бундесвера: три этапа. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 86–94. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-3-86-94.
10. Соколов А.П. (2019) Безопасность Германии и военное присутствие США в ФРГ: «комфортная» оккупация или союзническая солидарность? *Международная аналитика* 1-2: 41–51. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-41-51.
11. Трунов Ф.О. (2018) Использование бундесвера в борьбе с «Исламским государством» – в составе западной коалиции? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 18(4): 806–822. DOI: 10.22363/23130660-2018-18-4-806-822.
12. Трунов Ф.О. (2021) Стратегия и тактика ФРГ в военно-политической области. *Международные процессы* 19(2): 50–73. DOI:10.17994/IT.2021.19.2.65.4.
13. Трунов Ф.О. (2022) Современное состояние и перспективный облик вооруженных сил ФРГ: стратегические императивы, вызовы и возможности технологического переоснащения. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика* 3: 72–98.
14. Хришкевич Т.Г. (2016) Зарубежные миссии бундесвера в начале XXI века. *Псковский военно-исторический вестник* 2: 176–183.
15. Baumann R., Hellmann G. (2001) Germany and the Use of Military Force: 'Total War', the 'Culture of Restraint' and the Quest for Normality. *German Politics* 10(1): 61–82.

16. Crawford B., Olsen K. (2017) The Puzzle of Persistence and Power: Explaining Germany's Normative. Foreign Policy. *German Politics* 26(4): 591–608. DOI: 10.1080/09644008.2017.1364365.
17. Dorn F., Potrafke N. & Schlepper M. (2022) Zeitenwende in der Verteidigungspolitik? *Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München* 75: 37–45.
18. Dyson T. (2011) Managing Convergence: German Military Doctrine and Capabilities in the 21st Century. *Defence Studies* 11(2): 244–270. DOI: 10.1080/14702436.2011.590047.
19. Giegerich B., Terhalle M. (2016) The Munich Consensus and the Purpose of German Power. *Survival* 58(2): 155–166.
20. Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik –SWP– Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit.
21. Hein P. (2011) In the Shadow of Pacifism: Foreign Policy Choices of Germany and Japan in Afghanistan. *East Asia* 28(2): 135–155. DOI: 10.1007/s12140-011-9140-5.
22. Hyde-Price A. (2001) Germany and the Kosovo War: Still a Civilian Power? *German Politics* 10(1): 19–34. DOI:10.1080/09644000412331307374.
23. Longhurst K. (2005) *Germany and the Use of Force*. Manchester: Manchester University Press.
24. Maull H.W. (2003) Auf leisen Sohlen aus der Außenpolitik? *Internationale Politik* 9: 19–30.
25. Noetzel T., Schreer B. (2008) All the Way? the Evolution of German Military Power. *International Affairs* 84(2): 211–221. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00700.x.
26. Schwegmann C. (2024) Die Zeitenwende und die Renaissance der Verteidigung. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik* 17: 11–26. DOI: 10.1007/s12399-024-00978-8.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-6

MILITARY-POLITICAL STRATEGY IN THE GERMAN PARTY DEBATE BEFORE AND AFTER THE "ZEITENWENDE": TRENDS AND CONSEQUENCES

Alexander D. Davydov – Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-4382-6799. E-mail: a.davydov@inno.mgimo.ru
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-01501 "Transformation of the Military and Political Strategy of Germany as a Threat to the Security of the Russian Federation" (<https://rscf.ru/en/project/23-28-01501/>).

Received September 21, 2024

Accepted November 3, 2024

Abstract: The "Zeitenwende" announced by German Chancellor Olaf Scholz in 2022 has seriously altered the German domestic political debate. For the first time since the end of the Cold War, German politicians have begun to put the issue of their own country's defense capability as one of the central topics of internal political discussion. The changes in the public debate provide a new perspective on the current trends in the political landscape, the changing balance of power

and the prioritization of various topics in domestic politics. The author therefore aims to determine the place of the domestic German debate on military-political issues. For this purpose, the first objective of the article is to examine the evolution of the German public discourse around military issues, noting its limitations and marginalization. The second task is to study the development after the announced "Zeitenwende" in 2022, focusing on the deliberate politicization of this issue by the leading German parties, which for the first time in recent decades are forced to search for their own niche in military policy. The latest developments since February 2022 are examined through the prism of key party documents and government decrees, as well as public statements of leading politicians. The author assesses the orientation of key actors and the magnitude of their influence on political processes. This approach allows to embed the study in the existing body of publications and adds novelty through the analysis of current documents. As a result, the author illustrates how the German military strategy, having become one of the central themes in contemporary German politics, immediately became a "bargaining chip" in the disputes between the parties.

Keywords: German domestic policy, German foreign policy, security and defense policy, Zeitenwende, German parties, Bundestag, German-Russian relations, European security

References:

1. Basov F.A., Kokeev A.M., Vasiliev V.I., Khorolskaya M.V. (2018) Nemetskoye predstavleniye o bezopasnosti [*The German idea of security*]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [*The International Affairs*]10: 37-54. (In Russian).
2. Baumann R., Hellmann G. (2001) Germany and the Use of Military Force: 'Total War', the 'Culture of Restraint' and the Quest for Normality. *German Politics* 10(1): 61-82.
3. Belov V.B. (2021) German Foreign Policy in the Face of Current Challenges. *Mezhdunarodnaya Analitika* [*International Analytics*]12(3): 38-58. (In Russian).
4. Crawford B. & Olsen K. (2017) The Puzzle of Persistence and Power: Explaining Germany's Normative Foreign Policy. *German Politics* 26(4): 591-608. DOI: 10.1080/09644008.2017.1364365.
5. Dorn F., Potrafke N., Schlepper M. (2022) Zeitenwende in der Verteidigungspolitik? *Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München* 75: 37-45.
6. Dyson T. (2011) Managing Convergence: German Military Doctrine and Capabilities in the 21st Century. *Defence Studies* 11(2): 244-270. DOI: 10.1080/14702436.2011.590047.
7. Egorov A.I. (2012) Germanskiy Bundesver: Reformy i Primeneniye (1990 – 2003 gg.) [German Bundeswehr: Reforms and Application (1990 – 2003)]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* [*Via in Tempore. History. Political Science*]7(126): 99-105. (In Russian).
8. Giegerich B., Terhalle M. (2016) The Munich Consensus and the Purpose of German Power. *Survival* 58(2): 155-166.
9. Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP – Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. (In German).
10. Hein P. (2011) In the Shadow of Pacifism: Foreign Policy Choices of Germany and Japan in Afghanistan. *East Asia* 28(2): 135-155. DOI: 10.1007/s12140-011-9140-5.
11. Hyde-Price A. (2001) Germany and the Kosovo War: Still a Civilian Power? *German Politics* 10(1): 19-34. DOI: 10.1080/09644000412331307374.
12. Istomin I., Sokolov A. (2021) Amerikanskiy Kontingent v FRG: Simvol Bezopasnosti, Garant Loyal'nosti, Predmet Roskoshi? [American Troops in Germany: A Symbol of Security, a Guarantor of Loyalty, a Luxury Item?] *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyye Otnosheniya* [*World Economy and International Relations*]65(3): 60-72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72. (In Russian).

13. Khrishkevich T.G. (2016) Zarubezhnyye Missii Bundesvera v Nachale XXI Veka [Foreign Missions of the Bundeswehr at the Beginning of the 21st Century]. *Pskovskiy Voenno-Istoricheskiy Vestnik [Pskov Military Historical Bulletin]* 2: 176–183. (In Russian).
14. Longhurst K. (2005) *Germany and the Use of Force*. Manchester: Manchester University Press.
15. Maull H.W. (2003) Auf Leisen Sohlen aus der Außenpolitik? *Internationale Politik* 9: 19–30. (In German).
16. Meden N.K. (2015) O Nekotorykh Tendentsiyakh v Oboronnoy Politike Germanii [On Some Trends in German Defense Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]* 2(41): 143–151. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-143-151. (In Russian).
17. Noetzel T., Schreer B. (2008) All the Way? The Evolution of German Military Power. *International Affairs* 84(2): 211–221. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00700.x.
18. Pavlov N.V., Khderi K.Yu. (2020) FRG i Krizis v Sirii: Aktivnyy Posrednik ili Passivnyy Nablyudatel'? [Germany and the Crisis in Syria: Active Mediator or Passive Observer?] *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyye Otnosheniya [World Economy and International Relations]* 12(64): 78–86. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86. (In Russian).
19. Rustamova L.R. (2021) Reformirovaniye Bundesvera i Budushcheye Mirotvorchestva FRG [Reform of the Bundeswehr and the Future of German Peacekeeping]. *Mirovaya Politika [World Politics]* 4: 29–43. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.4.36992. (In Russian).
20. Schwegmann C. (2024) Die Zeitenwende und die Renaissance der Verteidigung. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik* 17: 11–26. DOI: 10.1007/s12399-024-00978-8. (In German).
21. Sindeev A. (2015) Reforma Bundesvera: Tri Etapa [Reform of the Bundeswehr: Three Stages]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyye Otnosheniya [World Economy and International Relations]* 3: 86–94. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-3-86-94. (In Russian).
22. Sokolov A.P. (2019) Bezopasnost' Germanii i Voennoye Prisutstviye SSHA v FRG: «Komfortnaya» Okkupatsiya ili Soyuznicheskaya Solidarnost'? [German Security and the US Military Presence in Germany: "Comfortable" Occupation or Allied Solidarity?] *Mezhdunarodnaya Analitika [International Analytics]* 1–2: 41–51. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-41-51. (In Russian).
23. Trunov F.O. (2018) Ispol'zovaniye Bundesvera v Bor'be s «Islamskim Gosudarstvom» – v Sostave Zapadnoy Koalitsii? [Using the Bundeswehr in the Fight Against the Islamic State – as Part of the Western Coalition?] *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye Otnosheniya [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: International Relations]* 18(4): 806–822. DOI: 10.22363/23130660-2018-18-4-806-822. (In Russian).
24. Trunov F.O. (2021) Strategiya i Taktika FRG v Voenno-Politicheskoy Oblasti [Strategy and Tactics of Germany in the Military-Political Field]. *Mezhdunarodnyye Protsessy [International Processes]* 19(2): 50–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.4. (In Russian).
25. Trunov F.O. (2022) Sovremennoye Sostoyaniye i Perspektivnyy Oblik Vooruzhennykh Sil FRG: Strategicheskiye Imperativy, Vyzovy i Vozmozhnosti Tekhnologicheskogo Pereosnashcheniya [Current State and Future Appearance of the Armed Forces of Germany: Strategic Imperatives, Challenges and Opportunities for Technological Re-Equipment] *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye Otnosheniya i Mirovaya Politika [Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics]* 3: 72–98. (In Russian)..
26. Vlasov N.A. (2016) Uroki Gindukusha: Missiya Bundesvera v Afganistane i Politika Bezopasnosti FRG [Lessons from the Hindu Kush: The Bundeswehr Mission in Afghanistan and the Security Policy of Germany] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye Otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political Science. International Relations]* 3: 108–121. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.309. (In Russian).

ПРЕПЯТСТВИЯ К МАКРОСЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ: КЕЙСЫ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Евгений УЧАЕВ, Артем КВАРТАЛЬНОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Несмотря на множество и многообразие попыток макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата, к настоящему моменту ни одна из них не была успешной. Существующие исследования не дают убедительного ответа на вопрос о причинах неудачных секьюритизаций, что связано как с общим недостатком внимания к подобным кейсам, так и с разрозненным, *ad hoc* характером предлагавшихся объяснений. Вместе с тем до сих пор не уделялось внимание тому, что процессы секьюритизации, подразумевающие суждения о потенциальной конечности существования объектов во времени, неотъемлемо связаны с определенными темпоральными представлениями. Попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата, провозглашая потенциальную конечность существования человечества, вступают в конфликт с основополагающими темпоральными представлениями Модерна, утверждающими бесконечность времени человечества. Они также оказываются несовместимы с социальной структурой системы суверенных государств, для которой бесконечная темпоральность Модерна выступает идейным условием возможности. Как следствие, попытки макросекьюритизации, с одной стороны, оказываются попытками делегитимации и институциональной трансформации системы суверенных государств. С другой стороны, социальная структура этой системы подталкивает действующих в ней акторов «этернализировать» глобальные угрозы, то есть интерпретировать ядерное оружие и изменение климата как совместимые с бесконечным существованием человечества. Действие этих механизмов иллюстрируется на примерах дискуссий по международному контролю над ядерным оружием во второй половине 1940-х гг. и по сотрудничеству в области климатической политики в 1987–1992 гг.

Евгений Иванович Учаев – преподаватель, аспирант, кафедра мировых политических процессов, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Артем Александрович Квартальнов – магистр международных отношений, участник научного коллектива проекта «Темпоральное измерение международных отношений в контексте глобальных угроз ядерной войны и изменения климата», МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 07.10.2023

Принята к публикации: 12.12.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №22-28-01054 (<https://rscf.ru/project/22-28-01054/>).

Рассмотренные примеры показывают, что в рамках государствоцентричной международной структуры лица, принимающие решения, действительно оказываются склонны к «этернализации» ядерного оружия и изменения климата.

Ключевые слова: макросекьюритизация, глобальные угрозы, изменение климата, ядерное оружие, темпоральность, этернализация, система суверенных государств

«Человечество проводит непреднамеренный, неконтролируемый и глобальный по своему охвату эксперимент, окончательные последствия которого могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»¹, – так начиналось итоговое заявление международной конференции по проблеме изменения климата, состоявшейся в июне 1988 г. в Торонто. Как видно, вот уже более 30 лет изменение климата окружено алармистской риторикой, изображающей его как угрозу самому существованию человечества. В свою очередь, ядерное оружие (ЯО) аналогичные тревожные рассуждения сопровождают более чем в два раза дольше, с самого момента его создания. Федерация американских ученых прямо утверждала в 1946 г. в обращении к широкой аудитории сборнике просветительских статей: «На кон поставлено выживание» (Federation of American (Atomic) Scientists, 1946: 79).

В логике одной из наиболее влиятельных современных теорий международной безопасности – теории секьюритизации – такого рода речевые акты являются «попытками секьюритизации» (англ. *"securitizing moves"*), которые «представляют что-то в качестве экзистенциальной угрозы определенному референтному объекту» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25). Если эти попытки приводят к принятию чрезвычайных мер по борьбе с угрозой, происходит успешная секьюритизация (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25–26). Впрочем, как отмечают исследователи, в случае ядерного оружия и изменения климата многочисленные попытки секьюритизации успехом до сих пор не увенчались (Trombetta, 2023: 87; Ruzicka, 2019: 376; Allan, 2017: 817).

Действительно, о чрезвычайных мерах говорить не приходится. В сфере борьбы с изменением климата по-прежнему отсутствуют какие-либо механизмы контроля за исполнением странами взятых на себя обязательств и наблюдается хронический дефицит необходимого для «зеленой трансформации» финансирования². В ядерной сфере продолжает последовательно

¹ World Meteorological Organization (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 292. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

² См., например, Matthews & Wynes, 2022.

разрушаться архитектура двусторонних и многосторонних мер контроля над вооружениями³. Почему эти две угрозы, несмотря на множество и многообразие предпринимавшихся попыток, так сопротивляются секьюритизации?

В настоящей статье авторы пытаются ответить на этот вопрос, отталкиваясь от концептуального сопряжения процессов секьюритизации с темпоральными представлениями, то есть представлениями о природе времени и существовании объектов во времени. Эта связь обосновывается во втором разделе, а перед этим, в первом разделе, авторы на основе обзора литературы иллюстрируют недостаточность объяснений, предлагавшихся до сих пор в рамках теории секьюритизации. Третий и четвертый разделы иллюстрируют релевантность авторского концептуального аргумента для объяснения неудачи ранних попыток секьюритизации ядерного оружия и изменения климата. Заключительный раздел обобщает основные выводы исследования.

Секьюритизация: препятствия и способствующие условия

Родоначальники теории секьюритизации отмечали, что важной переменной, влияющей на вероятность успешной секьюритизации, выступает масштаб («уровень») претендующего на защиту референтного объекта. Чаще и проще успешные секьюритизации происходят на «среднем уровне», то есть в тех случаях, когда референтными объектами выступают государства, нации и иные крупные, но партикулярные коллективы; тогда как объекты индивидуального и системного (глобального) уровня секьюритизировать сложнее. Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде объясняли это существованием на «среднем уровне» самоподдерживающегося межгруппового соперничества, которое способствует взаимному формированию сразу у нескольких коллективов как устойчивой «своей» идентичности, обеспечивающей легитимность притязаний группы на защиту, так и образа внешнего «врага», представляющего собой угрозу (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998: 36–37).

Некоторое время спустя Б. Бузан и О. Уэвер частично пересмотрели собственные ранние тезисы и разработали концепцию «макросекьюритизации» для анализа секьюритизаций в отношении референтных объектов «выше среднего уровня», например, универсальных религий или идеологий (Buzan & Wæver, 2009: 257). Они признали, что подобные макросекьюритизации регулярно встречаются в истории: от противостояния времен крестовых походов, представлявшего собой взаимную макросекьюритизацию двумя универсальными религиями друг друга, до холодной войны (Buzan & Wæver, 2009:

³ См., например, Арбатов, 2023: 22–24. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье речь идет о секьюритизации *ядерного оружия самого по себе* как угрозы существованию – и человечества (в первую очередь), и отдельных стран. Использование ядерного оружия одним государством против другого, безусловно, секьюритизировано, однако здесь основной угрозой выступает другое государство и его агрессия, а ЯО – лишь одним из возможных инструментов реализации этой угрозы. Также секьюритизировано *распространение* ядерного оружия, о чем свидетельствует применение чрезвычайных мер в виде санкций СБ ООН, что, опять же, не равнозначно секьюритизации ЯО самого по себе (владение им «ядерной пятеркой» остается не секьюритизировано).

269–270) и «войны с террором» как самой успешной макросекьюритизации 2000–х гг. (Buzan & Wæver, 2009: 272–274). Однако они отмечали, что попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата сталкиваются с большими трудностями (Buzan & Wæver, 2009: 270–272).

Б. Бузан и О. Уэвер также утверждали, что макросекьюритизация всегда происходит в рамках определенного универсалистского дискурса, и выделяли четыре типа таких дискурсов: «инклюзивный универсализм» (идеологии / религии, претендующие на охват всех людей); «эксклюзивный универсализм» (идеологии / религии, легитимирующие мировое доминирование одной группы людей над всеми другими); «универсализм существующего порядка» (приверженность первичным институтам современного глобального международного общества); «универсализм физической угрозы» (противостояние физическим угрозам выживанию всего человечества) (Buzan & Wæver, 2009: 260–261). Нетрудно заметить, что и ядерное оружие, и изменение климата относятся к последнему типу – «универсализму физической угрозы», тогда как приведенные выше примеры успешных макросекьюритизаций связаны с первыми тремя типами. Таким образом, вопрос о причинах неудач секьюритизации ЯО и климата можно переформулировать следующим образом: почему из всех типов макросекьюритизаций наименее успешными оказываются те, что связаны с «универсализмом физической угрозы»?

Существующие работы систематического ответа на этот вопрос не дают. Авторам не известно о каких-либо исследованиях сравнительной успешности разных типов макросекьюритизаций, а предложенная Б. Бузаном и О. Уэвером типология универсалистских дискурсов почти не получила распространения⁴. Родоначальники теории изначально предполагали, что на успешность секьюритизации влияют: а) согласие «аудитории» (англ. *"audience"*); б) «способствующие условия», в первую очередь, социальный капитал актора секьюритизации, его легитимность и характеристики самой угрозы; в) степень институционализации⁵ (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 25–33). Дальнейшие исследования рассматривали преимущественно влияние этих факторов, попутно добавив еще более широкую категорию «контекста», понимаемого как совокупность социальных и даже экологических условий, в которых осуществляется попытка секьюритизации (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 499–504).

⁴ Поиск в Google Scholar по фразе *"physical threat universalism"* дает всего 14 (!) результатов (по состоянию на 5 декабря 2023 года), большинство из которых – магистерские и кандидатские диссертации.

⁵ Хотя Б. Бузан с соавторами и не относили институционализацию напрямую к «способствующим условиям», они тем не менее отмечали: «Одна из трудностей, с которыми сталкиваются попытки секьюритизации экологических проблем, заключается в том, что эти угрозы новые (или недавно открытые), а их экзистенциальная срочность является предметом споров. Как следствие, сторонники таких секьюритизаций (пока) не располагают соответствующими институтами и вынуждены действовать в политическом контексте, где доминируют институты безопасности, созданные для противодействия другим видам угроз [курсив Е.У и А.К.]» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 29).

Категория «аудитории», однако, оказалась крайне проблематичной для анализа, и четкие критерии согласия аудитории с попыткой секьюритизации до сих пор не были предложены (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 499–500). Учитывая, что макросекьюритизация подразумевает референтные объекты более масштабные, чем отдельное государство, возникает предположение, что в данном случае величина и гетерогенность аудитории выступают сдерживающими факторами. Вместе с тем это не объясняет различия в успешности разных типов макросекьюритизаций.

Объяснение через социальный капитал актора в рассматриваемых случаях также не является убедительным, поскольку попытки макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата предпринимались различными акторами: от транснационального научного сообщества (Allan, 2017; Adler, 1992) и гражданского общества (Михайленко, 2022) до официальных представителей и лидеров государств (Arias, 2022; Dupont, 2019). Что касается характеристик угрозы, еще родоначальники теории в качестве одной из причин отсутствия секьюритизации экологических проблем отмечали их «удаленность во времени» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 82–83). Однако дискурс безопасности всегда «имеет дело с будущим, альтернативными сценариями будущего, часто гипотетическими» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 32), поскольку все угрозы в какой-то степени «удалены во времени». Почему именно в случае экологических угроз этот фактор становится препятствием – не проясняется. Кроме того, объяснение через «удаленность» еще менее применимо к ядерному оружию, использование которого может привести к катастрофическим последствиям за считанные минуты.

Наличие или отсутствие институционализации само по себе также не является достаточным объяснением. Хотя угрозы, для борьбы с которыми нет существующих институтов, действительно труднее секьюритизировать, это все равно не объясняет, почему в одних случаях создаются новые институты⁶, а в других – нет. Наконец, категория «контекста» преимущественно привлекается для общего аргумента, что успешность секьюритизации зависит не только от внутренних свойств речевого акта, но и от внешних ему социальных условий, не способствуя теоретизации каких-либо конкретных факторов и их влияния (Balzacq, Léonard & Ruzicka, 2016: 502–504).

Как отмечает Я. Ружичка, недостаточная концептуальная проработка переменных, влияющих на успех или неудачу попытки секьюритизации, во многом связана с общим дисбалансом в сторону изучения случаев успешных секьюритизаций (Ruzicka, 2019). Он уходит корнями в основополагающую работу Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде, которые утверждали, что «основным предметом интереса исследований безопасности являются случаи успешной секьюритизации <...> потому что именно они формируют актуальное в данный момент конкретное понимание безопасности» (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 39).

⁶ Например, при секьюритизации миграции в Европейском Союзе (Neal, 2009).

Такое понимание задач теории секьюритизации привело к концентрации на описательных и онтологических вопросах в ущерб причинно-следственным. В результате после 30 лет исследований теория секьюритизации может рассказать, что такое безопасность, как проблемы переводятся в сферу безопасности и к каким последствиям это приводит, однако наше знание о том, почему одни проблемы секьюритизируются, тогда как другие – нет, по-прежнему остается фрагментарным (Ruzicka, 2019: 371–372).

В лучшем случае фрагментарными оказываются и исследования конкретных кейсов неудачных попыток секьюритизации. Как показывает свежий обзор публикаций по секьюритизации в 15 ведущих англоязычных журналах по международным отношениям за 1995–2020 гг., статей с явным эмпирическим фокусом на попытках секьюритизации ядерного оружия нет в принципе⁷, тогда как работ по климату более чем в два раза меньше, чем по миграции или здравоохранению (Baele & Jalea, 2023: 381).

Некоторые исследования секьюритизации изменения климата фокусируются только на дискурсе, не затрагивая вопрос принятия или непринятия чрезвычайных мер⁸. В свою очередь, те исследования, в которых этот вопрос затрагивается, преимущественно прибегают к рассмотренным выше общим объяснениям. Так, аргумент ряда авторов о том, что климат воспринимается не как «угроза», а как «риск», стимулируя тем самым управление и риск-менеджмент вместо чрезвычайных мер (Trombetta, 2023: 87–89; Corry, 2012; Trombetta, 2008), по сути, развивает упоминавшуюся выше логику «удаленности» угрозы. М. МакДональд, разбирая причины провала попытки секьюритизации изменения климата в Австралии, указывает на совокупность контекстуальных факторов, в частности, на конкуренцию с альтернативными секьюритизациями (McDonald, 2012: 589–591). С. Скотт, рассматривая институциональную сторону вопроса, отмечает, что секьюритизация климатических проблем логически подразумевает усиление роли СБ ООН, что требует согласия постоянных членов, которого пока не наблюдается (Scott, 2008: 615–617; см. также Sakamoto, 2023: 14). Таким образом, предлагавшиеся объяснения действительно оказываются весьма разрозненными и не складываются в какую-либо общую схему.

Не претендуя на создание такого рода общей схемы или всеохватной причинно-следственной модели секьюритизации, авторы настоящей статьи тем не менее стремятся сделать шаг в этом направлении посредством более глубокого осмысления одного из основных понятий теории – понятия «экзистенциальная угроза».

⁷ Авторам известно об одной статье, анализирующей секьюритизацию распространения ЯО (см. Hayes, 2009). Если не ограничиваться рассматриваемой в обзоре выборкой из 15 ведущих журналов, обнаруживаются еще несколько статей по секьюритизации распространения (см., например, Торолчин, 2021; Hanau Santini, 2010), но по-прежнему ни одного исследования попыток секьюритизации ЯО самого по себе.

⁸ См., например, Vogler, 2023; Arias, 2022.

Понятие «экзистенциальной угрозы» и темпоральное измерение макросекьюритизации

В отличие от ряда других основных концептов теории секьюритизации (к примеру, «аудитории» или «речевого акта»), понятие «экзистенциальной угрозы» не становилось предметом особого рассмотрения. Так, Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде лишь замечали, что конкретное содержание «экзистенциальной угрозы» будет варьироваться в зависимости от угрожаемого референтного объекта (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998: 21–22). При этом общий смысл «экзистенциального» – угрожающий выживанию, самому существованию – будто бы весьма прозрачен и не нуждается в дополнительных пояснениях.

Заметим, однако, что дискурс экзистенциальной угрозы всегда опирается на определенные представления о характере существования объектов во времени, иначе говоря, темпоральные представления. Могут быть секьюритизированы только те объекты, которые осмысляются (и актором секьюритизации, и аудиторией) как потенциально конечные во времени. Напротив, объекты, существование которых воспринимается как неограниченное во времени, безусловное, логически не могут стать подходящими референтными объектами в процессах секьюритизации. Это замечание может показаться банальным и лишенным аналитической «добавленной стоимости», поскольку подавляющее большинство объектов являются потенциально конечными, но оно релевантно для рассматриваемого случая макросекьюритизаций на основе «универсализма физической угрозы».

Напомним, в рамках подобных макросекьюритизаций референтным объектом выступает все человечество (Buzan & Wæver, 2009: 261). Между тем неоднократно отмечалось, что в Новое время, после упадка эсхатологического мировоззрения Средневековья, общий горизонт существования человечества начинает восприниматься как безграничный, бесконечный (Latour, 2017: 184–219; Хабермас, 2008: 10–16). Следовательно, секьюритизация ядерного оружия или изменения климата – и шире, любая макросекьюритизация в рамках «универсализма физической угрозы» – требует пересмотра основополагающих темпоральных представлений Модерна.

В свою очередь, основополагающие идеи эпохи существуют не сами по себе, но во взаимосвязи с основными социальными структурами этого периода: идеи делают возможными и легитимируют институты, которые, в свою очередь, воспроизводят эти идеи (Дуглас, 2020). Применительно к бесконечной темпоральности Модерна такой соответствующей ей социальной структурой оказывается система суверенных государств. Представления о бесконечности времени человечества служат идейным условием возможности системы суверенных государств, поскольку любой образ «конца времен» функционирует как источник общей судьбы и коллективной идентичности, делегитимируя тем самым суверенное обособление. Более того, система суверенных государств способствует воспроизводству бесконечной темпоральности,

подталкивая действующих в ее рамках акторов к такому восприятию времени (Учаев & Квартальнов, 2022: 121-123). Отсюда логически выводятся два следствия:

во-первых, макросекьюритизация ядерного оружия и изменения климата, будучи сопряженной с трансформацией бесконечной темпоральности в конечную, подразумевает делегитимацию системы суверенных государств и ее институциональную трансформацию;

во-вторых, действующие в рамках системы суверенных государств акторы будут склонны интерпретировать ядерное оружие и изменение климата таким образом, чтобы эти феномены стали совместимы с бесконечной темпоральностью. Подобную интерпретацию авторы настоящей статьи предлагают называть «этернализацией». Стоит отметить, что ряд недавних исследований действительно фиксирует существование такого рода процессов: и ядерное оружие (Pelopidas, 2021; Burke, 2016), и изменение климата (Hanusch & Meisch, 2022) широко осмысляются как способные вечно сосуществовать с человечеством, что размывает их восприятие как экзистенциальной угрозы.

Первое из упомянутых следствий может показаться не более чем альтернативным способом сформулировать уже привычный для теории международных отношений тезис о неспособности находящихся в состоянии анархии суверенных государств справляться с глобальными вызовами⁹. Частично так и есть, однако наш подход делает акцент именно на мировоззренческой несовместимости: «универсализм физической угрозы» просто не оставляет концептуальных ресурсов для легитимации государственного суверенитета. Казалось бы, это должно, напротив, облегчать макросекьюритизацию. Однако сделать такой вывод означало бы проигнорировать второе упомянутое следствие.

Как неоднократно подчеркивали теоретики конструктивизма, влияние материальных феноменов на социальные отношения опосредуется их восприятием, теми смыслами, которыми их наделяют люди (Wendt, 1995). Большинство материальных объектов допускают несколько интерпретаций. Это особенно справедливо в отношении таких феноменов, как ядерное оружие и изменение климата, ожидаемые последствия которых «конструируются» в результате сложных научных расчетов и характеризуются высокой степенью неопределенности. В системе суверенных государств акторы, прежде всего государственные деятели, изначально социализированные в этой среде и обладающие соответствующими идентичностями, будут склонны трактовать ядерное оружие и изменение климата через неэкзистенциальные интерпретации, совместимые с сохранением системы. Такая «этернализация» глобальных угроз и выступает одной из основных причин провала попыток их макросекьюритизации.

⁹ См., например, один из классических путей обоснования данного тезиса – концепцию «трагедии общин» (Hardin, 1972).

В следующих двух разделах статьи показывается, как эти следствия проявлялись на ранних этапах международного взаимодействия по вопросам ядерного оружия и изменения климата. Под ранним этапом понимается период от вынесения проблемы на международную повестку до завершения (успехом либо неудачей) первой попытки создать международные механизмы борьбы с угрозой. В случае ядерного оружия этот период примерно соответствует второй половине 1940-х гг.: от его первого применения в 1945 г. до прекращения деятельности Комиссии ООН по атомной энергии в 1949 г., безрезультатно пытавшейся выработать механизмы международного контроля над ядерным оружием. Изменение климата как самостоятельная проблема, отличная от прочих экологических вопросов, закрепились в международной повестке после Торонтской конференции 1988 г. (Allan, 2017). Первый международный механизм борьбы с изменением климата был создан на «Саммите Земли» 1992 г. с принятием соответствующей Рамочной конвенции ООН (Маркаров & Шуранова, 2023: 53). В исследовании также рассматривается знаменитый доклад Комиссии Брунтланн 1987 г. «Наше общее будущее», поскольку он во многом обуславливал контекст работы Торонтской конференции 1988 г.¹⁰

Дискуссии по проблеме международного контроля над ядерным оружием во второй половине 1940-х гг.

Интерпретация ядерного оружия как глобальной экзистенциальной угрозы возникла еще до первого успешного испытания. В так называемом «докладе Франка» от 12 июня 1945 г., направленном группой ученых – участников Манхэттенского проекта военному министру США Генри Стимсону, утверждалось, что ядерное оружие представляет «серьезную угрозу для безопасности нашей страны, а также *для будущего всех прочих стран* [курсив Е.У. и А.К.]», поскольку его дальнейшее развитие в отсутствие международных механизмов контроля «неизбежно приведет к тотальному взаимному уничтожению»¹¹. В статье из уже упоминавшегося во введении просветительского сборника начала 1946 г. американский физик Гарольд Юри писал: «Мировая война с применением атомного оружия вполне может до такой степени ослабить все наши страны и народы, что *в будущем они не смогут выжить* [курсив Е.У. и А.К.]» (Urey, 1946: 58).

Эта интерпретация нашла отражение в политическом процессе – от выработки первых предложений по международному контролю над ЯО в США до обсуждения в ООН. В «докладе Ачесона-Лилиенталя» (март 1946 г.),

¹⁰ Это хорошо видно по материалам конференции: ссылки на доклад, его выводы и рекомендации присутствуют во многих выступлениях. См.: *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

¹¹ Franck J. et al. (1945) *Report of the Committee on Political and Social Problems (The Franck Report). Manhattan Project "Metallurgical Laboratory"*, University of Chicago. 11 June. Available at: <https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html> (accessed 11 August 2024).

который формулировал основы американской позиции по международному контролю, использовалась относительно обтекаемая формулировка «революционное возрастание разрушительной мощи» вследствие создания ядерного оружия¹². Однако уже в июне 1946 г., при изложении американского плана международного контроля в Комиссии ООН по атомной энергии, представитель США Барнард Барух был более прямолинеен: «Мы должны выбирать между миром во всем мире и *разрушением всего мира* [курсив Е.У. и А.К.]»¹³. В преамбуле резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №299 (IV) от 23 ноября 1949 г. подчеркивалось, что «атомная энергия <...> будучи обращена на военные цели, *может повлечь за собой гибель цивилизации* [курсив Е.У. и А.К.]»¹⁴.

Приведенные источники ясно показывают, как экзистенциальная интерпретация ядерного оружия неизбежно делегитимировала систему суверенных государств, порождая проекты ее трансформации. В «докладе Франка» отмечалось: «Защиту [от разрушительного использования ядерной энергии] может обеспечить только политическая организация мира. Из всех аргументов в пользу создания эффективной международной организации для поддержания мира, существование ядерного оружия является наиболее убедительным»¹⁵. Альберт Эйнштейн в своей статье в сборнике 1946 г. утверждал, что только создание «наднациональной организации, обладающей подконтрольной исключительно ей военной силой» может гарантировать, что «мы не растворимся в атмосфере, не распадемся на атомы» (Einstein, 1946: 76). Барнард Барух заявлял, что народы, осознавшие опасности ядерной эпохи, «не желают, чтобы их водили за нос разговорами об узко понятом суверенитете»¹⁶, а представленный им план предлагал создание системы международного контроля с инструментами эффективного наказания нарушителей без права вето (Baratta, 1985). Резолюция ГА ООН №299 (IV) рекомендовала, чтобы «все нации, при пользовании своими суверенными правами, присоединились к взаимному соглашению ограничить осуществление этих прав в отношении контроля над атомной энергией»¹⁷.

¹² Barnard C. et al. (1946) *The Acheson-Lilienthal Report on the International Control of Atomic Energy*. Washington, D. C. 16 March. P. 9. Available at: <https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf> (accessed 11 August 2024).

¹³ The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956*. Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 8. Available at: <https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/> (accessed 11 August 2024).

¹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/299(IV) «Международный контроль над атомной энергией», 23 ноября 1949 г. Available at: [https://undocs.org/ru/A/RES/299\(IV\)](https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV)) (дата обращения: 11.08.2024).

¹⁵ Franck J. et al. (1945) Report of the Committee on Political and Social Problems (The Franck Report). Manhattan Project "Metallurgical Laboratory", University of Chicago. 11 June. Available at: <https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html> (accessed 11 August 2024).

¹⁶ The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956*. Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 9. Available at: <https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/> (accessed 11 August 2024).

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/299(IV) «Международный контроль над атомной энергией», 23 ноября 1949 г. Available at: [https://undocs.org/ru/A/RES/299\(IV\)](https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV)) (дата обращения: 11.08.2024).

Особенно наглядное свидетельство взаимосвязи между экзистенциальной интерпретацией ядерного оружия и делегитимацией системы суверенных государств можно обнаружить в выступлении французского представителя в ГА ООН в ходе обсуждения вышеупомянутой резолюции №299. Он отмечал, что, когда вопрос стоит как «переживет ли цивилизация атомную войну», необходимы «частичные жертвы собственным суверенитетом, поскольку необходимо выбирать меньшее из двух зол», так как «в области атомной энергии эта [подразумеваемая понятием суверенитета] абсолютная свобода несовместима с современными требованиями безопасности»¹⁸.

«План Баруха», однако, предполагал отказ США от уже имеющихся ядерных бомб лишь после создания полноценной системы международного контроля, на что не мог согласиться СССР. Советское предложение, в свою очередь, заключалось в немедленном принятии конвенции о запрещении ядерного оружия, а выстраиваемую параллельно систему международного контроля предлагалось подчинить СБ ООН, что означало сохранение права вето. С этим не были согласны уже США. В условиях нехватки доверия и взаимных подозрений в агрессивных намерениях уже в 1947 г. переговоры в целом зашли в тупик (Тимербаев, 2003: 69–116). В контексте настоящей статьи основной интерес представляют сопутствовавшие эволюции переговорного процесса интерпретации ядерного оружия.

Как и можно было ожидать, экзистенциальная интерпретация не была единственной. В частности, насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, руководство СССР в рассматриваемый период ее не придерживалось. В опубликованных осенью 1946 г. в газете «Большевик» ответах И.В. Сталина на вопросы корреспондента британской газеты «Санди Таймс» отмечалось: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы *предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны*, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб [курсив Е.У. и А.К.]»¹⁹.

В выступлениях советских представителей в ООН ядерное оружие описывалось как угрожающее массовой гибелью мирного населения и масштабным разрушением городов – но не всего человечества – и потому требующее запрещения по моральным основаниям, как негуманное оружие агрессии,

¹⁸ Отчет о пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (A/PV.253). Четвертая сессия, двести пятьдесят третье пленарное заседание, 23 ноября 1949 года. С. 411–412. Available at: <https://undocs.org/A/PV.253> (дата обращения: 11.08.2024).

¹⁹ Сталин И.В. (1946) Ответы на вопросы, заданные московским корреспондентом «Санди Таймс» господином А. Вертом, полученные 17 сентября 1946 года. *Большевик*, №17–18. Available at: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_09.htm (дата обращения: 11.08.2024).

нарушающее общепризнанные правила ведения войны²⁰. Наиболее наглядно эта разница интерпретаций проявилась в ходе дискуссий вокруг упомянутой ранее резолюции ГА ООН №299: советская делегация предлагала заменить экзистенциальную формулировку «может повлечь за собой гибель цивилизации» на более нейтральную «может привести к массовому уничтожению гражданского населения и мирных городов». Эта поправка была отклонена²¹.

Показательно, что другая (тоже отклоненная) советская поправка к резолюции №299 предлагала исключить пункт об ограничении суверенных прав²², а тема защиты суверенитета была основополагающей в выступлении советского представителя А.Я. Вышинского в ходе обсуждения документа. Он, в частности, утверждал: «...от государств теперь требуют, чтобы они пожертвовали тем, что им дороже всего, а именно своим суверенитетом и своей независимостью»²³, и подчеркивал, что это неприемлемо, поскольку «идея государственного суверенитета является серьезным препятствием осуществлению политики мирового господства»²⁴. Таким образом, неэкзистенциальная интерпретация ядерного оружия сохраняла бесконечную темпоральность, что позволяло непротиворечиво отстаивать принцип государственного суверенитета.

Возможно, еще более показательный пример можно обнаружить в американском дискурсе – в статье эксперта по военной стратегии Бернарда Броди «Атомная бомба как фактор принятия политических решений» (Brodie, 1948), опубликованной осенью 1948 г., когда переговоры в рамках Комиссии ООН по атомной энергии уже некоторое время как зашли в тупик. Б. Броди начинает, казалось бы, с экзистенциальной интерпретации: «человек дал себе средства самоуничтожения» (Brodie, 1948: 17), однако затем сталкивает ее с политической реальностью того времени, в которой противостояние не доверяющих друг другу великих держав делает маловероятным достижение международного контроля над атомной энергией (Brodie, 1948: 17–19). Далее следует ключевой аргумент, обеспечивающий переход от экзистенциальной к неэкзистенциальной интерпретации ядерного оружия: «поскольку концентрация на этом ужасе [возможных последствиях ядерной войны] до сих пор не принесла никаких положительных результатов и едва ли обещает их

²⁰ См., например, Address by the Soviet Representative (Gromyko) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 19, 1946. In: *Documents on Disarmament, 1945–1959. Volume 1: 1945–1956*. Washington, D.C.: Department of State Publication 7008, August 1960. P. 17–24. Available at: <https://disarmament.unoda.org/publications/documents-on-disarmament/1945-1956-dod/> (accessed 11 August 2024). См. также выступление А.А. Громыко на заседании СБ ООН 5 марта 1947 г. (S/PV.115) и выступление А.Я. Вышинского на заседании ГА ООН 23 ноября 1949 года (A/PV.253).

²¹ UN General Assembly. International Control of Atomic Energy. Report of the Ad Hoc Political Committee (A/1119), 19 November 1949. P. 3. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/1327920> (accessed 11 August 2024).

²² Ibid.

²³ Отчет о пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (A/PV.253). Четвертая сессия, двести пятьдесят третье пленарное заседание, 23 ноября 1949 года. С. 409. Available at: <https://undocs.org/A/PV.253> (дата обращения: 11.08.2024).

²⁴ Там же, с. 406–407.

в будущем, пришло время занять более трезвую позицию» (Brodie, 1948: 24). Как показывает дальнейшее рассуждение, эта «более трезвая позиция» заключалась для Б. Броди, в частности, в поиске путей поддержания ядерного превосходства США над противниками и в минимизации последствий потенциального ядерного удара по территории США. Иначе говоря, в наборе конкретных, осуществимых в одностороннем порядке мер, которые позволяли полноценно интегрировать атомную бомбу в национальную военную стратегию (Brodie, 1948: 25–32). Завершается статья следующей фразой: «Наша задача сейчас в том, чтобы выработать привычку жить с атомной бомбой, и сама непостижимость связанной с этим возможной катастрофы вполне может облегчить эту задачу» (Brodie, 1948: 33).

Статья Б. Броди представляет собой практически идеальную иллюстрацию процесса этернализации. Он зафиксировал, что «концентрация на этом ужасе», то есть интерпретация ядерного оружия как экзистенциальной угрозы, естественным образом привела к попытке установления международной системы контроля. Однако эта попытка натолкнулась на инерцию системы суверенных государств в виде порождаемого ею взаимного недоверия и межгосударственного соперничества. При этом, поскольку всеобщая ядерная катастрофа – это не самоочевидный и непосредственно данный факт, а мыслительный конструкт, трудно представимый прогноз развития событий, мышление – по крайней мере, мышление самого Броди – оказалось способно перестроиться на иные, «более трезвые», как он их назвал, интерпретации. Эти интерпретации, в отличие от экзистенциальной, породили сравнительно легко реализуемые в рамках системы суверенных государств практические рекомендации²⁵, что укрепляло их привлекательность.

Дискуссии по международному сотрудничеству в области климатической политики, 1987–1992 гг.

Осмысление проблемы изменения климата (и глобальных экологических проблем в целом) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также проходило под знаком экзистенциальной угрозы. В докладе Комиссии Брунтланн 1987 г. «Наше общее будущее» подчеркивалось, что наблюдаемые экологические тенденции «представляют собой угрозу жизни множества видов на планете, включая человечество»²⁶. В одной только вводной главе доклада экологические проблемы пять раз обозначаются как проблемы непосредственно «выживания», в варьирующихся формулировках: человечества, планеты, мирового сообщества²⁷.

²⁵ В частности, позиция Б. Броди о необходимости активного обеспечения США своего ядерного превосходства нашла отражение в знаменитой директиве СНБ-68 и решениях президента Г. Трумана о расширении производства ядерных материалов (Bundy, 1990: 229–231).

²⁶ *World Commission on Environment and Development* (1987) *Our Common Future* (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 19. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/139811> (accessed 11 August 2024).

²⁷ *Ibid*, pp. 18, 24, 35, 37, 38.

Если мандат Комиссии охватывал весь спектр экологических проблем, то в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. по проблемам меняющейся атмосферы аналогичный фрейминг получила уже конкретно проблема климатических изменений. Отмечалось, что их «окончательные последствия могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»²⁸. Различные формулировки, указывающие, что проблема связана непосредственно с «выживанием» человечества и планеты, присутствовали как в итоговом заявлении, так и в ряде речей на открытии и закрытии конференции²⁹. Риторика экзистенциальной угрозы в полной мере сохранилась и на «Саммите Земли» 1992 г., прошедшем в Рио-де-Жанейро, причем как в открывающих и закрывающих речах³⁰, так и в выступлениях глав государств и правительств в ходе сегмента высокого уровня³¹.

Из такого осмысления угрозы логично следовал призыв к качественной реформе системы международного сотрудничества. В докладе Комиссии Брунтланн отмечалось, что переориентация на модель устойчивого развития «выходит за пределы возможностей существующих структур принятия решений и институтов – как национальных, так и международных»³². В итоговом заявлении конференции 1988 г. подчеркивалась необходимость «координированных международных усилий и всеобъемлющего международного соглашения» для предотвращения вреда атмосфере³³. Президент Бразилии Фернанду Колор в своем обращении к участникам «Саммита Земли» 1992 г. сформулировал стоящую перед ними задачу как разработку «новых международных институтов, новых паттернов отношений между государствами»³⁴.

²⁸ *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 292 Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

²⁹ Выступления премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланн, министра окружающей среды Канады Т. Макмиллана. Ibid, pp. 16, 31, 293.

³⁰ Выступления Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали, президента Бразилии Ф. Коллора, генерального секретаря Саммита Рио М. Стронга, Г.Х. Брунтланн, президента Португалии М. Соареша. См.: *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. Pp. 32, 40, 44–49, 57, 60. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.II\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II)) (accessed 11 August 2024).

³¹ Риторика «выживания» присутствовала в 27 из 104 выступлений сегмента высокого уровня: глав государств и правительств Португалии, Мальдивских островов, Намибии, КНР, Кубы, Марокко, Кабо-Верде, Мексики, Румынии, Ямайки, Кении, Лесото, Гвинеи-Бисау, Индонезии, Мавритании, Японии, Джибути, Республики Корея, Сенегала, Танзании, Франции, Сан-Томе-и-Принсипи, Ботсваны, Кипра, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы, Гайаны. См. *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.III\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III)) (accessed 11 August 2024).

³² *World Commission on Environment and Development* (1987) Our Common Future (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 37. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/139811> (accessed 11 August 2024).

³³ *World Meteorological Organization* (1988) Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, June 27–30. P. 304. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

³⁴ *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. P. 40. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.II\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II)) (accessed 11 August 2024).

Идея, что необходимые изменения подразумевают трансформацию понимания государственного суверенитета, также была достаточно широко распространена. В докладе «Наше общее будущее» указывалось, что новые экологические «вызовы пересекают разделительные линии, создаваемые принципом национального суверенитета»³⁵. Отмечалась также необходимость расширить понятие безопасности за пределы его традиционного понимания «в терминах политических и военных угроз национальному суверенитету»³⁶. Председатель Комиссии, Гру Харлем Брунтланн, в своем выступлении на конференции 1988 г. утверждала: «Мы больше не можем действовать в первую очередь как граждане отдельных национальных государств»³⁷. Вместе с тем на саммите Рио 1992 г. дискурс приобрел заметно более «суверенный» характер: необходимость «ограничения национального суверенитета» упоминалась лишь в выступлениях премьер-министра Бельгии и президента Маршалловых островов³⁸. Напротив, в выступлениях 14 глав государств и правительств (среди них – президента США и премьера Государственного совета КНР³⁹) подчеркивалась ценность суверенитета и необходимость его уважения.

Интересно отметить, что даже в рамках реформистского дискурса речь шла преимущественно о международном «сотрудничестве», «координации», «переговорах», без каких-либо явных указаний на наднациональный характер искомой институциональной архитектуры. С этой точки зрения наиболее радикальной из предлагавшихся мер было сформулированное в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. предложение по созданию Всемирного фонда атмосферы, который бы частично финансировался за счет сборов на потребление ископаемого топлива в развитых странах⁴⁰. Реализация этого предложения фактически означала бы частичную наднационализацию налогообложения (одной из фундаментальных прерогатив государства) в глобальном масштабе.

³⁵ *World Commission on Environment and Development* (1987) *Our Common Future* (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 12. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/139811> (accessed 11 August 2024).

³⁶ *Ibid.* P. 34.

³⁷ *World Meteorological Organization* (1988) *Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security*. Toronto, Canada, June 27–30. P. 22. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

³⁸ *United Nations* (1993) *Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference*. Rio de Janeiro, June 3–14. Pp. 112, 211. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.III\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III)) (accessed 11 August 2024).

³⁹ А также представителей Аргентины, Йемена, Непала, Литвы, Ганы, Кении, Хорватии, Островов Кука, Эфиопии, ЦАР, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы. См. *United Nations* (1993) *Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference*. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. Pp. 112, 211. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.III\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III)) (accessed 11 August 2024).

⁴⁰ *World Meteorological Organization* (1988) *Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security*. Toronto, Canada, June 27–30. P. 303. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

Никакого прогресса в этом направлении, однако, не наблюдалось; напротив, материалы Саммита Рио 1992 г. уже не содержат ни одного упоминания «Всемирного фонда атмосферы» или аналогичных структур. При этом, в отличие от риторики наднациональности, в докладе Комиссии Брунтланн присутствует демократический дискурс в виде призыва к «демократизации принятия решений на международном уровне»⁴¹. А в своем выступлении на Саммите 1992 г. председатель Комиссии вновь позиционировала в качестве институционального решения проблемы изменения климата «глобальную демократию, основанную на общем восприятии общих вызовов»⁴².

Рассматриваемый дискурс вокруг проблемы изменения климата с самого начала был двойственным, демонстрируя черты как макросекьюритизации (что было показано выше), так и этернализации. Последняя достигалась за счет постоянного акцента на теме «развития» и «роста». Это проявляется и в основополагающей концепции «устойчивого развития». Характеристика «устойчивости», отсылающая к возможности неустойчивости и, следовательно, потенциальной конечности и угрожаемости, здесь лишь уточняет фундаментальное понятие «развития», которое, в свою очередь, подразумевает бесконечную темпоральность. Еще прозрачнее эта расстановка акцентов проговаривается в докладе Комиссии Брунтланн, где отмечается, что идея устойчивого развития подразумевает не «абсолютные границы, а ограничения, связанные с текущим уровнем технологического развития и социальной организации»⁴³. Эта мысль повторяется и в выступлении канадского премьер-министра на конференции 1988 года: «Мы верим, что не существует пределов экономическому росту, кроме тех, что навязаны ему нашим воображением»⁴⁴.

Когда же дело дошло непосредственно до принятия решений на межгосударственном уровне, отмеченная двойственность разрешилась однозначным образом в пользу этернализации. С точки зрения темпоральности, принятые на «Саммите Земли» 1992 г. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (т.н. «Декларация Рио») и Рамочная конвенция ООН об изменении климата не описывали изменение климата или иные экологические проблемы как экзистенциальные угрозы человечеству. Были использованы существенно более мягкие формулировки: «неблагоприятные

⁴¹ *World Commission on Environment and Development* (1987) *Our Common Future* (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 25. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/139811> (accessed 11 August 2024).

⁴² *United Nations* (1993) *Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1* (Vol. II). Volume II: Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro, June 3–14. P. 58. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.II\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II)) (accessed 11 August 2024).

⁴³ *World Commission on Environment and Development* (1987) *Our Common Future* (The Brundtland Report). New York, August 4. P. 24. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/139811> (accessed 11 August 2024).

⁴⁴ *World Meteorological Organization* (1988) *Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security*. Toronto, Canada, June 27–30. P. 7. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/106359> (accessed 11 August 2024).

последствия» изменения климата⁴⁵, «ухудшение состояния глобальной окружающей среды»⁴⁶. Напротив, документы закрепили «право на развитие»⁴⁷, имплицитно воспроизводя связанное с понятием развития бесконечное восприятие времени.

В плане же международной политической архитектуры данные документы не содержали никаких намеков на наднациональность, подчеркивая «суверенное право» государств на собственные ресурсы⁴⁸ и «принцип суверенитета государств в международном сотрудничестве в деле реагирования на изменение климата»⁴⁹. Как известно, в 1992 г. в принципе не были согласованы какие-либо конкретные международные меры по сокращению выбросов, а общее направление, заданное конференцией в Рио – «суверенный» подход к экологическим проблемам с крайне незначительным делегированием полномочий «наверх» и минимумом жестких обязательств – продолжает характеризовать международную климатическую политику вплоть до настоящего момента.

Обсуждение и выводы

Оба рассмотренных кейса хорошо иллюстрируют два следствия, выведенные на основе анализа темпорального измерения макросекьюритизации. Во-первых, попытки макросекьюритизации ядерной и климатической угроз – то есть, их интерпретации как имеющих глобальный экзистенциальный характер – приводили к делегитимации жесткой приверженности национальному суверенитету и стимулировали различные предложения по трансформации межгосударственной системы. Во-вторых, логика системы суверенных государств подталкивала акторов к принятию неэкзистенциальных интерпретаций ядерной и климатической угроз, поскольку такие интерпретации порождали практически реализуемые предложения. Здесь особенно показательна статья Бернарда Броди, подробно проанализированная выше в разделе о ядерном оружии.

Важно именно последовательное соответствие: макросекьюритизация (конечная темпоральность) сочетается с делегитимацией суверенитета, а бесконечная темпоральность – с сохранением системы суверенных государств. В рассмотренных источниках практически не наблюдаются случаи, чтобы отстаивание принципа суверенитета сопровождалось признанием экзистенциального характера ядерной или климатической угроз. Советская

⁴⁵ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 11.08.2024).

⁴⁶ Принцип 7, Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 11.08.2024).

⁴⁷ См. принцип 3 Декларации Рио; ст. 3.4 Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

⁴⁸ См. принцип 2 Декларации Рио; преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

⁴⁹ См. преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

апология суверенитета сопровождалась отчетливо неэкзистенциальной интерпретацией ядерной угрозы; в 11 из 14 выступлений⁵⁰ «на «Саммите Земли», в которых отстаивался принцип суверенитета, не было следов восприятия изменения климата как угрозы самому выживанию человечества.

Объяснить это наблюдение можно следующим образом: признание, что политика государства по защите своего суверенитета повышает риск глобальной катастрофы, создает мировоззренческое противоречие⁵¹. Это противоречие можно снять двумя способами: либо пытаясь отказаться от принципа суверенитета, либо через «этернализацию», устраняющую ожидание глобальной катастрофы. Первый способ, как было показано, сталкивался с проблемой коллективного действия в условиях взаимного недоверия и не достигал успеха. Как следствие, происходила «этернализация», которая, как минимум в краткосрочной перспективе, оказывалась более реалистичным сценарием.

Таким образом, объяснение причин неудач макросекьюритизации ядерного оружия и изменения климата оказывается двусоставным. С одной стороны, оно апеллирует к традиционному тезису о том, что анархическая система суверенных государств препятствует общим действиям по решению глобальных проблем, тогда как успешная макросекьюритизация, подразумевающая принятие чрезвычайных мер в международном масштабе, требует именно таких действий. С другой стороны – и в этом заключается ключевой вклад настоящей статьи – речь идет не просто о «внешних» ограничениях, но о том, что система суверенных государств как социальная структура в значительной степени обуславливает процессы познания, процессы интерпретации индивидами гипотетических глобальных угроз. В рамках государствоцентричной международной структуры государственные деятели будут склонны придерживаться не-экзистенциальных интерпретаций ядерного оружия и изменения климата. При этом неоднозначность материальной реальности, ее подверженность множественным истолкованиям обеспечивает принципиальную возможность таких интерпретаций.

В рамках конструктивистских подходов в теории международных отношений при анализе взаимосвязи идей и институтов акцент обычно делался на том, что институты укоренены в идеях и зависят от них⁵², тогда как роль

⁵⁰ Тремя исключениями оказались выступления премьер-министра КНР, президента Гватемалы и генерал-губернатора Папуа-Новой Гвинеи. См.: *United Nations* (1993) Report of the United Nations Conference on Environment and Development A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. III). Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. Pp. 34–38, 247–249, 241–243. Available at: [https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.III\)](https://undocs.org/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III)) (accessed 11 August 2024).

Следует признать, что эти исключения несколько нарушают общую стройность предложенной концепции, однако, на наш взгляд, не дискредитируют ее. В случае Гватемалы и Папуа-Новой Гвинеи отсылки к «выживанию планеты», по сравнению со многими другими выступлениями, являются предельно краткими и выглядят ритуально.

⁵¹ Поскольку это означало бы, что, защищая свой суверенитет, государство тем самым повышает риск своего уничтожения.

институциональной структуры в воспроизводстве идей оставалась без внимания. Показывая, как система суверенных государств содействует воспроизводству бесконечной темпоральности, данное исследование частично заполняет эту лакуну.

Открытым остается вопрос о том, обладает ли тезис о темпоральном измерении секьюритизации аналитическим потенциалом за пределами рассмотренного примера. С одной стороны, логическая взаимосвязь очевидна: дискурс секьюритизации – это дискурс о существовании объектов во времени, то есть, темпоральный дискурс. С другой стороны, как отмечалось ранее, большинство релевантных для исследований секьюритизации объектов воспринимаются людьми как потенциально конечные. Вместе с тем есть класс объектов, которые являются безусловно конечными (по крайней мере, в их земной форме) – сами люди, индивиды. С логической точки зрения такие референтные объекты должны быть столь же непригодны для секьюритизации, как и объекты безусловно бесконечные. Следовательно, анализ темпорального измерения может оказаться полезным в исследованиях секьюритизаций «ниже среднего уровня», в частности, в анализе концепции «человеческой безопасности» (англ. *"human security"*) как примера секьюритизации.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. (2023) Ядерные метаморфозы. *Полис. Политические исследования* 5: 7–28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02.
2. Дуглас М. (2020) *Как мыслят институты*. М.: Элементарные формы. 250 с.
3. Макаров И. А., Шуранова А.А. (2023) Климатические изменения как новый фактор международных отношений. *Международная аналитика* 14(4): 52–74. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74.
4. Михайленко Е. (2022) От политики убеждения к дипломатии: уроки Международной кампании по запрещению ядерного оружия. *Международные процессы* 20(1): 55–79. DOI 10.17994/IT.2022.20.1.68.5.
5. Тимербаев Р.М. (2003) *Международный контроль над атомной энергией*. М.: Изд-во «Права человека». 367 с.
6. Торопчин Г. В. (2021) Северокорейская ракетно-ядерная программа с точки зрения теории секьюритизации. *Ойкумена. Регионоведческие исследования* 2: 117–129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129.
7. Учаев Е.И., Квартальнов А.А. (2022) Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии. *Вестник МГИМО-Университета* 15(6): 112–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-01f3.
8. Хабермас Ю. (2008) *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*. М.: Издательство «Весь Мир». 416 с.

⁵² Показательные примеры см. в Reus-Smit, 1999; Allan, 2018.

9. Adler E. (1992) The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control. *International Organization* 46(1): 101–145. DOI:10.1017/S0020818300001466.
10. Allan B.B. (2017) Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance. *International Studies Quarterly* 61(4): 809–820. DOI: 10.1093/isq/sqx048.
11. Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.
12. Arias S.B. (2022) Who Securitizes? Climate Change Discourse in the United Nations. *International Studies Quarterly* 66(2): sqac020. DOI: 10.1093/isq/sqac020.
13. Baele S.J., Jalea D. (2023) Twenty-five Years of Securitization Theory: A Corpus-based Review. *Political Studies Review* 21(2): 376–389. DOI: 10.1177/14789299211069499.
14. Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. (2016) 'Securitization' revisited: theory and cases. *International Relations* 30(4): 494–531. DOI: 10.1177/0047117815596590.
15. Baratta J.P. (1985) Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review* 7(4): 592–621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.
16. Brodie B. (1948) The Atom Bomb as Policy Maker. *Foreign Affairs* 27(1): 17–33. DOI: 10.2307/20030159.
17. Bundy M. (1990) *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. New York: Vintage Books. 736 p.
18. Burke A. (2016) Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security* 4(1): 73–90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.
19. Buzan B., Waever O. (2009) Macrosecritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory. *Review of International Studies* 35(2): 253–276. DOI:10.1017/S0260210509008511.
20. Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner. 240 p.
21. Corry O. (2012) Securitisation and 'Riskification': Second-order Security and the Politics of Climate Change. *Millennium: Journal of International Studies* 40(2): 235–258. DOI: 10.1177/0305829811419444.
22. Dupont C. (2019) The EU's collective securitisation of climate change. *West European Politics* 42(2): 369–390. DOI: 10.1080/01402382.2018.1510199.
23. Einstein A. (1946) The Way Out. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 76–77.
24. Federation of American (Atomic) Scientists (1946) Survival is At Stake. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 78–79.
25. Hanau Santini R. (2010) European Union discourses and practices on the Iranian nuclear programme. *European Security* 19(3): 467–489. DOI: 10.1080/09662839.2010.531704.
26. Hanusch F., Meisch S. (2022) The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency. *Environmental Politics* 31(5): 883–903. DOI: 10.1080/09644016.2022.2044691.
27. Hardin G. (1972) *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle*. New York: The Viking Press, Inc. 273 p.
28. Hayes J. (2009) Identity and Securitization in the Democratic Peace: The United States and the Divergence of Response to India and Iran's Nuclear Programs. *International Studies Quarterly* 53(4): 977–999. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00565.x.
29. Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press. 300 p.
30. Matthews H.D., Wynes S. (2022) Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C. *Science* 376(6600): 1404–1409. DOI:10.1126/science.abo3378.
31. McDonald M. (2012) The Failed Securitization of Climate Change in Australia. *Australian Journal of Political Science* 47(4): 579–592. DOI: 10.1080/10361146.2012.731487.
32. Neal A.W. (2009) Securitization and Risk at the EU Border: The Origins of FRONTEX. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 47(2): 333–356. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2009.00807.x.

33. Pelopidas B. (2021) The Birth of Nuclear Eternity. In: Kemp S., Andersson J. (eds.) *Futures*. Oxford: Oxford University Press, pp. 484–500. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198806820.013.28.
34. Reus-Smit C. (1999) *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.
35. Ruzicka J. (2019) Failed Securitization: Why It Matters. *Polity* 51(2): 365–377. DOI: 10.1086/702213.
36. Sakamoto T. (2023) Threat Conceptions in Global Security Discourse: Analyzing the Speech Records of the United Nations Security Council, 1990–2019. *International Studies Quarterly* 67(3): sqad067. DOI: 10.1093/isq/sqad067.
37. Scott S.V. (2008) Securitizing climate change: international legal implications and obstacles. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 603–619. DOI: 10.1080/09557570802452946.
38. Trombetta M. J. (2008) Environmental security and climate change: analysing the discourse. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 585–602. DOI: 10.1080/09557570802452920.
39. Trombetta M.J. (2023) Climate change and the transformation of security: securitization and beyond. In: Trombetta M.J. (ed.) *Handbook on Climate Change and International Security*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 77–95. DOI: 10.4337/9781789906448.00012.
40. Urey H.C. (1946) How does it all add up? In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 53–60.
41. Vogler A. (2023) Tracking Climate Securitization: Framings of Climate Security by Civil and Defense Ministries. *International Studies Review* 25(2): viad010. DOI: 10.1093/isr/viad010.
42. Wendt A. (1995) Constructing International Politics. *International Security* 20(1): 71–81. DOI: 10.2307/2539217.

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-7

OBSTACLES TO MACROSECURITIZATION OF GLOBAL THREATS: CASES OF NUCLEAR WEAPONS AND CLIMATE CHANGE

Yevgeny I. UCHAEV – Lecturer, PhD student, World Politics Department, MGIMO University.
ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Artem A. KVARTALNOV – MA in International Relations, Member of the research team, research project "Temporality of international relations in the context of global threats of nuclear war and climate change", MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-5120-1641. E-mail: artem@kvartalnov.ru
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgements. This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project №22-28-01054 (<https://www.rscf.ru/en/project/22-28-01054/>).

Received October 7, 2023

Accepted December 12, 2023

Abstract: Despite the multitude of attempts to macrosecuritize nuclear weapons and climate change, none of them has succeeded so far. Existing studies struggle to convincingly explain these failures, which can be attributed both to the general neglect of unsuccessful cases of securitization and to the disparate, ad hoc nature of suggested explanations. Meanwhile, it has been little noticed that, as the discourse of existential threat implies judgements about the potential finitude of objects in time, there is a close link between securitization and temporality. By defining humanity's time as potentially finite, the attempts to macrosecuritize nuclear weapons and climate change clash with the dominant indefinite temporality of modernity, as well as with the system of sovereign states that depends on indefinite temporality as its ideational condition of possibility. Consequently, macrosecuritizing moves, on the one hand, end up attempting to delegitimize and transform the system of sovereign states. On the other hand, the social structure of this system nudges the actors to 'eternalize' nuclear weapons and climate change, that is, to interpret them as compatible with humanity's indefinite existence in the world. We demonstrate the workings of these ideational mechanisms during the discussions on international control of atomic energy in the 1940s and during the debates on international climate cooperation in 1987–1992. The cases show how, operating within a state-centric international political structure, policy makers are indeed inclined to 'eternalize' global existential threats.

Keywords: macrosecuritization, global threats, climate change, nuclear weapons, temporality, eternalization, system of sovereign states

References:

1. Adler E. (1992) The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control. *International Organization* 46(1): 101–145. DOI: 10.1017/S0020818300001466.
2. Allan B.B. (2017) Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance. *International Studies Quarterly* 61(4): 809–820. DOI: 10.1093/isq/sqx048.
3. Allan B.B. (2018) *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. DOI: 10.1017/9781108241540.
4. Arbatov A.G. (2023) Yadernyye metamorfozy [Nuclear metamorphoses]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]* 5: 7–28. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.02. (In Russian).
5. Arias S.B. (2022) Who Securitizes? Climate Change Discourse in the United Nations. *International Studies Quarterly* 66(2): sqac020. DOI: 10.1093/isq/sqac020.
6. Baele S.J., Jalea D. (2023) Twenty-five Years of Securitization Theory: A Corpus-based Review. *Political Studies Review* 21(2): 376–389. DOI: 10.1177/14789299211069499.
7. Balzacq T., Léonard S., Ruzicka J. (2016) 'Securitization' revisited: theory and cases. *International Relations* 30(4): 494–531. DOI: 10.1177/0047117815596590.
8. Baratta J.P. (1985) Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? *The International History Review* 7(4): 592–621. DOI: 10.1080/07075332.1985.9640394.
9. Brodie B. (1948) The Atom Bomb as Policy Maker. *Foreign Affairs* 27(1): 17–33. DOI: 10.2307/20030159.
10. Bundy M. (1990) *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. New York: Vintage Books. 736 p.
11. Burke A. (2016) Nuclear Time: Temporal Metaphors of the Nuclear Present. *Critical Studies on Security* 4(1): 73–90. DOI: 10.1080/21624887.2016.1162394.
12. Buzan B., Waever O. (2009) Macrosecritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Secritisation Theory. *Review of International Studies* 35(2): 253–276. DOI: 10.1017/S0260210509008511.
13. Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner. 240 p.

14. Corry O. (2012) Securitisation and 'Riskification': Second-order Security and the Politics of Climate Change. *Millennium: Journal of International Studies* 40(2): 235–258. DOI: 10.1177/0305829811419444.
15. Douglas M. (2020) *Kak mysliat instituty [How Institutions Think]*. Moscow: Elementarnyye formy. 250 p. (In Russian).
16. Dupont C. (2019) The EU's collective securitisation of climate change. *West European Politics* 42(2): 369–390. DOI: 10.1080/01402382.2018.1510199.
17. Einstein A. (1946) The Way Out. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 76–77.
18. Federation of American (Atomic) Scientists (1946) Survival is At Stake. In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 78–79.
19. Habermas J. (2008) *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektzii [The Philosophical Discourse of Modernity. Twelve Lectures]*. Moscow: Ves' Mir. 416 p. (In Russian).
20. Hanau Santini R. (2010) European Union discourses and practices on the Iranian nuclear programme. *European Security* 19(3): 467–489. DOI: 10.1080/09662839.2010.531704.
21. Hanusch F., Meisch S. (2022) The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency. *Environmental Politics* 31(5): 883–903. DOI: 10.1080/09644016.2022.2044691.
22. Hardin G. (1972) *Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle*. New York: The Viking Press, Inc. 273 p.
23. Hayes J. (2009) Identity and Securitization in the Democratic Peace: The United States and the Divergence of Response to India and Iran's Nuclear Programs. *International Studies Quarterly* 53(4): 977–999. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2009.00565.x.
24. Latour B. (2017) *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press. 300 p.
25. Makarov I.A., Shuranova A.A. (2023) Klimaticheskoye izmeneniye kak novyy faktor mezh-
dunarodnykh otnosheniy [Climate Change as a New Factor of International Relations]. *Mezhdunarodnaya Analitika [Journal of International Analytics]* 14(4): 52–74. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74. (In Russian).
26. Matthews H.D., Wynes S. (2022) Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C. *Science* 376(6600): 1404–1409. DOI:10.1126/science.abo3378.
27. McDonald M. (2012) The Failed Securitization of Climate Change in Australia. *Australian Journal of Political Science* 47(4): 579–592. DOI: 10.1080/10361146.2012.731487.
28. Mikhaylenko E. (2022) Ot politiki ubezhdeniya k diplomatii: uroki Mezhdunarodnoy kampanii po zapreshcheniyu yadernogo oruzhiya [From advocacy to diplomacy: The case of the international campaign to abolish nuclear weapons]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 20(1): 55–79. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.5. (In Russian).
29. Neal A.W. (2009) Securitization and Risk at the EU Border: The Origins of FRONTEX. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 47(2): 333–356. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2009.00807.x.
30. Pelopidas B. (2021) The Birth of Nuclear Eternity. In: Kemp S., Andersson J. (eds.) *Futures*. Oxford: Oxford University Press, pp. 484–500. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198806820.013.28.
31. Reus-Smit C. (1999) *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.
32. Ruzicka J. (2019) Failed Securitization: Why It Matters. *Polity* 51(2): 365–377. DOI: 10.1086/702213.
33. Sakamoto T. (2023) Threat Conceptions in Global Security Discourse: Analyzing the Speech Records of the United Nations Security Council, 1990–2019. *International Studies Quarterly* 67(3): sqad067. DOI: 10.1093/isq/sqad067.

34. Toropchin G. V. (2021) Severokoreyskaya raketno-yadernaya programma s tochki zreniya teorii sek'yuritizatsii [North Korean Missile and Nuclear Programme from the Securitisation Theory Standpoint]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Oikumena. Regional researches] 2: 117-129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129. (In Russian).35.
Timerbaev R.M. (2003) *Mezhdunarodnyi kontrol' nad atomnoi energiei* [International Control of Atomic Energy]. Moscow: Izd-vo "Prava cheloveka". 367 p. (In Russian).
36. Toropchin G. V. (2021) North Korean Missile and Nuclear Programme from the Securitisation Theory Standpoint. *Oikumena. Regional researches* [Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia] 2: 117-129. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/117-129. (In Russian).
37. Trombetta M. J. (2008) Environmental security and climate change: analysing the discourse. *Cambridge Review of International Affairs* 21(4): 585-602. DOI: 10.1080/09557570802452920.
38. Trombetta M.J. (2023) Climate change and the transformation of security: securitization and beyond. In: Trombetta M.J. (ed.) *Handbook on Climate Change and International Security*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 77-95. DOI: 10.4337/9781789906448.00012.
39. Uchaev Ye.I., Kvartalnov A.A. (2022) Temporal'nyy podkhod k probleme ustoychivosti yadernoy anarkhii [Is Nuclear Anarchy Sustainable? A Temporal Approach]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations] 15(6): 112-134. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf3. (In Russian).
40. Urey H.C. (1946) How does it all add up? In: Masters D., Way K. (eds.) *One World or None*. New York: McGraw-Hill Book Company, Inc, pp. 53-60.
41. Vogler A. (2023) Tracking Climate Securitization: Framings of Climate Security by Civil and Defense Ministries. *International Studies Review* 25(2): viad010. DOI: 10.1093/isr/viad010.
42. Wendt A. (1995) Constructing International Politics. *International Security* 20(1): 71-81. DOI: 10.2307/2539217.

О ВОЙНЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ВОЕННОЙ МЫСЛИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Интервью: Андрей КОКОШИН
Беседовал: Максим СУЧКОВ

Аннотация: Проблематика войны как политического и социального феномена – одна из центральных в политологии и науке о международных отношениях. Это тема, где теория и практика переплетаются наиболее тесно и обновляются наиболее часто, каждый новый военный конфликт открывает новые грани войны и мира для исследователей, военных и политикоформирующих кругов. Внутри этой большой темы традиционно развивается целый ряд смежных дисциплин и подтем, некоторые из которых стали особенно актуальны в контексте нарастающего междержавного соперничества в глобальном масштабе и в отдельных регионах мира. Что представляют собой сегодня «сдерживание» и «эскалация»? В какой степени внешнеполитическая стратегия государства определяется его «стратегической культурой»? Насколько идеи великих военных мыслителей прошлого актуальны для современных и будущих войн? В центре всех этих сюжетов вопрос эволюции средств вооруженной борьбы: как они меняются и к чему может прийти человечество вследствие «самонадеянности силы» некоторых государств. Эти вопросы редакция «Сравнительной политики» обсудила с одним из ведущих отечественных специалистов в области военно-политических, социально-экономических и технологических аспектов международной и национальной безопасности академиком РАН А.А. Кокошиным, в прошлом занимавшим посты первого заместителя Министра обороны РФ, секретаря Совета обороны, секретаря Совета безопасности РФ.

Ключевые слова: стратегическая культура, прогнозирование, средства вооруженной борьбы, война, стратегия, планирование, эскалация, сдерживание, Свечин, Клаузевиц, Сунь Цзы

Андрей Афанасьевич Кокошин – доктор исторических наук, профессор, академик РАН и Российской академии ракетно-артиллерийских наук (РАРАН), директор Института перспективных стратегических исследований, НИУ ВШЭ.

ORCID: 0009-0009-0740-6509. E-mail: aakokoshin@gmail.com
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Максим Александрович Сучков – кандидат политических наук, доцент Кафедры истории и политики стран Европы и Америки, директор Института международных исследований, МГИМО МИД России; шеф-редактор журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступило в редакцию: 25.07.2024

Принято к публикации: 23.08.2024

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития No 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Максим Сучков (М.С.): Более двадцати лет назад в своей монографии «Стратегическое управление» (Кокошин, 2003) Вы поставили вопрос о необходимости изучения стратегических культур различных стран. Сегодня эта тема занимает все больше отечественных и зарубежных исследователей. Что Вы подразумеваете под стратегической культурой?

Андрей Кокошин (А.К.): В целом, считаю представленное мной в той книге определение по-прежнему актуальным.

Под стратегической культурой следует понимать совокупность характеристик устойчивого поведения соответствующего государства (нации-государства) прежде всего при масштабном по политическим и военным целям применении им военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура – это долговременный, весьма инерционный, в значительной мере социопсихологический феномен, который действует почти с одними и теми же характеристиками при смене высших государственных деятелей и военного командования, и даже при смене политических систем и режимов. Ярко выраженные черты национальной стратегической культуры имеются у всех ведущих (для того или иного исторического периода) государств.

В книге я писал о том, что можно, например, говорить о германской стратегической культуре в период примерно с 1860-х гг. до поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне (ВМВ) в 1945 г. Явно выраженной стратегической культурой обладает Китайская Народная Республика, впитавшая в себя и ряд черт военной мысли древнего Китая. Свои отличительные характеристики имеет англосаксонская стратегическая культура, все более «американизирующаяся» по мере утраты «стратегического лица» Британией. Яркие черты свойственны и отечественной стратегической культуре, которая в значительной мере зародилась в эпоху гигантских преобразований Петра Великого, создания им регулярной армии и военно-морского флота. Огромное влияние на нашу стратегическую культуру, разумеется, оказал опыт Великой Отечественной войны, в которой наша страна одержала самую выдающуюся в мировой истории победу. Можно говорить о наличии собственной стратегической культуры у Социалистической Республики Вьетнам и Государства Израиль. О последней, в частности, интересно пишет видный израильский ученый в политико-военной области, профессор Дмитрий Адамский (Adamsky, 2010).

М.С.: Что, по Вашему мнению, является истоком самой стратегической культуры какой-либо страны?

А.К.: Стратегическая культура – это прежде всего продукт осмысления исторического опыта нескольких поколений политико-военных действий и опыта непосредственного ведения вооруженной борьбы на стратегическом, оперативном и тактическом уровне. При осмыслении такого опыта создается

устойчивый набор представлений, стереотипов, но возможны и ошибки, пробелы, недостаточно полная картина факторов, обстоятельств, планов сторон, некорректная интерпретация адекватности их усилий.

В свое время у нас были серьезные проблемы с анализом опыта Первой мировой войны (ПМВ), Гражданской войны в России, осмыслением и обобщением опыта этих войн. Это во многом было связано с трагическими судьбами тех отечественных военных ученых и специалистов, военачальников, которые исследовали этот опыт в 1920-е – 1930-е гг. и стали жертвами репрессий. Дефицит соответствующих исследований, на мой взгляд, сохраняется до сих пор.

На десятилетия по политико-идеологическим причинам затянулось и полномасштабное изучение опыта Великой Отечественной войны. Наиболее сложным, во многом болезненным, был всесторонний анализ ее трагического, крайне тяжелого для нас первого периода. Особенно остро стояла задача соотнести богатейший опыт этой войны с радикально новыми условиями «ядерного века», ведь появление ядерного оружия знаменовало крупнейшую революцию в военном деле.

В познании стратегической культуры различных стран должны быть учтены уроки локальных войн второй половины XX века и первой четверти XXI века. Хотел бы отметить несколько серьезных исследований отечественных авторов, в первую очередь в нашей Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил. В их числе коллективный труд «Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах» (2008 г.) под общей редакцией генерал-полковника Александра Сергеевича Рукшина, в свое время успешно руководившего Главным оперативным управлением Генерального штаба ВС РФ.

Такого рода исследования должны сопрягаться с политологическим анализом конкретных конфликтных и кризисных ситуаций, в рамках которых происходило применение военной силы. Выдающийся отечественный военный теоретик Александр Андреевич Свечин в свое время подчеркивал, что нельзя изучать историю войн и военного искусства в отрыве от политической истории. Об этом его завете у нас нередко забывают, в том числе в серьезных военно-научных исследованиях локальных войн.

М.С.: Вы в последнее время работаете над изучением темы долгосрочных и среднесрочных тенденций и закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы. Даже на обывательском уровне заметно, что с момента начала Специальной военной операции (СВО) России и фактического противостояния с коалицией западных государств средства вооруженной борьбы, как и контр-средства, существенно эволюционировали. Что Вам как профессионалу кажется в этом вопросе особенно важным и как это способно, по Вашему мнению, повлиять на характер прогнозирования в военной сфере в среднесрочной и долгосрочной перспективе?

А.К.: Говоря об эволюции средств ведения вооруженной борьбы в ходе конфликта на Украине, нашего противостояния с «коллективным Западом»,

нужно заметить, что в основном речь не идет о каких-то радикально новых технологиях и системах. Практически все эти средства были известны и имелись в тех или иных масштабах у противостоящих сторон еще до начала конфликта. Другое дело, что эти средства по-разному проявили себя в ходе реальных боевых действий, и в каких масштабах, в каком количестве, в каких формах вооруженной борьбы применяются эти средства.

Военная техносфера становится все более сложной и многомерной, тесно взаимодействует с гражданской техносферой. Последняя в целом развивается более быстрыми темпами и в значительно более широких масштабах. При этом темпы изменений в техносфере намного опережают темпы понимания закономерностей ее развития. Закономерности развития военной техносферы во всем их многообразии остаются слабо исследованным предметом. Такие исследования требуют высокой квалификации, скрупулезного отношения к фактам, данным. Пока они, по моему мнению, мало востребованы лицами, принимающими решения. Существует насущная потребность в долгосрочном и среднесрочном военно-техническом прогнозировании в тесной увязке с политико-военными прогнозами относительно перспективных форм и способов ведения вооруженной борьбы – в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах. Понимание ключевых тенденций, осмысление закономерностей в эволюции средств вооруженной борьбы необходимо для достижения Россией безусловного успеха в СВО, для более широких задач в политико-военном и военно-экономическом противостоянии России с «коллективным Западом», которое носит долговременный и многоплановый характер, для выстраивания самой системы обеспечения национальной безопасности России. Выявление таких тенденций и закономерностей – необходимое условие такого прогнозирования. Общепринято, что такое прогнозирование должно служить едва ли не главным фундаментом для среднесрочного и долгосрочного планирования в строительстве Вооруженных сил, в развитии оборонно-промышленного комплекса.

Здесь хотел бы заметить, что имеющийся отечественный, да и зарубежный опыт прогнозирования такого рода, не самый обнадеживающий. Этот вывод я делаю на основе моего личного опыта – применительно и к многолетней научно-аналитической деятельности, и практической работе в качестве потребителя прогнозов в Министерстве обороны, в Совете обороны и в Совете безопасности России.

Иного учителя, кроме истории, у нас нет. Заглянуть на основе исторического анализа в будущее – задача крайне сложная. Серьезный прогноз – дело и трудоемкое, и наукоемкое. Чтобы заглянуть сейчас в будущее на 10–15 лет вперед, надо знать, как развивался объект прогнозирования 30–40 и более лет до настоящего времени. Еще более сложная задача прогнозировать на 20–30 лет. Здесь надо оперировать даже более долговременными историческими категориями с периодом 100 и более лет. Мне много раз приходилось сталкиваться с тем, что разработчики прогнозов игнорируют это требование, часто полуинтуитивно занимаясь линейной экстраполяцией лишь новейших

тенденций, тем самым упуская из виду возможность циклического развития в будущем, аналогичного в чем-то циклическому развитию в прошлом.

Развитие военной техносферы происходило и происходит под влиянием представлений о будущей войне и под воздействием осмысления опыта войн, которые уже были. В свою очередь значительную роль играет и обратный процесс – развитие тех или иных видов военной техники (и оценки ее кумулятивного воздействия на характер будущих войн и вооруженных конфликтов) неоднократно оказывало значительное воздействие на тактические и оперативные формы и, в конечном итоге, на военную стратегию. Под осмысленным воздействием появлявшихся средств ведения вооруженной борьбы менялись системы управления, организация войск, их оргштатной структуры. Это актуально в условиях первой четверти XXI века с его нарастанием темпов и масштабов научно-технологических изменений (особенно в гражданской коммерческой сфере), которые по целому ряду направлений происходят едва ли не лавинообразно, что в первую очередь касается развития микроэлектроники, высокопроизводительных вычислений, технологий ИИ, робототехники, космических средств и др.

В ходе военных действий на Украине с использованием широкого спектра средств рельефно обозначились некоторые тенденции, которые складывались еще в предыдущие годы, лет 15–20 назад. Прежде всего, это непрерывное нарастание широкого комплекса информационно-коммуникационных технологий и средств – разведки, целеуказания, радиоэлектронной борьбы, боевого управления, проведения операций в киберпространстве. Все эти средства были «нерапортоемкими», если использовать выражение, имевшее хождение среди ветеранов Военно-промышленной комиссии при Совмине СССР.

У всех на слуху сейчас все более массовое применение беспилотных летательных аппаратов в разведывательно-ударном варианте, барражирующих боеприпасов. Но роль этих средств определяется прежде всего возможностями информационно-коммуникационных технологий. Здесь не могу не вспомнить, насколько оправданными были усилия по развитию средств электронно-вычислительной техники по специальной программе «Интеграция СВТ» в 1990-х годах, в мою бытность в Министерстве обороны РФ. Тогда в неимоверно сложных бюджетно-финансовых условиях мы вложили немалые усилия и в систему космической навигации «Глонасс», развитие различных средств разведки, радиоэлектронной борьбы. Хочу отметить, что в работе по созданию системы «Глонасс» большую роль сыграл командующий Военно-космическими силами (ВКС) генерал-полковник Владимир Леонтьевич Иванов; отмечу, что ВКС имели полное право на существование как самостоятельный род войск в силу специфики вооруженной борьбы в космосе.

В рамках СВО проявили себя, в частности, мини- и макро-БПЛА, применение которых значительно повысило осведомленность об обстановке на тактическом уровне вплоть до командиров отделений. Речь идет о массовом применении сравнительно дешевых аппаратов, заимствованных

преимущественно из коммерческого сектора. Уже на протяжении ряда лет стоит вопрос о «роевом» использовании многих сотен БПЛА, что требует решения ряда технических и организационно-управленческих задач. Создание «роевых группировок» беспилотников, пригодных для использования в полевых условиях, будет еще одним качественно новым средством ведения вооруженной борьбы.

При оценке характера применения средств ведения вооруженной борьбы в современных условиях необходимо иметь в виду и то, что большую роль продолжают играть системы и технологии, которые разрабатывались еще 30–40 лет назад, разумеется, впоследствии модернизируясь. Это относится в том числе к реактивным системам залпового огня, ствольной артиллерии (особенно калибром 152 и 155 мм), различным видам бронетанковой техники, ко всему спектру разведывательных спутников, к средствам радиоэлектронной борьбы, оперативно-тактическим ракетным комплексам. Если говорить о Вооруженных силах России, то здесь надо отметить ряд систем, которые удалось создать в 1990-е годы, несмотря на огромные трудности этого периода. В их числе фронтовой бомбардировщик «Су-34», оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», крылатые ракеты большой дальности «Х-101», «Калибр», зенитно-ракетный комплекс С-400 «Триумф», ударный вертолет К-52 «Аллигатор», зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь» и др. Во многих случаях замысел создания таких систем берет свое начало в 1980-е годы.

М.С.: Когда мы изучаем долговременные закономерности и тенденции в эволюции средств вооруженной борьбы, какие исторические периоды представляются, скажем так, системообразующими?

А.К.: Точкой отсчета для выявления и анализа долгосрочных тенденций в развитии вооружений и военной техники (ВВТ) для меня явилась прежде всего Первая мировая война (ПМВ). Она характеризовалась среди прочего массовым использованием новых видов ВВТ, включая танки, истребительную, штурмовую, бомбардировочную и разведывательную авиацию, особенно на ее заключительном этапе. Одной из особенностей Первой мировой войны было массовое применение тяжелой полевой артиллерии, что в немалой мере способствовало скачкообразному росту доли потерь от артогня по сравнению с огнем от стрелкового оружия. И это несмотря на массовое применение в ходе ПМВ станковых, затем и ручных, легких пулеметов. Такое положение дел сохранилось во Второй мировой войне и сохраняется, по оценкам многих специалистов, в современных условиях.

В ходе Второй мировой войны (для нас Великой Отечественной войны) получили развитие и средства, зародившиеся в ходе ПМВ, и большое число для того времени новейших средств. В воюющих странах масштабы производства вооружений и военной техники были колоссальными – танки, самоходные артиллерийские установки, самолеты, боеприпасы. Советские оружейники продемонстрировали выдающиеся достижения, в том числе с точки зрения технологичности и экономичности. Ярко проявилось значение

контрбатарейной борьбы, зародившейся в ходе ПМВ и получившей мощный импульс в ходе Великой Отечественной войны. Эта тема весьма актуальна и в современных условиях.

Многое из того, что зародилось в ходе ВМВ, получило свое развитие в послевоенный период в XX в., а затем и в XXI веке. Это относится к реактивной авиации, баллистическим и крылатым ракетам, зенитно-ракетным средствам, к управляемым авиационным ракетам «воздух-воздух», к радиоразведке, криптографии и дешифровке, средствам связи в тактическом, оперативном звене и пр. Мощный импульс в послевоенный период получил самый широкий спектр радиолокационных средств (основы которых создавались еще до ВМВ), технологии которых претерпевали значительные изменения. В современных условиях многие специалисты отмечают особую значимость развития пассивных радиолокационных средств в силу возросшей уязвимости активных радиолокационных станций.

При рассмотрении темы «эволюция средств вооруженной борьбы» необходим и детальный анализ локальных войн второй половины XX и первой четверти XXI века. Среди них, в частности, следует отметить арабо-израильскую войну октября 1973 г., в ходе которой использовался весь спектр современных по тому времени вооружений, особенно танков и авиации, причем почти исключительно советских (с арабской стороны) и американских (с израильской стороны). Масштабы боев были соизмеримы с тем, что имело место в ходе ВМВ, и это было столкновение примерно равных по своим возможностям противников. И в танках, и в авиации стороны понесли огромные потери.

Начало октябрьской войны 1973 г. было успешным для Египта и Сирии, а потом Израиль переломил положение дел в свою пользу. Советскому Союзу пришлось спасать своих союзников – дипломатическими методами, угрозой применения военной силы. В конечном итоге Египет в лице Анвара Садата развернулся в сторону США, несмотря на огромные вложения СССР в экономику Египта, в его вооруженные силы.

Восстановление наших отношений с Египтом в военной сфере произошло лишь в 1990-е годы. Мне довелось в этом принимать непосредственное участие, возглавляя делегацию российского военного ведомства в Каир для переговоров с министром обороны и начальником генштаба египетских вооруженных сил. Очень полезным был разбор с нашими египетскими коллегами действий в октябре 1973 г. Египта и Израиля на Синайском полуострове. Поучительной оказалась представленная мне руководством Минобороны Египта оценка непосредственного влияния политических установок президента Анвара Садата на оперативные цели и задачи ударной группировки египетских вооруженных сил. Садат, как утверждали египетские военные, ставил перед своей армией ограниченную задачу: не «сбросить Израиль в Средиземное море», а лишь освободить Синайский полуостров, занятый Израилем в ходе предыдущей арабо-израильской войны.

Определенное значение в эволюции средств вооруженной борьбы имеет и опыт последующих локальных войн и вооруженных конфликтов,

включая войну в Персидском заливе 1991 г., агрессию США и Великобритании против Ирака в 2003 г., российскую операцию по «принуждению к миру» в Грузии в 2008 г., разноплановые военные действия в Сирии, Карабахскую войну 2020 г.

Например, война в Персидском заливе и военная операция США и Британии против Ирака показали возросшее значение для хода боевых действий массированного применения авиации, в том числе авианосной, и высокоточного дальнобойного оружия, средств радиоэлектронной борьбы («электромагнитного удара»). Но, разумеется, все это надо рассматривать под углом зрения того, что вооруженная борьба в этих конфликтах велась весьма неравными противниками.

Карабахская война 2020 г. заслуживает особого внимания с точки зрения роли беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), опыт применения которых был, как представляется, учтен в недостаточной мере, несмотря на ряд важных исследований, проведенных по горячим следам, в числе которых я бы особо отметил разработку такого серьезного автора, как Руслан Николаевич Пухов (Буря на Кавказе, 2021).

М.С.: Какие тенденции в развитии средств вооруженной борьбы Вы бы отметили, начиная, скажем, с двух последних десятилетий XX века?

А.К.: Эволюция средств вооруженной борьбы уже в 1980-е гг. поставила вопрос относительно будущего танка, надводного корабля, пилотируемой ударной авиации. Довольно аккуратно, но однозначно указывал на это Маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков, с которым мне довелось общаться, когда я был первым заместителем министра обороны РФ. Он был бесценным советником для меня и для начальника российского Генерального штаба генерала армии Михаила Петровича Колесникова. Многие советские военачальники в 1980-е годы были не согласны с мнением Огаркова относительно роли танка, считая его по-прежнему главным ударным средством Сухопутных войск, настаивая на массированном применении танков в будущих войнах, в духе действий советских танковых армий в ходе Великой Отечественной войны и масштабных учений Сухопутных войск послевоенного периода. Нельзя не отметить, что в преддверии роспуска СССР, по официальным данным Минобороны СССР, к концу 1980-х гг. в составе наших вооруженных сил имелось 63 900 танков и 76 520 бронетранспортеров и боевых машин пехоты.

В современных условиях в средствах борьбы с танком к переносным противотанковым управляемым ракетам (ПТУР), ствольной артиллерии, ударным вертолетам штурмовой авиации добавились БПЛА, наносящие удар с верхней полусферы. Таким образом, остро стоит вопрос наращивания собственных средств защиты танка. Выдвигаются интересные предложения об оснащении танковых подразделений собственными БПЛА-перехватчиками для поражения дронов-«камикадзе». Об этом пишет, в частности, такой известный и интересный автор, как Александр Борисович Широкоград.

Уже в 1980-е годы ставился вопрос о превращении радиоэлектронной борьбы из обеспечивающего средства в непосредственно боевое, о перспективности превращения РЭБ в род войск (скажем, в Сухопутных войсках). Обсуждение этого вопроса отечественными специалистами активизировалось вновь в современных условиях (в частности, на страницах журнала Минобороны РФ «Военная мысль»).

Иной характер приобрела борьба за господство в воздухе, нежели это было в ходе ПМВ, Великой Отечественной войны и в ряде локальных конфликтов XX века.

М.С.: В продолжение темы – насколько сегодня актуальны идеи фон Клаузевица? Одни считают их вечными и потому релевантными и для современных конфликтов. Но есть и те, кто полагает его идеи устаревшими и не адекватными задачам, механике и «духу» современных войн (Kaldor, 2010). Какая позиция Вам ближе?

А.К.: Оценивая Клаузевица, надо различать природу войны и характер войны. Первая во многом связана с природой человека, меняющейся в мировой истории очень медленно, если вообще меняющейся. Характер войны, естественно, со временем может существенно меняться под воздействием геополитических и особенно технологических изменений, о чем мы говорили выше. То, что писал Клаузевиц о характере войны для первой трети XIX века, устарело для последующих исторических периодов, задолго до нашего времени. Что касается природы войны, то здесь многое из наследия этого военного теоретика и историка остается и останется актуальным.

Я бы выделил прежде всего известное положение Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими, а именно насильственными средствами. Клаузевиц отмечал, что первоначальные политические намерения, цели могут в ходе войны подвергаться «значительным изменениям» в зависимости от результатов военных действий.

А.А. Свечин и Б.М. Шапошников глубоко и аргументированно развили эти темы: они говорили о примате политики по отношению к военной стратегии, об особой важности постановки политических целей войны для стратегии, представили важное замечание об обратной связи между политикой и военной стратегией (Свечин, 2023). Развитием этой бессмертной темы стал вопрос о взаимоотношениях в треугольнике политика – идеология – военная стратегия, чему я тоже уделял много внимания в нескольких своих исследованиях (Кокошин, 2019).

Полезны для современных условий и рассмотренные Клаузевицем требования к полководцу.

Во все времена неизменно важным остаются его размышления о значении морально-психологического фактора на войне, о феномене *«трения войны»* и о *«тумане войны»*. *«Трению войны»* Клаузевиц посвятил специальный раздел в своей главной работе «О войне». Его мысли о *«трении войны»* и *«тумане войны»* необходимо учитывать при развитии систем и средств управления военными машинами, включая средства разведки, наблюдения,

связи, при планировании и проведении боевых действий в любом масштабе – стратегическом, оперативном, тактическом (Кокошин и др., 2021). Клаузевиц писал, что *«военная машина чрезвычайно проста»*, в силу чего кажется, что *«ею легко управлять»*, но *«ни одна из ее частей не сделана из целого куска»*, напротив, *«все решительно составлено из отдельных индивидов, испытывающих трение по всем направлениям»*. Конечно, современные военные машины ведущих государств уже давно не так просты. Наоборот, они становятся все более сложными человеко-машинными системами, можно сказать, суперсистемами с многочисленными «интерфейсами». Но во главе каждого из компонентов военной машины остаются люди, те же отдельные индивиды, о которых писал Клаузевиц, со всеми их психологическими, умственными и физическими характеристиками.

Значительный интерес по-прежнему представляют его размышления о методологии и методах военно-теоретических и военно-исторических исследований. Сам он неоднократно обращается к использованию «сослагательного наклонения» в анализе различных военно-исторических эпизодов. Оценивая жизненность идей и разработок Клаузевица, нельзя забывать о том, что базой его теоретических построений является глубокий историзм, а его теоретический труд «О войне» основывается на большом пласте военно-исторических исследований.

Наиболее значимой из собственно исторических работ Клаузевица является книга «1812 год». Это удачное сочетание научного труда со свидетельствами участника Отечественной войны, ведь Клаузевиц был в составе действующей русской армии. Именно в этом труде на конкретных примерах хода военных действий рельефно показано то самое *«трение войны»*. Немало места уделено морально-психологическому фактору, особенно умению русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова поднять моральный дух наших войск. Клаузевиц показал, что Кутузов в этом отношении был выше Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, тоже выдающегося полководца, который сыграл огромную роль в спасении нашего Отечества в 1812 году, разработав замысел стратегической обороны и реализуя этот замысел вплоть до передачи командования Кутузову. В этой войне, как известно, Российская империя, наша армия во главе сначала с Барклаем, а затем с Кутузовым одержала экстраординарную победу над одним из самых сильных полководцев всех времен и народов – Наполеоном.

М.С.: Говоря о Клаузевице, не могу не спросить о носителе другой традиции военного искусства – Сунь Цзы. На Западе уже несколько лет наблюдается ренессанс интереса к его идеям, особенно в контексте т.н. гибридных и ментальных войн. В своей работе о наследии Сунь Цзы Вы отмечаете, что «этот трактат – один из важнейших образцов традиционного китайского общественно-научного мышления, который во многом сохраняет свою актуальность и в XXI в.» (Кокошин, 2016). У нас много – по понятным причинам – говорят и пишут о разных модальностях военной угрозы с Запада.

А что важно понимать российской аудитории в части китайского военного искусства, планирования и стратегии?

А.К.: Знакомство с трактатом Сунь Цзы, проникновение в суть мысли этого выдающегося китайского мыслителя и полководца весьма полезно для понимания современного китайского подхода к войне и военному искусству, и для понимания природы войны вообще. В этом отношении Сунь Цзы, как и Клаузевиц, остается одним из столпов военной мысли на все времена. Весьма поучительны и сочинения китайских комментаторов Сунь Цзы в различные исторические эпохи вплоть до новейшего времени.

Оценить влияние идей Сунь Цзы на военную мысль Китая в новейшее время мне довелось в 1990-е гг., когда я на практике занимался становлением российско-китайских отношений в военной и военно-технической сфере (Кокошин, 2016). За прошедшие с той поры годы я неоднократно бывал в КНР с различными миссиями, выступал в китайских профессиональных аудиториях по политико-военным вопросам, получая при этом важную обратную связь. На китайском языке в КНР опубликовали пять моих книг по различным теоретическим вопросам политико-военного характера. Могу попутно отметить, что в целом у наших китайских друзей и коллег большой интерес к советской и российской военно-теоретической мысли.

«Знай себя и врага» – именно это положение трактата Сунь Цзы можно считать ключевым элементом его учения. При этом в Китае глубокое знание собственных реальных военных возможностей традиционно считается более сложной задачей, чем знание противника. На этот тезис Сунь Цзы в свое время обратил мое внимание генерал-полковник НОАК, тогда член Политбюро ЦК КПК и зампред Центрального военного совета КНР Цао Ганчуань. Он хорошо знает русский язык, учился в МВТУ и в Артиллерийской академии имени Дзержинского. Цао обратил мое внимание также на известную в Китае мысль древнего философа Лао Цзы, современника Сунь Цзы и Конфуция, который считал познание самого себя более высоким уровнем знания, чем познание других людей.

Цао Ганчуань, кстати, считается прямым потомком выдающегося китайского полководца II–III вв. н. э. Цао Цао, который был одним из важнейших комментаторов Сунь Цзы.

Следуя заветам Сунь Цзы, в Центральном военном совете, возглавляемом Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином, понимают, что современные военные машины исключительно сложны и требуются огромные системные усилия для понимания их сильных и слабых сторон высшим государственным руководством и военным командованием.

В размышлениях Сунь Цзы также обращает на себя внимание требование к тщательной отработке замысла войны и военных действий, что нашло свое отражение в современных теоретических и прикладных воззрениях в Китае.

Сунь Цзы едва ли не первый в мировой истории обратил внимание на такой важнейший вопрос как экономика войны, ее финансовая сторона

(на что, к сожалению, нередко не обращают внимания во многих военно-научных трудах).

Китайские военные теоретики и военачальники ценят размышления этого мыслителя о роли военного управления. В противоборстве с противником особая важность успеха в качестве и в средствах управления обоснованно подчеркивается сегодня рядом серьезных отечественных и зарубежных военных специалистов. Надо постоянно помнить о том, что наша победа в Великой Отечественной войне была обеспечена тогда, когда мы достигли превосходства над вермахтом в управлении во всех звеньях.

Писал Сунь Цзы и об исключительно важном значении разведки и разведчиков и, как и у Клаузевица, у него присутствуют глубоко продуманные требования к тому, каким должен быть полководец. По мысли Сунь Цзы, полководцу требуется иметь пять качеств: он должен обладать умом, быть беспристрастным (или справедливым), гуманным, мужественным и строгим.

Человек, стремящийся познать эволюцию китайской военной мысли, должен обращаться к Сунь Цзы и к тем, кто творил в этом направлении после него. Трактат Сунь Цзы, как и работы других китайских военных теоретиков прошлого, полны образности. Их перевод требует высокопрофессиональных комментариев китаистов, а для читателя такие комментарии не менее познавательны, чем сам перевод трудов. Я бы прежде всего порекомендовал читать «Избранные труды. Синология», серьезнейшую работу выдающегося отечественного академика-востоковеда Николая Иосифовича Конрада. В ней содержится перевод и глубокое исследование трактата Сунь Цзы (Конрад, 1977).

Надо вспомнить, что Сунь Цзы (как, впрочем, и Клаузевица) высоко ценил Мао Цзэдун. Мао зарекомендовал себя как самостоятельный военный мыслитель, разработавший, в частности, под влиянием Сунь Цзы теорию победоносной партизанской войны, на которую десятилетия спустя опирались в своей национально-освободительной борьбе движения во многих колониальных и зависимых странах. Военно-теоретическое наследие Мао не забывают и в современном Китае, но не воспринимают его догматически.

Формулы Мао, разумеется, нельзя прилагать напрямую к современной стратегии НОАК, но они очень важны как сгусток мысли для понимания одного из важнейших этапов развития политико-военной и военной стратегии КНР.

Специальный анализ трактата Сунь Цзы провел в свое время вьетнамский лидер Хо Ши Мин, который на его основе написал два собственных труда, имевших принципиально важный прикладной характер для вьетнамских патриотов. Большое внимание Хо Ши Мин уделял тезису Сунь Цзы о том, что *«война – это путь обмана»*, на основе которого он сформулировал свои двенадцать пунктов, которые читаются как наставление по подготовке и проведению операций.

История показала, что вьетнамские патриоты строго следовали этим наставлениям и до сих пор считают, что именно благодаря теоретическим разработкам Хо Ши Мина, опирающимся на трактат Сунь Цзы, была обеспечена выдающаяся победа сначала над французами, а затем США и их

южновьетнамскими марионетками. Могу отметить, что впечатляющую работу по переводу и анализу трудов работ самого Хо Ши Мина провел профессор Санкт-Петербургского государственного университета Владимир Николаевич Колотов (Хо Ши Мин, 2022).

К большому сожалению, Сунь Цзы и в целом китайской военной мысли у нас практически не уделяется внимание в профессиональных военных изданиях. А ведь роль наших взаимоотношений с этой великой страной и цивилизацией трудно переоценить, особенно в условиях того, как они складываются в последние годы, в том числе в военной сфере. Давно назрела потребность перевести и издать у нас работы важнейших современных китайских военных теоретиков и военных историков.

М.С.: Еще две темы, которыми Вы всегда активно занимались – сдерживание и эскалация. Если сдерживание не работает, стороны в конфликте приходят к необходимости управления эскалацией. В одной из своих работ Вы подробно раскрываете этот феномен и, отталкиваясь от анализа *«лестницы эскалации»* Г. Кана (Kahn, 2010), предлагаете с коллегами собственный вариант из 17 ступеней (Кокошин и др., 2021). Судя по актуальному состоянию российско-западного противостояния, мы уже забрались на весьма высокую ступень этой «лестницы» и продолжаем подбираться к конфликту с применением ядерного оружия. Так ли это или это эффект нагнетания информационного шума? И если так, видите ли Вы в текущей ситуации действенные варианты по деэскалации конфликта?

А.К.: Предложенная мной и генералами Ю.Н. Балухевским, В.И. Есиным, А.В. Шляхтуровым *«лестница эскалации»* носит во многом схематичный, условный характер. Занимаясь доработкой этого вопроса сегодня, мы, наверное, пошли бы значительно дальше и увеличили число ступеней «лестницы», но не до такого числа, какое было представлено Германом Каном 60 лет назад, когда бы издана первая редакция его работы.

Благодаря проводимой США и их союзниками политике ведения «гибридной войны» против России со все более значительными поставками вооружений и военной техники Украине, в том числе средств поражения, действующих на глубину на сотни километров, конфликт действительно поднялся довольно высоко по *«лестнице эскалации»*. Возникла угроза перехода «ядерного порога». Запад демонстрирует весьма высокий уровень безответственной готовности к высочайшим рискам ради «стратегического поражения» России. Наша страна выражает готовность к мирным переговорам на условиях, которые были четко обозначены Президентом В.В. Путиным. Российское руководство также позитивно оценило китайские инициативы по мирному урегулированию этого конфликта.

М.С.: Вы много исследовали и популяризировали отечественных специалистов в области военного дела, считаете, насколько можно судить, наиболее выдающимся в плеяде таких теоретиков А.А. Свечина. В чем особая ценность военно-теоретического наследия этого человека, о котором Вы написали в 2013 г. специальную монографию (Кокошин, 2013)?

А.К.: Начну с того, что Александра Андреевича Свечина я ставлю, по крайней мере, не ниже Клаузевица. В любом случае Свечин значительно видного британского военного историка и теоретика Б. Лиддел-Гарта. Как я уже отмечал, Свечин раскрыл сущность военной стратегии, ее теснейшее переплетение с внешней и внутренней политикой.

Удивительны его предвидения – он сумел заглянуть в следующий цикл мировой политики. В отличие от многих других отечественных и зарубежных военных теоретиков Свечин очень тонко и глубоко понимал хитросплетения современной ему мировой политики. Он, в частности, предвидел, что Польша будет первой жертвой Германии в будущей войне, предвидел неустойчивость и недолговечность такого образования, как Чехословакия. Огромное значение имеют его положения о важности стратегической обороны для СССР в будущей войне. Он также один из авторов формул оперативного искусства, его взаимосвязи со стратегией и тактикой. Его работы чрезвычайно важны и тем, что в них были подняты принципиальные вопросы экономики Вооруженных сил, экономики войны.

Считаю, что и его «Эволюция военного искусства» остается непревзойденной до настоящего времени и у нас, и за рубежом. Этот труд требует специального «путеводителя», краткого концентрированного изложения, который можно было бы использовать при подготовке военных и гражданских кадров для наших Министерства обороны, Вооруженных сил, аппарата Совета безопасности.

Особенно следует отметить глубочайший историзм Свечина, что характерно и для ряда других советских военных теоретиков, военных ученых, специалистов, военачальников, которые работали в 1920–1930-е годы. Они, как правило, демонстрировали высочайшие знания и культуру мышления, великолепный русский язык, обладали научной и гражданской смелостью. В значительной мере это, к сожалению, было утрачено после массовых репрессий конца 1930-х годов. После Великой Отечественной войны эти утраты сказывались десятилетиями.

Свечин признан в конце концов и в нашей стране, и за рубежом как один из наиболее выдающихся военных мыслителей. Однако на деле современные военные теоретики, специалисты в военно-научной сфере обращаются к нему не так часто, как следовало бы. Между тем творчество этого военного теоретика, военачальника дает множество полезных уроков. И среди них, повторяюсь, культура мышления, историзм, блистательное владение русским языком, подлинный патриотизм.

М.С.: В заключение – кто еще из отечественных теоретиков, по Вашей оценке, внес наибольший вклад в общее наследие отечественных политико-военных исследований? И в чем, если так можно выразиться, сила русской школы прикладной теории войны?

Кроме Свечина из числа крупнейших отечественных теоретиков, военных ученых я бы выделил Георгия Самойловича Иссерсона, Владимира Кириаковича Триандафиллова, Владимира Арсеньевича Меликова, Андрея

Евгеньевича Снесарева. Среди крупнейших военачальников, оставивших заметный след в военной науке, наряду с Борисом Михайловичем Шапошниковым можно отметить Михаила Васильевича Фрунзе, Иеронима Петровича Уборевича, Александра Ильича Егорова, Матвея Васильевича Захарова, Владимира Николаевича Лобова, в определенной мере Михаила Николаевича Тухачевского. Последнему при этом нельзя простить его попыток шельмования Свечина, некоторые его сверх радикальные идеи о техническом оснащении Красной Армии.

Не могу не отметить, что среди тех современных военных теоретиков, которые вели самостоятельные исторические исследования, был генерал армии Махмут Ахметович Гареев, долгие годы плодотворно возглавлявший Академию военных наук. Чрезвычайно ценную работу в военно-исторической науке провел и проводит профессор, генерал-майор Владимир Антонович Золотарев, автор многочисленных крупных и важных научных публикаций, весьма успешный руководитель крупных научных коллективов. С большой отдачей работают над серьезными научными проблемами на стыке военной науки, технических и естественных наук президент Российской академии ракетно-артиллерийских наук, генерал-майор Василий Михайлович Буренок, академик РАН Игорь Анатольевич Шеремет и целый ряд других авторов, преимущественно тех, кто связан с научно-исследовательскими институтами Минобороны России и Военной академией Генерального штаба Вооруженных сил России. Среди последних я хотел бы особо отметить такого крупного военного историка, как Алексей Валерьевич Исаев. Весьма значительный вклад в развитие отечественной военно-исторической и военно-теоретической мысли в новейшее время внес такой серьезнейший автор, как полковник, доктор исторических наук Сергей Николаевич Михалев, который в том числе обогатил нашу науку своим фундаментальным трудом «Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени» (Михалев, 2003).

Большим достижением советской военной мысли 1920-х – 1930-х гг. была теория «глубокой операции». К сожалению, на практике Красной Армии удалось ее осуществить только со второй половины 1943 г.

Очень поучительны для современных прикладных военно-научных исследований дебаты советских военно-морских ученых и специалистов в 1920-е – 1930-е гг. о будущем флота. Перед началом Первой мировой войны имели место похожие дебаты о будущем флота Российской империи. После Великой Отечественной войны таких открытых обсуждений, к сожалению, не было.

Президентом России – Верховным главнокомандующим поставлена задача строительства мощного сбалансированного Военно-морского флота России, развития кораблестроительной промышленности, соответствующего приборостроения для нужд флота. Этот вопрос требует глубокой научной проработки как военными, так и гражданскими учеными и специалистами

на стыке различных научных дисциплин с учетом развития геополитической обстановки, экономических возможностей России, с учетом всего нашего богатого исторического опыта – и Советского Союза, и Российской империи.

В целом, своей методологией, логикой, систематичностью работы многих отечественных теоретиков не просто интересны, но и крайне поучительны.

Список литературы

1. *Буря на Кавказе* (2021) под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 128 с.
2. Кокошин А.А. (2003) *Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России*. М.: РОССПЭН.
3. Кокошин А.А. (2013) *Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин*. М: Изд. Московского университета.
4. Кокошин А.А. (2016) О наследии Сунь Цзы. *Социологические исследования*. 390 (11): 114–123.
5. Кокошин А.А. (2019) *Вопросы прикладной теории войны*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
6. Кокошин А.А., Балуюевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. (2021) *Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн*. М.: ЛЕНАНД.
7. Конрад Н.И. (1977) *Избранные труды. Синология*. М.: Главная редакция восточной литературы. Издательство «Наука».
8. Михалев С.Н. (2003) *Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени*. М.: Кучково поле.
9. Свечин А.А. (2023) *Стратегия: искусство политики и войны*. М.: Издательство «Родина».
10. Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л. (2008) *Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX – начало XXI века*. Под общей редакцией генерал-полковника А.С. Рукшина. М.: Военное издательство.
11. Хо Ши Мин. (2022) *Законы войны Сунь-цзы. 1945–1946*. Перевод с вьетнамского и комментарии В.Н. Колотова. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета.
12. Adamsky D. (2010) *The Culture of Military Innovation: The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel*. Stanford University Press, 248 p.
13. Adamsky D. (2023) *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War*. Stanford University Press, 226 p.
14. Kahn H. (2010) *On Escalation: Metaphors and Scenarios* (1st edition – 1965, Praeger). Routledge. DOI: 10.4324/9781315125565.
15. Kaldor M. (2010) Inconclusive Wars: Is Clausewitz Still Relevant in These Global Times? *Global Policy* (1): 271–281. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00041.x.

ON WAR OF THE PAST AND THE PRESENT: THE EVOLUTION OF MEANS OF ARMED STRUGGLE AND MILITARY THOUGHT IN THE CONDITIONS OF GLOBAL CONFRONTATION

About the interviewee:

Dr. Andrey A. KOKOSHIN – Full member of Russian Academy of Sciences; Director, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University.

ORCID: 0009-0009-0740-6509. E-mail: aakokoshin@gmail.com
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000

The interview was conducted by **Dr. Maxim A. SUCHKOV**, Associate Professor, Department of European and American Studies; Director, Institute for International Studies, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal.

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received July 25, 2024

Accepted August 23, 2024

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: War as a political and social phenomenon is one of the central subjects in political science and international studies. This is one issue where theory and practice are intertwined most closely and updated most frequently since each new military conflict discovers new facets of war and peace for researchers, military and policy-making circles. This theme nests a number of related disciplines and subtopics some of which have become especially relevant amidst growing interstate rivalry on a global scale and in certain regions of the world. What do "containment" and "escalation" mean today? To what extent is a state's foreign policy strategy determined by its "strategic culture"? How relevant are the ideas of the great military thinkers of the past to modern and future wars? At the center of all these stories is the issue of the evolution of means of armed struggle: how they are changing and what humanity can come to as a result of the "arrogance of force" of some states. To discuss these and other matters, *Comparative Politics Russia* sat down with Dr. Kokoshin, one of Russia's leading experts in the field of military-political, socio-economic and technological aspects of international and national security.

Key words: strategic culture, forecasting, means of fighting war, strategy, military planning, escalation, deterrence, Svechin, Clausewitz, Sun Tzu

References

1. Adamsky D. (2010) The Culture of Military Innovation: *The Impact of Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel*. Stanford University Press, 248 p.

2. Adamsky D. (2023) *The Russian Way of Deterrence: Strategic Culture, Coercion, and War*. Stanford University Press, 226 p.
3. Ho Chi Minh (2022) *Sun Tzu's Laws of War. 1945-1946 [Zakony vojny Sun' Czy. 1945-1946]*. Translation from Vietnamese and comments by V.N. Kolotov. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
4. Kahn H. (2010) *On Escalation: Metaphors and Scenarios* (1st edition - 1965, Praeger). Routledge. DOI: 10.4324/9781315125565.
5. Kaldor M. (2010) Inconclusive Wars: Is Clausewitz Still Relevant in These Global Times? *Global Policy* (1): 271-281. DOI: 10.1111/j.1758-5899.2010.00041.x.
6. Kokoshin A.A. (2003) *Strategic Management. Theory, Historical Experience, Comparative Analysis, Challenges for Russia [Strategicheskoe upravlenie. Teoriya, istoricheskij opyt, sravnitel'nyj analiz, zadachi dlya Rossii]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
7. Kokoshin A.A. (2013) *Outstanding Russian Military Theorist and Military Commander Alexander Andreevich Svechin [Vydayushchijsya otechestvennyj voennyj teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin]*. Moscow University Press. (In Russian).
8. Kokoshin A.A. (2016) On the legacy of Sun Tzu [O nasledii Sun' Czy]. *Sociological Studies [Sociologicheskie issledovaniya]*. 390 (11): 114-123. (In Russian).
9. Kokoshin A.A. (2019) *Issues of Applied Theory of War [Voprosy prikladnoj teorii vojny]*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
10. Kokoshin A.A., Baluevsky Y.N., Esin V.I., Shlyakhturov A.V. (2021) *Issues of Escalation and De-escalation of Crisis Situations, Armed Conflicts and Wars [Voprosy eskalacii i deeskalacii krizisnyh situacij, vooruzhennyh konfliktov i vojn]*. Moscow: LENAND. (In Russian).
11. Konrad N.I. (1977) *Selected Works. Sinology [Izbrannye trudy. Sinologiya]*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature. Nauka Publishing House. (In Russian).
12. Mikhalev S.N. (2003) *Military Strategy: Preparation and Conduct of Wars of New and Modern Times [Voennaya strategiya: Podgotovka i vedenie vojn Novogo i Novejshego vremeni]*. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House. (In Russian).
13. *Storm in the Caucasus [Burya na Kavkaze]* (2021), R.N. Pukhov (ed.). Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 128 p. (In Russian).
14. Svechin A.A. (2023) *Strategy: The Art of Politics and War [Strategiya: iskusstvo politiki i vojny]*. Moscow: Rodina Publishing House. (In Russian).
15. Usikov A.V., Burutin G.A., Gavrillov V.A., Tashlykov S.L. (2008) *Military Art in Local Wars and Armed Conflicts. The Second Half of XX-Beginning of XXI Century [Voennoe iskusstvo v lokal'nyh vojnah i vooruzhennyh konfliktah. Vtoraya polovina XX- nachalo XXI veka]*. Under the general editorship of Colonel-General A.S. Rukshin. Moscow: Military Publishing House. (In Russian).